

Боевые ребята

№ 10

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

Свердловское Областное
Государственное Издательство
1949

Редактор-составитель
Л. ЧУМАКОВА

П. Бажов *Рисунки Ю. Соколова*

Росли в нашем заводе два парнишечка, по близкому соседству: Ланко Пужанко да Лейко Шапочка.

Кто и за что им такие прозванья придумал, это сказать не умею. Меж собой эти ребята дружно жили. Подстать подобрались. Умишком вровень, силенкой вровень, ростом и годами тоже. И в житье большой различки не было. У Ланка отец рудобоем был, а у Лейка на золотых песках горевал, а матери, известно, по хозяйству мытарились. Ребятам и нечем было друг перед дружкой погордиться. Одно у них не сходилось: Ланко свое прозвище за обиду считал, а Лейку лестно казалось, что его этак ласково зовут — Шапочка. Не раз у матери припрашивал:

— Ты бы, маменька, сшила мне новую шапку! Слышишь — люди меня Шапочкой зовут, а у меня тятин малахай, да и тот старый.

Дружбе ребячьей это не мешало. Лейко первый в драку лез, коли кто обзовет Ланка Пужанком:

— Какой он тебе Пужанко? Кого испугался?

Так вот и росли парнишечки рядком да ладком. Рассорки, понятно, случались да ненадолго.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться. От снегу до снегу домой только поесть да поспать прибегут. Мало ли в ту пору у ребят всякого дела: в бабки поиграть, в городки, шариком, порыбачить тоже, покупаться, за ягодами, за грибами сбегать, все горочки облазить, пенечки

на одной ноге обскакать. Утянутся из дому с утра — ищи их! Как вечером прибегут домой, так на них поварчивали:

— Пришел, наше шатало! Корми-ко его!

Зимой по-другому приходилось. Зима, известно, всякому зверю хвост подожмет и людей не обойдет. Ланка с Лейком зима по избам загоняла. Одежонка, видишь, слабая, обувка жиденькая — недалеко в них ускочишь. Только и хватало тепла из избы в избу перебежать.

Чтобы большим под руку не подвертываться, забьются оба на полати, да там и посиживают. Двоим-то все-таки веселее. Когда и поиграют, когда про лето вспоминают, когда просто слушают, о чем большие говорят.

Вот раз сидят этак-то, а к Лейковой сестре Марьюшке подружки набежали. Время к Новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься! Близко не пускают, а Марьюшка по-свойски еще подзатыльников надавала:

— Уходите на свое место!

Она, видишь, эта Марьюшка, из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов не было. Девушка будто и вовсе хорошая, да маленько косоротенька. Изъян вроде и не велик, а парни все же браковали ее из-за этого. Ну, она и сердилась.

Забились ребята на полати, пыхтят да помалкивают, а девчонкам весело. Золу сеют, муку по столешнице раскатывают, угли перекидывают, в воде брызгаются. Перемазались все, с визгом хохочут одна над другой.

Только Марьюшке невесело. Она, видно, изверилась во всякой ворожбе, говорит:

— Пустяк это. Одна забава.

Одна подружка на это и скажи:

— От бабушки слыхала, самое правильное гаданье будто такое. Надо вечером, когда все уснут, свой гребешок на ниточке повесить на сеновале, а на другой день, когда еще никто не пробудится, снять этот гребешок — тут все и увидишь.

Все любопытствуют — как? А девчонка объясняет:

— Коли в гребешке волос окажется — в тот год замуж выйдешь. Не окажется — нет твоей судьбы. И про то догадаться можно, какой волосом муж будет.

Ланко с Лейком приметили этот разговор и то смекнули, что Марьюшка непременно так ворожить станет. А оба в обиде на нее за подзатыльники-то.

— Подожди! Мы тебе припомним!

Ланко в тот вечер домой ночевать не пошел, у Лейка на полатях остался. Лежат, будто похрапывают, а сами друг дружку кулачонками в бока: гляди не усни!

Как большие все уснули, ребята слышат — Марьюшка в сенки вышла. Ребята за ней — и углядели, как она на сеновал залезла и в котором месте там возилась. Углядели и поскорее в избу. За ними следом Марьюшка прибежала. Дрожит, зубами чакает. То ли ей холодно, то ли боязно. Потом легла, поежилась маленько и, слышно стало, уснула. Ребятам того и надо. Слезли с полатей, оделись, как пришлось, и тихонько вышли из избы. Что делать, об этом они уже сговорились.

У Ланка, видишь, мерин был, не то чалый, не то бурый, звали его Голубко. Ребята и придумали этого мерина Марьюшкиным гребешком вычесать. На сеновале-то ночью боязно, только ребята один перед другим храбрятся. Нашли на поветях гребешок, начесали с Голубка шерсти и гребешок на место повесили. После этого в избу пробрались и крепко-крепко уснули.

Пока ребята спали, тут вот что случилось. Марьюшка утром поднялась раньше всех и достала свой гребешок. Видит — волосу много. Обрадовалась: жених кудрявый будет. Побежала к подружкам похвастаться. Те глядят — что-то не вовсе ладно. Дивятся, какой волос чудной. Потом одна разглядела волос из конского хвоста. Подружки и давай хохотать над Марьюшкой:

— У тебя женихом-то Голубко оказался!

Марьюшке это за большую обиду. Она разругалась с подружками, а те, знай, хохочут. Кличку ей объявили: Голубкова невеста. Прибежала Марьюшка домой, жалуется — вот какое горе приключилось, а ребята помнят вчерашние подзатыльники и с полатей поддразнивают:

— Голубкова невеста, Голубкова невеста!

Марьюшка тут вовсе разревелась, а мать смекнула, чьих это рук дело, закричала на ребят:

— Что вы, бесстыдники, наделали! Без того у нас девку женихи обходят, а вы ее насмех поставили.

Ребята поняли — вовсе неладно вышло, давай перекоряться:

— Это ты придумал!

— Нет ты!

Марьюшка из этих перекоров тоже поняла, что ребята ей такую штуку подстроили, кричит им:

— Чтоб вам самим голубая змейка привиделась!

Тут опять на Марьюшку мать напустилась:

— Замолчи, дура! Разве можно такое говорить? На весь дом беду накличешь.

Марьюшка в ответ на это свое говорит:

— Мне что до этого! Не глядела бы на белый свет!

Хлопнула дверью, выбежала в ограду и давай там снеговой лопатой Голубка гонять, будто он в чем провинился. Мать вышла, сперва пристрожила девку, потом в избу увела, уговаривать стала. Ребята видят — не до них тут, утянулись к Ланку. Забились там на полати и посиживают смирнехонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь? И голубая змейка в головенках застряла. Шопотом спрашивают один у другого:

— Лейко, ты не слыхал про голубую змейку?

— Нет, а ты?

— Тоже не слыхивал.

Шептали-шептали, решили у больших спросить, когда дело маленько призамнется. Так и сделали. Как Марьюшкина обида позабылась, ребята и давай разузнавать про голубую змейку. Кого ни спросят, те отмахиваются· «Не знаю!», да еще грозятся:

— Возьму вот прут да отвожу обоих! Забудете о таком спрашивать!

Ребятам от этого еще любопытнее стало: что за змейка такая, про которую и спрашивать нельзя?

Нашли-таки случай. По праздничному делу у Ланка отец пришел домой порядком выпивши и сел у избушки на завалинке. А ребята знали, что он в такое время поговорить больно охоч. Ланко и подкатился.

— Тятя, ты видал голубую змейку?

Отец, хоть сильно выпивши был, даже отшатнулся, потрезвел и заклятье сделал:

— Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!

Пристрожил ребят, чтоб напредки такого не говорили, а сам все-таки выпивши, поговорить-то ему охота. Посидел так, помолчал, потом и говорит:

— Пойдемте на бережок. Там свободнее про всякое сказывать.

Пришли на бережок, закурил Ланков отец трубку, оглянулся во все стороны и говорит:

— Так и быть, скажу вам, а то еще беды наделаете своими разговорами... Вот слушайте!

Есть в наших краях маленькая голубенькая змейка. Ростом не боль-

ше четверти и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нету. По траве идет, так ни одна былинка не погнется. Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головенку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что и не догонишь ее. Когда она этак-то бежит, вправо золотая струя сыплется, а влево черная-пречерная.

Одному увидеть голубую змейку — прямо счастье. Наверняка верховое золото окажется, где золотая струя прошла. И много его поверху большими кусками лежит. Только оно тоже с подводом. Если лишку захватишь да хоть капельку сбросишь, все в простой камень повернется. Второй раз тоже не придешь, потому место сразу забудешь. Ну, а когда змейка двоим-троим либо целой артели покажется, тогда вовсе верная беда. Все перессорятся и такими ненавистниками друг дружке станут, что до смертоубийства дело дойдет. У меня отец на каторгу ушел из-за этой голубой змейки. Сидели как-то артелью и разговаривали, а она и покажись. Тут у них и пошла неразбериха. Двоих насмерть в драке убили, остальных пятерых на каторгу угнали. И золота никакого не оказалось. Потому вот про голубую змейку и не говорят: боятся, как бы она не показалась при двоих либо троих. А показаться она везде может: в лесу и в поле, в избе и на улице.

Да еще сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать ее все-таки можно. Как идет, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава, и та под ней не гнется. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого черная сыплется.

Наговорил этак-то Ланков отец и наказывает:

— Смотрите, никому об этом не говорите и вдвоем про голубую змейку вовсе даже не поминайте. Когда в одиночку случится быть и кругом людей не видно, тогда хоть криком кричи.

— А как ее звать? — спрашивают ребята.

— Этого,— отвечает,— не знаю. А если бы знал, тоже бы не сказал, потому опасное это дело.

На том разговор и кончился. Ланков отец еще раз настрого наказал ребятам помалкивать и вдвоем про голубую змейку даже не поминать. Ребята сперва сторожились, один другому напоминали:

— Ты гляди про эту штуку не говори и не думай как со мной вместе. В одиночку надо.

Только как быть, когда они всегда вместе и голубая змейка ни у того, ни у другого с ума нейдет?

Время к теплу подвинулось. Ручейки побежали. Первая весенняя

забава — около живой воды повозиться: лодочки пускать, запруды строить, меленки водой крутить. Улица, по которой ребята жили, крутиком к пруду спускалась. Весенние ручейки тут скоро сбежали, а ребята в эту игру не наигрались. Что делать? Они взяли по лопатке, да и побежали на завод. Там, дескать, из лесу еще долго ручейки бежать

будут, на любом поиграть можно. Так оно и было. Выбрали ребята подходящее место и давай запруду делать, да поспорили, кто лучше умеет. Решили на деле проверить, каждому в одиночку плотинку сделать. Вот и разошлись по ручью-то. Лейко пониже, Ланко повыше, шагов, поди, на полсотни. Сперва перекликались:

— У меня — смотри-ко!

— А у меня! Хоть завод строй!

Ну, все-таки работа. Оба крепко занялись, помалкивают, стараются как лучше сделать. У Лейка привычка была что-нибудь припевать за работой. Он и подбирает разные слова, чтобы складно вышло:

Эй-ка, эй-ка, голубая змейка!
Объявись, покажись, колеском покрутись!

Только пропел, видит,— на него с горки голубенькое колеско катится. До того легонько, что сухие былинки, и те под ним не сгибаются. Как ближе подкатилось, Лейко разглядел — это змейка: колечком свернулась, головенку вперед уставила да на хвостике и подскакивает. От змейки в одну сторону золотые искры летят, в другую черные струйки брызжут. Глядит на это Лейко, а Ланко ему кричит:

— Лейко, гляди-ко, вон она, голубая змейка!

Оказалось, что Ланко это же самое видел, только змейка ему из-под горки поднималась. Как Ланко закричал, так голубая змейка и потерялась куда-то. Сбежались ребята, рассказывают друг другу, хвалятся:

— Я и глазки разглядел!

— А я хвостик видел. Она им упрется и подскочит.

— Думаешь, я не видел? Из колечка-то чуть высунулся.

Лейко, как он все-таки поживее был, побежал к своему прудику за лопаткой.

— Сейчас,— кричит,— золото добудем.

Прибежал с лопаткой и только хотел ковырнуть землю с той стороны, где золотая струя прошла, Ланко на него налетел.

— Что ты делаешь? Загубишь себя. Тут поди-ко черная беда рассыпана!

Подбежал к Лейку и давай его отталкивать. Тот свое кричит, упирается. Ну и разодрались ребята. Ланку с горки сподручнее, он и оттолкнул Лейка подальше, а сам кричит:

— Не допущу в том месте рыться! Себя загубишь. Надо с другой стороны.

Тут Лейко опять набросился:

— Никогда этого не будет! Загинешь там. Сам видел, как в ту сторону черная пыль сыпалась.

Так вот и дрались. Один другого остерегают, а сами тумаки дают. До реву дрались. Потом разбираться стали и поняли, в чем штука: видели змейку с разных сторон, потому правая с левой и не сходятся. Подивились ребята:

— Как она нам головы закружила. Обоим навстречу показалась. Насмеялась над нами, до драки довела, а к месту и не подступишься. В другой раз, не прогневайся, не позовем. Умеем, а не позовем.

Решили так, а сами только о том и думают, чтоб еще раз поглядеть на голубую змейку. У каждого на уме и то было, не попытать ли в одиночку. Ну, боязно, да и перед дружком как-то нескладно. Недели две, а то и больше все-таки о голубой змейке не разговаривали. Лейко начал:

— А что, если нам еще раз змейку позвать? Только чтоб с одной стороны глядеть.

Ланко добавил:

— И чтоб не драться, а сперва разобрать, нет ли тут обмана какого.

Сговорились так, захватили из дому по кусочку хлеба да по лопатке и пошли на старое место.

Весна в том году дружная стояла. Прошлогоднюю ветошь всю зеленой травой закрыло. Весенние ручейки давно пересохли.... Цветов много появилось. Пришли ребята к старым своим запрудам, остановились у Лейковой и начали припевать:

Эй-ка, эй-ка, голубая змейка!
Объявись, покажись, колеском покрутись!

Стоят, конечно, плечо в плечо, как уговорились. Оба босиком по теплому времени. Не успели кончить припевку,— от Лейковой запруды показалась голубая змейка. По молодой-то траве скоренько поскакивает. Направо от нее голубое облачко золотой искры, налево — такое же густое — черной пыли. Катит змейка прямо к ребятам. Они уже разбегаться хотели, да Лейко смекнул, ухватил Ланка за пояс, поставил перед собой и шепчет:

— Не гоже на черной стороне оставаться!

Змейка все же их перехитрила — меж ног у ребят прокатила. У каждого одна штанина золоченой оказалась, другая как дегтем вымазана. Ребята это и не заметили, смотрят, что дальше будет. Голубая змейка докатила до большого пня и тут куда-то подевалась. Подбежали, видят — пень с одной стороны золотой стал, с другой черным-чернехонек, и тоже твердый, как камень. Около пня дорожка из камней — направо желтые, налево черные.

Ланко сгоряча ухватил один золотой камень и чует — ой, тяжело, не донести такой, а бросить боится. Помнит, что отец говорил: сбросишь хоть капельку, все в простой камень перекинется.

Он и кричит Лейку:

— Поменьше выбирай, поменьше. Этот тяжелый!

Лейко послушался, взял поменьше, а он тоже тяжелый показался. Тут он понял, что у Ланка камень вовсе не под силу, и говорит:

— Брось, а то надорвешься!

Ланко отвечает:

— Если брошу, все в простой камень обернется.

— Брось, говорю! — кричит Лейко.

— Нельзя!

Ну, опять дракой кончилось. Подрались, наревелись, подошли еще раз посмотреть на пенек да на каменную дорожку, а ничего не оказалось. Пень как пень, а никаких камней, ни золотых, ни простых, вовсе нет. Ребята и судят:

— Обман один эта змейка. Никогда больше думать о ней не будем.

Пришли домой, там им за штаны попало. Матери отмутузили того и другого, а сами дивятся:

— Как-то им пособит и вымазаться на один лад! Одна штанина в глине, другая в дегтю! Ухитриться тоже надо.

Ребята вовсе на голубую змейку осердились.

— Не будем о ней говорить!

И слово свое твердо держали. Ни разу с той поры у них и разговору о голубой змейке не было. Даже в то место, где ее видели, ходить перестали.

Раз ребята ходили за ягодами. Набрали по полной корзиночке, вышли на покосное место и сели тут отдохнуть. Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано да у кого ягоды крупнее. Ни тот, ни другой о голубой змейке и не подумал. Только видят — прямо к ним через покосную лужайку идет женщина. Ребята сперва этого в примету не взяли. Мало ли женщин в лесу в эту пору: кто за ягодами, кто по покосным делам. Одно показалось им непривычным: идет, как плывет, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели — ни один цветок, ни одна травинка под ней не согнутся. И то углядели, что с правой стороны от нее золотое облачко колышется, а с левой — черное. Ребята и уговорились:

— Отвернемся, не будем смотреть! А то опять до драки доведет.

Так и сделали: повернулись спинами к женщине, сидят и глаза зажмурили. Вдруг их подняло. Открыли глаза, видят — сидят на том же месте, только примятая трава поднялась, а кругом два широких обруча, один золотой, другой чернокаменный. Видно, женщина обошла их кругом, да из рукавов и насыпала. Ребята кинулись бежать, да золотой обруч не пускает: как перешагивать — он и поднимется и поднырнуть тоже не дает.

— Из моих кругов никто не выйдет, если сама не уберу,— смеется женщина.

Тут Лейко с Ланком взмолились:

— Тетенька, мы тебя не звали!

— А я,— отвечает,— сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

— Отпусти, тетенька, мы больше не будем. И без того мы два раза подрались из-за тебя!

— Не всякая,— говорит,— драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли. Недаром золотым обручем от черной беды вас отгородила. Хочу ее испытать.

Насыпала из правого рукава золотого песку, из левого черной пыли, смешала на ладони, и стала у нее плитка черно-золотого камня. Женщина эту плитку прочертила ногтем, и она распалась на две ровнешенькие половинки. Подала половинки ребятам и говорит:

— Коли который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет, коли пустяк — выйдет бросовый камешек.

У ребят давно на совести лежало, что они Марьюшку сильно обидели. Она хоть с той поры ничего им не говаривала, а ребята видели — стала она невеселая. Теперь ребята про это и вспомнили, и каждый пожелал: «Хоть бы поскорее прозвище Голубкова невеста забылось и вышла бы Марьюшка замуж!»

Пожелали так, и плиточки у обоих стали золотые. Женщина улыбнулась:

— Хорошо подумали! Вот вам за это награда.

И подает им по маленькому кожаному кошельку с ременной завязкой.

— Тут,— говорит,— золотой песок. Если большие станут спрашивать,

где взяли, скажите прямо: «Голубая змейка дала, да больше ходить за этим не велела». Не посмеют дальше разузнавать.

Поставила женщина обручи на ребро, облокотилась на золотой правой рукой, на черный левой и покатила по покосной лужайке. Ребята глядят — не женщина это, а голубая змейка, и обручи в пыль перешли: правый в золотую, левый — в черную. Постояли ребята, запрятали свои золотые плиточки да кошелечки по карманам и пошли домой. Только Ланко промолвил:

— Не жирно все-таки отвалила нам золотого песку!

Лейко на это и говорит:

— Столько, видно, заслужили.

Дорогой Лейко чует — сильно потяжелело у него в кармане. Еле вытащил свой кошелек, до того он вырос. Спрашивает у Ланка:

— У тебя тоже кошелек вырос?

— Нет, отвечает,— такой же, как был.

Лейку неловко показалось перед дружком, что песку у них не поровну, он и говорит:

— Давай отсыплю тебе.

— Ну, что ж,— отвечает,— отсыпь, если не жалко.

Сели ребята близ дороги, развязали свои кошельки, хотели выровнять, да не вышло. Возьмет Лейко из своего кошелька горсточку золотого песку, а он в черную пыль перекинется. Ланко тогда и говорит:

— Может, все-таки опять обман!

Взял щепотку из своего кошелечка. Песок как песок, настоящий золотой. Высыпал щепотку Лейку в кошелек — перемены не вышло. Тогда Ланко и понял: обделила его голубая змейка за то, что пожадничал на даровщину. Сказал об этом Лейку, и кошелек на глазах стал прибывать. Домой пришли оба с полнехонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка велела.

Все понятно, радуются, а у Лейка в доме еще новость: к Марьюшке приехали сваты из другого села. Марьюшка веселехонько бегает, и рот у нее в полной исправе. От радости, что ли. Жених, верно, какой-то чубарый волосом, а парень веселый, к ребятам ласковый. Скоренько с ним сдружились.

Голубую змейку с той поры ребята никогда не вызывали. Поняли, что она сама наградой прикатит, если заслужишь, и оба удачливы в своих делах были. Видно, помнила их змейка и черный свой обруч от них золотым отделяла.

1945 г.

НА НОВОСЕЛЬЕ!

Е. Трутнева *Рисунок А. Бурака*

Ярче солнце засияло,
Дольше на небе оно.
Ледяные одеяла
Реки сбросили давно
И торопятся куда-то,
И бурливы, и вольны.
Пух на вербе, точно вата.
Ветки соками полны.
Первоцветы на лужайке
В свежих травах зацвели.
В синем небе птичьи стайки:
Гуси, утки, журавли.
И в лесу, и на болоте
Сразу стало веселей.
Кто же, кто на самолете
Обгоняет журавлей,
Пролетает через горы
И дремучие леса?..
Заглушают гул мотора

Птичьих песен голоса.
Почему в глазах пилота
Нетерпенье и забота?
В самолете что лежит?
И куда пилот спешит?
Он везет с собой посылки,—
Каждая полным-полна!
В них от сосенки, от елки,
От березы семена!
А пилот летит над степью;
Степь, как море, широка!
Рядом с ним проходят цепью,
Ровным строем облака.
Вот они — степные пашни,
В нежной зелени поля.
Им пока еще не страшно,—
Еще влажная земля,
Далеко еще до зноя,
До засушливых ветров.
Поле хлебное, родное,
Точно бархатный покров.
Для него пилот из леса
Мчит на крыльях семена,—
Встанет хвойная завеса,
Листьев свежая стена!
Не посмеют суховеи
Залетать на полосу,
Зацветут хлеба смелее,
Дольше будут пить росу...
Сколько радости, веселья!
Сколько птичьих голосов...
В добрый час,— на новоселье,
Семена густых лесов!

Пять с плюсом

Аф. Салынский *Рисунки Е. Гилевой*

Впервые в этот день по-весеннему были распахнуты окна школы. В большую перемену ребята выбежали на широкий школьный двор. Земля на дворе уже просохла. Посаженные осенью молодые тополи теперь распускали свои зеленые клейкие листочки. На старых березах, которые стояли вдоль двора, бойко щебетали птицы. И ребятам, взапуски бегавшим по двору, казалось, что и птицы, и деревья вместе с ними радуются весеннему солнцу и теплому ветру.

Петя Маркелов поставил в эту перемену новый рекорд по прыжкам в длину с разбега: четыре метра десять сантиметров. Никто из ребят пятого класса «А» не мог так хорошо прыгать, никто не обгонял Петю в беге на дистанцию сто метров.

Раскрасневшийся, с улыбкой на лице, он быстро шел по двору, поправляя свой красный галстук. Он так увлекся спортивной победой, что чуть не налетел на учителя математики, Ивана Николаевича, который прогуливался по двору.

— Постой-ка, чемпион,— добродушно улыбаясь, сказал Иван Николаевич.

Петя остановился и попросил извинения.

— Устал? — спросил учитель.

— Чуточку,— сознался Петя.

— Развивай выносливость, в артиллерии пригодится.

Иван Николаевич обнял Петю за плечи и медленно пошел с ним к школе, поскрипывая протезом.

Всю войну провел Иван Николаевич в артиллерийских войсках. На занятиях математического кружка рассказывал он ребятам о боях и походах своего дивизиона. Это было так интересно! И Петя решил стать артиллеристом. О своей мечте он рассказал лишь лучшему другу, Сашке Морозову, из пятого «Б», да самому Ивану Николаевичу. С тех пор учитель стал еще строже к Пете. Он требовал отличного знания математики: не зная этой науки, нельзя быть артиллеристом.

И еще об одном советовал всегда помнить учитель — о честности.

— Каждый человек должен быть правдивым и честным,— говорил он ребятам.— Но в военном деле честность особенно важна... Однажды в бою солдат взвода артиллерийской разведки нашего дивизиона допустил ошибку. Он струсил, и никому об этом не сказал. Это стоило нам двух орудий... А мне тогда осколком снаряда перебило ногу...

Иван Николаевич раскрыл классный журнал.

— Сегодня проверим, как мы усвоили четыре действия с дробями.

Голос у него был хрипловатый, лицо усталое.

— Хорошей отметки сегодня не жди,— шепнул Пете сосед по парте Коля Цвирков, рыжеватый, веснушчатый мальчик с большими ушами, одетый в темносиний костюм такого покроя, какой обычно бывает у взрослых.

— Тебе — только бы отметки...— также шопотом возразил ему Петя.

Коля обиделся.

В последнее время отношения между ними все более обострялись. Пете не нравилось, что его товарищ думает не о том, чтобы лучше знать, а лишь о том, чтобы в дневнике не появилось плохой отметки. Они даже поссорились однажды из-за этого.

— Смешной ты какой-то,— сказал тогда Петя.— Только и заботишься, чтобы все у тебя сверху было в порядке.

— Как это «сверху»?

— А так... Вот и брючки выглажены, и нос блестит, как пятак, а в ушах, смотри, как моя бабушка говорит, хоть репу сей!

Петя тоже не хотел бы иметь «троек» и «двоек», но думал прежде всего о глубине своих знаний. И, само собой понятно, учился отлично, не срамил чести своего отца, лучшего сталевара города. Петя тоже ходил в отутюженных брюках, но, умываясь, он никогда не оставлял в ушах места для посева репы.

— Условие первой задачи,— говорил между тем Иван Николаевич,— общее для всех.

Коля с тревогой ожидал, станет ли учитель делить класс по рядам, чтобы дать разные задачи? Услышав, что условие общее для всех, он обрадовался. Забыв свою обиду, он заискивающе улыбнулся и пододвинулся к Пете, чтобы легче было списывать. Однако Петя был не так-то прост. Он сразу понял маневр своего соседа и отодвинулся, дав таким образом понять, что списывать не позволит.

— Ну, ладно ж,— прошипел Коля.— Припомним...

Задача оказалась трудная. «Не сразу решишь»,— подумал Петя. Его сосед с подчеркнутой старательностью принялся решать задачу. Перо его быстро царапало бумагу. Он морщил веснушчатый лоб и изредка с победным видом косился на Петю: против обыкновения, на этот раз решение подвигалось у него быстрее. Желая во что бы то ни стало опередить товарища, Коля непростительно спешил.

А Пете почему-то не везло. Он хорошо знал все четыре действия с дробями и умел решать задачи, но сейчас никак не мог найти ключ к решению. Пробовал и так, и этак — ничего не выходило.

«Вот беда,— думал он, с беспокойством поглядывая на Ивана Николаевича, который медленно ходил между рядами парт, поскрипывая протезом.— Какая уж тут артиллерия... Решить со всеми не успею...»

Так и получилось.

Ребята на всех трех рядах парт зашелестели тетрадями. Со всех сторон слышался довольный шопот:

— Готово...

— Решил...

— Я — тоже...

Это еще более расстроило Петю. Он почувствовал в голове какую-то странную пустоту. Задача вдруг показалась ему удивительно далекой и непонятной. Покрасневший, с капельками пота на лбу, он оглянулся на Колю.

— А у нас давно уже все в порядочке,— заявил тот, язвительно улыбаясь, и прикрыл свою тетрадь ладонью.

— Не бойся, списывать не стану,— сказал Петя.— Вид у него был такой отчаянный, что Коля немедленно убрал руку с тетради.

— Все решили? — спросил Иван Николаевич.

— Все! — раздалось в ответ.

Петя молчал. Учитель это заметил.

— А ты, Маркелов?

— Я не решил,— ответил Петя.

Иван Николаевич удивленно вскинул свои густые седоватые брови, и Пете показалось, что учитель усмехнулся: «Эх, мол артиллерист...»

— Пройди к доске.

Когда Петя выходил из-за парты, произошло то, чего он никак не предполагал. Коля быстро оторвал частицу листа из своей тетради, где было решение задачи, скомкал комочком и сунул Пете в руку. Тот оглянулся на товарища. Лицо у Коли было напряженное, будто его самого вызывали к доске. Глаза его говорили: «Мне жаль тебя, я хочу тебе помочь». Не совсем еще понимая, что он делает, Петя сжал в кулаке шпаргалку...

Медленно, не глядя по сторонам, он шел к доске. Шпаргалка, словно раскаленный уголь, жгла ему руку. Было стыдно, будто он что-то украл и теперь несет это украденное.

Состояние Пети не ускользнуло от внимания Ивана Николаевича. Хитровато прищурившись, он смотрел на идущего к доске ученика. Встретив его взгляд, Петя разжал пальцы, и скомканная шпаргалка упала на пол. Вы думаете, Петя струсил? Нет! Он не струсил. Он был смелый. Он лазал на самые высокие деревья, он переплывал Исеть в самом широком месте... Нет, Петя не струсил. Встретив взгляд учителя, он вспомнил рассказ о том, как солдат взвода разведки побоялся признаться в своей ошибке — и чем это кончилось. Вспомнив это, он почувствовал, что не смеет обманывать, не смеет совершить такой подлости перед этим строгим и добрым человеком с орденскими ленточками на лацкане черного пиджака.

Твердым шагом Петя подошел к доске и повернулся лицом к классу. Коля не видел, что товарищ бросил шпаргалку, и теперь, подмигивая, ободряюще кивал ему головой. А Петя сурово смотрел на него и думал: «Пускай получу «кол», а не стану трусом, не стану обманщиком...» На душе у него было так отрадно, словно он лучше всех в классе решил задачу.

— Повторим условие,— сказал Иван Николаевич.

Голос учителя звучал четко и ясно. Мел приятно шуршал и постукивал по доске. «Два поезда вышли одновременно навстречу друг другу с двух станций...» «Два поезда...» И вдруг Петя нашел, нашел, наконец, то, над чем безуспешно бился почти половину урока. Нашел ключ к решению задачи.

— Есть,— сказал он,— есть!..

Иван Николаевич посмотрел, как быстро забегал мел по доске, решил, что ученик справится сам, и, довольный, пошел по классу.

Чувствуя спокойную уверенность, Петя решительно шуршал и постукивал мелом по доске, старательно выписывая цифры.

А учитель, прохаживаясь между рядами парт, как бы невзначай нагнулся и поднял скомканную бумажку. Затем вернулся к своему столу. Присел на стул и, мельком взглянув на Петю, развернул бумажку. Прочел, что-то дважды подчеркнул карандашом и усмехнулся.

— Я кончил,— сказал Петя и вытер тряпкой руки, запачканные мелом.

Иван Николаевич встал, проверил решение.

— Садись.

Петя вернулся на свою парту.

— А ловко ты действовал,— зашептал ему в ухо Коля,— даже я не заметил, как ты держал шпаргалку. Только ты как-то не по-моему решил.

— Я бросил твою шпаргалку,— сказал Петя.— И к доске не донес.

— Ну? А как же ты?..

Разговор их прервал Иван Николаевич. Он подошел и положил на парту шпаргалку.

— Из твоей тетради, Цвирков?

Коля вздрогнул, в растерянности раскрыл рот и, часто моргая, уставился на шпаргалку. Смутился и Петя. Он не ожидал, что учитель поднимет брошенную им бумажку.

— Твоя? — повторил Иван Николаевич.

— Н-нет... то-есть, м-моя...— пролепетал Коля.

Тогда учитель тихо и строго сказал:

— Ты неверно решил задачу. Смотри...— он показал подчеркнутые места и указал на доску: — А Маркелов решил правильно.

В классе наступила тишина. Затаив дыхание, слушали ребята учителя. А он говорил:

— Ставлю тебе двойку, Цвирков,— за плохое решение задачи и эту шпаргалку. А тебе, Маркелов,— пять с плюсом. Пять за решение задачи, а плюс... плюс за твою честность и мужество! — Учитель улыбнулся, ласково взъерошил жесткие и светлые Петины волосы и добавил: — Быть тебе артиллеристом, Маркелов.

Б. Михайлов *Рисунок А. Бурака*

На причале качается лодка,
Пахнет мокрым канатом, корой.
Чуть светает. Чуть плещется.
Вот как
Начинается день над рекой.

Осыпается галька.
Проходим
Мимо гибких кустов ивняка.
Листья белые смотрятся в воду,
Их касаются волны слегка.

Никого. Только хищная птица
Замирает вблизи облаков.
Никого. Только в лодку садится
Трое нас, молодых рыбаков.

Птица падает вниз, рассекая
Воздух, воду... И вот над водой
В клюве бьется добыча, сверкая
Чешуею своей золотой.

К полдню рыбы мы вдоволь наловим,
Расположимся в тень под ольху
И на сучьях душистых еловых
Ароматную сварим уху.

Н. Попова, Е. Хоринская *Рисунки Е. Гилевой*

Участвуют:

Зина, Вадим, Катя, Тома — Юннаты Дома пионеров

Люба — сестра Зины, девочка лет семи.
Ольга Сергеевна — руководительница кружка.
Полковник Павлов.

(Действие происходит в комнате юннатов)

Вадим. Ребята, скорее! Сейчас он сюда придет.

Катя. Кто придет?

Вадим. Полковник, конечно. Он сейчас у драмкружковцев. И обещал к нам!

Катя. Ну, да, пойдет он!

Тома. Он к авиамоделистам.

Вадим *(кричит)*. Он сказал — к юннатам!

Голоса: — Ой, ой, скорее, ребята, аквариум вытрите!
— Катя, дай тряпку!
— Розу, розу на стол!
— Вадим, ты у Карлушки в клетке, наверное, не чистил.

Вадим. Чистил... Верно, Карлуша?

(Ворон каркает: — Кар-кар!)

Кто из девочек брал альбом?

Катя. Походный?

Вадим. Да нет, по садоводству.

Катя. Зина брала... Листочки подклеить. Зина, где альбом?

Зина. Девочки! Он дома! Мне же никто не сказал... Я не знала... Подклеила вчера и положила сушить.

Катя. Ой, ужас, ужас!

Зина. Девочки, я сейчас позвоню по телефону, и Люба мне мигом принесет. В одну минуту! *(Набирает номер.)* Это квартира? Позовите, пожалуйста, Любу. Люба, это ты? Люба, это я. Люба, скорее, пожалуйста, принеси альбом, на столе лежит. Скорее только, бегом. Хорошо? А у нас в гостях полковник... Можно, можно, приходи, только скорее... *(Вешает трубку.)* Ну, вот, девочки, все в порядке, сейчас Люба принесет.

Голоса: — Идет!

— Тише!

— Идет!

(Входит Ольга Сергеевна с полковником.)

Ольга Сергеевна. А в этой комнате у нас занимаются юннаты.

Полковник. Здравствуйте, юные мичуринцы!

Ребята. Здравствуйте!

Полковник. О-о! Да вы, я вижу, здорово поработали! Вот так тыква! А огурец! Поневоле Крылова вспомнишь: — «Что огурец не грех за диво счесть, в котором двум усесться можно». Кто же это у вас выращивал?

Голоса: — Вадим Сергеев!

— Вот он!

Полковник. Молодец... А-а! Розы! Люблю эти цветы... Нам в госпиталь пионеры часто приносили цветы, и это было очень приятно.

Ольга Сергеевна. Эти розы выращивали Зина и Катя. Пойдите сюда, девочки.

Полковник. Прелестные цветы. Но как жаль, что они скоро отцветут.

Зина. А мы их зарисовали... Красками... Лева Пономарев зарисовал, он очень хорошо рисует.

Катя. Они вышли, как живые.

Полковник. Это хорошо. Работу необходимо фиксировать. У вас, что же, есть дневники, записи? Интересно посмотреть.

Голоса: — Да, да, есть...

— Вот поход по Чусовой, вот дневник огородников...

— Альбом по садоводству сейчас принесут.

(Ворон — Кар-кар!)

Полковник. А это что за франт в черном костюме?

Вадим. Это наш ворон Карлуша, познакомьтесь... Он проживет триста лет... Мы его сами поймали.

Полковник. Ну, здравствуй, мудрый ворон. Как вас зовут?

(Ворон: — Кар-Кар!)

А! Карл Карлович? Очень приятно, будем знакомы.

(Стук в дверь.)

Люба. Можно?

Ольга Сергеевна. Можно, можно.

Люба. Здравствуйте. Я альбом принесла.

Полковник. Альбом по садоводству? Замечательно! Давай его сюда, крошка. Посмотрим... *(Пауза. Листает альбом.)* Здесь, повидимому, и рисунки и записи, это очень хорошо... *(Читает:)* «Незабудку голубую»... Позвольте, разве вы и незабудки разводите?

Тома. Да... То-есть, нет... *(Шопотом:)* Какие незабудки?

Полковник *(читает)*:

«Как я буду, как я буду
Белу розу поливать?»

Разве у вас были затруднения с поливкой? Но почему об этом написано в стихах и притом довольно неуклюжих?

Вадим. Что за чепуха?

Полковник *(продолжает читать)*:

«Мы с подружкой Ниною
Сидели под малиною...»

Мгм... Ничего не пойму...

Вадим *(заглядывая в альбом, потом с негодованием обращается к девочкам)*: Кто это набезобразничал в альбоме?

Голоса: — Не я!
— Не я!
— Не мы!

Зина. Девочки! Это не тот альбом! Люба перепутала! Не тот альбом! Не тот! Товарищ полковник, дайте мне, пожалуйста, альбом!

Полковник. Нет уж, разрешите рассмотреть его до конца *(читает)*:

«Сияла в небе звездочка,
И ангел тихо пел,
Плыла по речке лодочка...»

Определенно не тот альбом!

«Когда умру, когда скончаюсь,
Когда не будет здесь меня,

Тогда возьми альбом сей в руки
И вспомни, кто любил тебя...»

Да, не тот альбом, определенно не тот, не наш альбом... Такие стихи только бабушки писали и то при царе Горохе...

«Писать красиво не умею,
Альбом украсить не могу...»

Очень плохо, что ученица не умеет красиво писать, и еще хуже, что она увлекается дрянными стишонками.

Зина. Дайте, пожалуйста! Не читайте дальше!

Полковник *(продолжает читать):*

«Не верь тому, что здесь напишут,
В альбоме редкий не соврет...»

Очень плохо! Врать никогда не следует.

«Дарю тебе корзиночку.
В ней тридцать три слезиночки
И глазки индюка...»

Какая бессмыслица! И это могут писать советские школьницы! А это что такое? Почему загнут угол? Посмотрим.

Зина. Не надо, не читайте!

Полковник. Нет, нет, посмотрим. *(Читает:)* «Секрет на сто лет»...

«Если хочешь быть счастливой.
Ешь побольше чернослива,
И тогда в твоем желудке
Разведутся незабудки...»

Вот так рецепт счастья! Нечего сказать! *(Сурово:)* Советские люди за счастье, за ваше счастье жизнь отдавали на фронте! Теперь они самоотверженно трудятся и своими руками создают свое счастье. Счастье — большое слово! *(С шумом захлопывает альбом.)* Неужели и у других девочек есть такие диковинки?

Голоса: — Нет! У меня нет!
— У меня тоже нет!
— А я никогда и другим не писала!

Катя. У меня есть альбом.

Полковник. Есть, Катя? И тоже с такой чепухой?

Катя. Нет. Мне туда девочки хорошие стихи пишут. Вот, например, недавно одна девочка написала мне стихотворение «Школьным друзьям». Мне оно очень нравится, я его даже на память знаю. Хотите прочитаю?

Полковник. Пожалуйста, просим.

Катя (читает):

Когда листва кружится золотая
И листья падают в наш старый пруд,
Или снежинки, тихо пролетая,
На улицу настойчиво зовут,

Или водой на горных перекатах
Опять звенит задорная весна,
Нам иногда покажется, ребята,
Что комната становится тесна...

Нас тянет вдаль. На месте не сидится.
Зовут и манят яркие лучи.
Взмахнуть бы крыльями, взлететь, как птица,
А тут сиди и формулы учи!

И вдруг посмотрит в окна солнце строже:
— Тебе сегодня не легко? Ну, что ж...
Но ведь без формул ты летать не сможешь,
Без формул ты далеко не уйдешь.

Водить ли в небе самолет случится,
Взрывать ли горы, или плавить медь,
Всему сначала надо научиться —
Летать и строить, рисовать и петь...

И нужно стать решительным и строгим,
Чтоб быть готовым к дальнему пути.
Нам широко раскинуты дороги,
Но ведь по ним не просто жизнь пройти.

Когда посмотрим взрослыми глазами
На школьные веселые года,
Мы вспомним школу, светлый класс, экзамен,
Все то, что не забудешь никогда.

Припомним мы тогда свой каждый промах,
Друзей-ребят и весь наш дружный класс,
И эти ветки белые черемух,
Что смотрят в окна, будто манят нас.

П о л к о в н и к. Вот это другое дело! Такие стихи следует собирать в альбом. А у Зины не тот альбом, не тот альбом, ребята!

О л ь г а С е р г е е в н а. Уж вы извините, товарищ Павлов, что у нас ошибка вышла... Бывает... Пойдемте смотреть работы авиамоделистов. А к юннатам вы весной приходите или лучше летом.

Г о л о с а: — Приходите! Приходите!
— У нас в саду очень хорошо!

П о л к о в н и к. Обязательно приду! Желаю вам успеха, ребята! До свидания!

Г о л о с а: — До свидания! До свидания!
— Приходите обязательно!

(Полковник и Ольга Сергеевна уходят. Пауза.)

В а д и м *(грозно)*. Ну! Отличились! Весь Дом пионеров опозорили!

Г о л о с а: — Ой, ужас! Позор!
— Это все из-за тебя. Как тебе, Зина, не стыдно!

З и н а. Девочки! Это Люба!

Л ю б а *(с плачем)*. Ты сказала «на столе», я и взяла...

В а д и м *(кричит)*: Сознавайтесь лучше, альбомницы, у кого еще есть такая пакость?!.

Г о л о с а: — Нет! Честное слово, Вадик, нет! У одной Зины есть!

З и н а. И у Зины не будет! *(Рвет альбом.)* Вот, вот, вот! Я себе другой альбом заведу, настоящий... *(Всхлипывает.)* Катя, ты мне дашь списать тот стишок, который ты читала?

Н. Попова, Е. Хоринская — *Рисунок А. Бурака*

Участвуют:

Люба Бородина
Алла Симонова
Вера Гусева
Тамара Елкина
Анна Константиновна

(Действие происходит в классе)

Люба *(стоит за учительским столом и кричит, размахивая тетрадкой)*. Девочки! Слушайте! Я сделала открытие... То-есть не открытие, а изобретение. Я написала руководство «Как помочь товарищу». *(Хохочет.)* Слушайте! *(Читает:)* «Неопытные суфлеры своим вмешательством только портят отметку товарища. Опытные могут оказать товарищу помощь. Для этого есть ряд правил... *(Хохочет.)* Самый простой способ подсказки — сложить руки рупором, но можно объясняться и знаками. Если товарищ, вызванный к доске, молчит, надо посоветовать ему зажать нос платком и сказать педагогу, что идет кровь из носа, а после этого посоветовать уйти из класса». *(Хохочет.)*

Вера. Люба, хоть ты и шутишь, а даже слушать неприятно. Знаете, девочки, мне подсказки кажутся... или вернее те, кто подсказывает, и те, кто пользуются, вроде карманных воришек... Противно!

Люба *(сердито)*. Зубрилка! Вечно все испортит! Не хочешь — не слушай!

(Вера и другие девочки отходят, разговаривая между собою. У стола остаются только Люба и Тамара.)

Тамара. Читай, Люба, читай, очень смешно!

Люба *(читает)*: «Если педагог соберется пойти на дом к ученику, можно сказать, что родители уехали в командировку...» *(Входит Алла.)*

Алла. Над чем вы, девочки? Ой, девочки, я прямо ничего не знаю по зоологии. Как стану учить, и мне так надоеда-а-ет... Прямо беда, если спросят.

Люба. Я подскажу, не бойся! У меня много-премного всяких способов.

Алла. Ой, подскажи, Любочка, выручи! *(Звонок.)*

Люба. Не бойся! Вывезу! Хоть на троечке, да выедешь!

(Девочки спешат занять свои места. Входит Анна Константиновна. Поздоровавшись, смотрит в журнал и говорит, ведя пальцем по столбцу фамилий.)

Анна Конст. Отвечала... Отвечала... Так... Отвечала... Алла Симонова!

Алла. Ой! *(Растерянно приглаживает волосы, идет к доске. Умоляюще глядит на Любу, которая сидит на первой парте. Та держит в руках учебник зоологии.)*

Анна Конст. Пожалуйста, расскажите мне об органах кровообращения голубя.

(Алла молчит. Люба с лихорадочной быстротой листает книгу и, согнувшись, прикрыв рот рукой, чтоб не заметила учительница, начинает подсказывать. Алла повторяет.)

Люба *(шопотом)*. Строение органов...

Алла *(громко)*. Строение органов...

Люба. ...кровообращения и дыхания лягушки резко отличается...

Алла. ...кровообращения и дыхания лягушки...

Анна Конст. Что вы говорите, Симонова? Я спрашиваю вас не о лягушке, а о голубе.

Люба *(трагическим шопотом)*. Страницу перепутала! Скажи: «Отличается от голубя...»

Алла. Строение органов кровообращения и дыхания лягушки... они отличаются от голубя.

Анна Конст. Я вас спрашиваю не об этом. Вы поняли мой вопрос?

Люба *(шепчет)*: Беда! У меня этой страницы нет!

Алла. У меня страницы нет.

Анна Конст. Это не отговорка. Вы могли попросить учебник у подруг.

Алла. Я учила. Я... Я подумаю...

Анна Конст. Подумайте, вспомните.

Люба *(шепчет)*: Нашла! Слушай! Кровеносная система голубя отличается...

Алла. Кровеносная система голубя отмечается...

Люба. ...мощным развитием сердца...

Алла. ...тощим развитием сердца.

Люба *(шипящим шопотом)*: Мощным! Мощным!

Алла *(растерянно)*. Общим...

Анна Конст. Бородина! Я лучше слышу подсказки, чем ваша подруга. Дайте сюда книгу. *(Люба подает книгу и, усевшись за парту, листает свое «руководство». Анна Константиновна обращается к Алле:)* Продолжайте. Что вы знаете о кровеносной системе голубя?

(Алла молчит, склонив голову.)

Люба *(шепчет отчаянно)*. Кровь из носу!

Алла *(трусливо)*. У него кровь идет из носу... То-есть, из клюва...

Люба *(шепчет сердито)*. Не у него, а у тебя! Закрой лицо платком!

Алла *(растерянно)*. Лицо платко... Не у него...

Люба. Глупая! Иди из класса!

Алла. Глу... Ой... *(Закрывает лицо руками.)*

Анна Конст. Садитесь, Симонова. Бородина, встаньте и поговорим. Вы считаете, что удружили Симоновой? Вы не подумали о том, что подсказки только вредят ей. Что будет она знать, когда кончит школу? Как будет жить такая недоучка,— вы об этом подумали? Какой стыд! Ведь все остальные девочки, я думаю, понимают, что надо хорошо учиться, запасаться знаниями, чтобы, окончив школу, стать знающим, полезным стране человеком. Девочки! Меня очень огорчило, что в вашем классе ведутся подсказки! Очень огорчило!

Девочки *(перебивая друг друга)*:

— Не честно подсказывать!

— Какой стыд!

— Это только Люба, мы никто не подсказываем!

— И Люба не будет. Верно, Люба?

— Анна Константиновна, это не повторится!

Анна Конст. Бородина, что скажете вы?

Люба *(сконфуженно)*. Не повторится!

НИКИТЫЧ

Е. Долинова *Рисунки А. Бурака*

Шел кузнец Фомин с завода,
Надивиться он не мог:
«Это что же за погода,
Это что же за денек!
Ну, и лето, ну, и май,
Впору — шубу надевай!
Солнце выглянет, да редко,
Ненадежное весьма...»

Дома встретила соседка:
«Вам, Никитыч, три письма».
Широко шагнул с порога,
«Ой, да что вы? Вот как много!
Помнят батьку сыновья,
Их ведь трое у меня».

Старший пишет с Украины:
«Я, отец, уже писал —
Мы хотим, и я и Зина,
Чтоб ты к нам переезжал.
Твоему внучонку Коле
Уж девятый год пошел,
Он отличник первый в школе.
И живем мы хорошо:
Подросла вторая телка,
Огород большой у нас.
Помидоров будет сколько!
Ты приедешь в самый раз».

«Очень ты от нас далеко... —
Пишет средний, Петр, с Востока.—
И чего ты там застрял?
Чем пленил тебя Урал?
Приезжай, мы будем рады.
Отдыхать тебе пора бы...»

«А у нас уж зреет груша, —
Пишет младший сын Ванюша, —
И тебе во всяком разе
Лучше будет на Кавказе.
Я уж думаю, метели
Там порядком надоели.
Оставляй свои пимы —
На Кавказе нет зимы!»

По окошку дождь струится...
Ночь. Наверно, третий час,
А Никитычу не спится.
«Ну-ка, встану я сейчас». —
Встал, оделся, свет включил,
В пузырек подлил чернил,
Сел за стол и до рассвета
Написал он три письма.

«За любовь да за советы
Благодарен вам весьма.

Вы хотите, чтоб в покое
Жил я с вами, отдыхал...
Но зачем же вы такое
Говорите про Урал.
Дескать, что ты там прижился,
Да чего ты там застрял...
Да ведь я же здесь родился
И взрастил меня Урал.
Ты запомни это, Петя,
Не чини обиды мне.
Знай: на всем на белом свете
Нету места мне родней...»

«А народ какой, уральский!
Эх, да разве рассказать!
Наш завод-то план-то майский
Перевыполнил опять.
Говорить про отдых рано,
Не волнуйтесь, не устал.
В этот месяц я сверх плана
Сто деталей отковал.
И полгода уж в Свердловске
Все считаюсь впереди.
Ты, сынок, про отдых брось-ка,
Ты об этом — погоди...»

Пальцы даже с непривычки
От писания свело.
«Закурить бы... Где же спички?»
За окном уж рассвело.

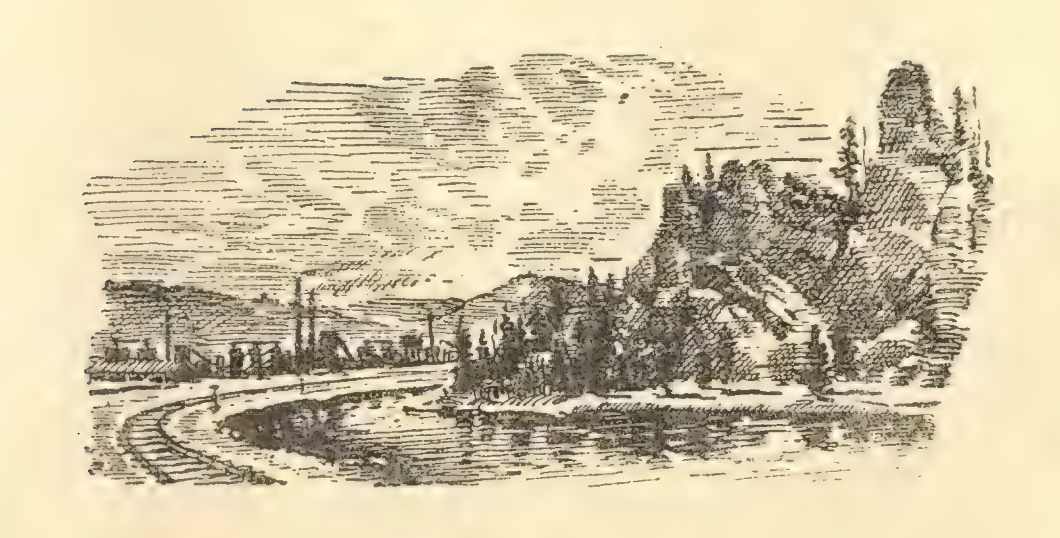
«Написать еще вам что же?..
Огород засеял тоже,
Соток пять одной картошки,
Ну, и мелочи немножко.

Между прочим, вы отстали,
Фрукты есть и на Урале.
В прошлый год полтонны яблок
Мы в садах своих собрали.

Коллективные сады
Дали первые плоды,
А на будущую осень
Груши будут плодоносить.

Так что плакаться не стану,
И потом, известно вам,
Что по сталинскому плану
Юг приблизится и к нам,
И Урал мой, говорят,
Будет как цветущий сад.
А пока что и метели
Мне по сердцу, и мороз,
Семь погодок на неделе...
Я душою в это врос.
И с Урала — не маните.
Я скажу вам напрямик:
Местность нравится — живите.
Это кто к чему привык.

А места я ваши знаю,
Я в гостях у вас бывал.
Хорошо у вас, не хаю,
Но уж нынче, приглашаю,
Приезжайте на Урал».

НОВИЧОК

Н. Сергеев

Рисунки Е. Гилевой

Среди учеников 7 «Б» класса новичок выделялся своей запоминающейся с первого взгляда внешностью и несколько странным поведением. Это был ловкий, черный, как галчонок, паренек. Его непокорные волосы с двумя вихрами на затылке казались растрепанными, большие черные глаза походили на кусочки антрацита, а темный пушок на верхней губе прибавлял к пятнадцати годам парочку еще не прожитых лет.

На новичке был поношенный костюмчик защитного цвета из хорошей материи, но теперь разукрашенный заплатами, пришитыми неумелой мужской рукой. Паренька звали Богданом, а фамилия была смешная: Завийвитер.

Богдан во время эвакуации из занятого немцами Донбасса потерял родителей и скитался по чужим людям, беспризорничал. После войны судьба забросила Завийвитра в один из приволжских городков, где он превратился в циркового артиста. Весной 1947 года Богдан приехал в приисковый уральский городок, где жил его родной дядя. Встреча с дядей положила конец Данкиной бродячей жизни, и он снова мог приняться за учебу.

Завийвитер пришел первого сентября в школу и сразу попал в переплет. В светлом высоком вестибюле ребята устроили ему «смотрины»

с подробным допросом и выявлением на месте всех качеств новичка:

— Зовут? — спросил его известный острослов Миша Котов.

— Данко,— Миша усмехнулся и подмигнул товарищам.

— Фамилия?

— Завийвитер.

— Это по-каковски?

— Обыкновенно...

— Откуда тебя, такого ветра надуло?

— С Донбассу.

— Не с Донбассу, а из Донбасса.

— Все равно.

— По-неграмотному, конечно, все равно, а ты собираешься учиться в восьмом классе!

— Чего придираешься?

— Учить тебя надо.

— Не тебе ли?

Ребята окружили Данко плотней:

Еще не было случая, чтобы кто-нибудь из новичков так себя вел. Обычно новичок держится скромно и отвечает на вопросы совсем другим тоном.

— Ты походишь, знаешь на кого? — спросил Котов.

— Ну? — Данко прищурился.

— На мартышку.

Ребята дружно засмеялись. Данко сжал кулаки. Котов благоразумно уступил место первому силачу класса Степе, по прозванию Левша.

— Ну и что? — спросил Левша.

— Ничего, — спокойно ответил Данко.

— А еще что?

— Все то же...

Данко явно дерзил. Ребята переглянулись.

Левша нахмурился. В споре первый силач не был искусен и, боясь попасться впросак, решил без промедления перейти к действию.

— А ну, давай! — Степа поставил локоть руки на перила лестницы и предложил Данко испытать силу.

Новичок спокойно подошел к лестнице и встал против Левши, который был почти на голову выше его.

Ребята внимательно наблюдали за противниками: у них создалось впечатление, что меньший принял вызов, как забаву. Но вот кисти сцепились, мускулы напряглись, и рука Левши начала медленно сгибаться

к перилам. Данко настолько легко одержал победу, что все поразились. Но Левша, потерпев первое поражение, сдаваться не думал.

— А вот так! — крикнул он и легко сделал на руках стойку.

— Ерунда... — процедил сквозь зубы новичок. Встав на руки, он пошел к лестнице. Ребята стояли как окаменелые. Еще нехватало, чтобы новичок поднялся по ступенькам...

Точно угадав их мысли, Данко вниз головой прошел первые пять ступеней и на площадке лестницы сделал стойку на одной руке. Такую стойку мог делать единственный человек на прииске — бригадир проходческой группы седьмой шахты. Теперь положение коренным образом менялось. На горизонте прииска всходила новая физкультурная звезда.

Между тем «звезда» продолжал преспокойно стоять на одной руке, и в такой, далекой от учебных занятий, позе его застал спускающийся со второго этажа классный руководитель, преподаватель физики Александр Иванович.

Ребята неистово замахали руками, и Богдан, сделав сальто, встал на ноги.

Красный стоял Данко перед Александром Ивановичем и молчал, не в силах придумать ни одного слова в оправдание своего поведения.

— В каком равновесии вы сейчас находились, юноша? — задал физик спасительный вопрос. Данко набрал полные легкие воздуха и с шумом выдохнул:

— В устойчивом.

— Ты плохо знаешь физику.

— Я это докажу, — начал было Данко.

— С мелом в руке, — перебил его Александр Иванович и жестом пригласил учеников в класс. Когда ребята разместились по партам, физик дал Завийвитру кусочек мела и показал на доску.

— Изобрази мне этот случай равновесия.

— Этот? — спросил Данко.

— Этот самый.

Данко, удивленно пожав плечами, подошел к доске.

* * *

С началом учебы пришел конец Данкиной привольной жизни. Не так-то просто оказалось заставить себя систематически готовить уроки, вставать ежедневно в семь часов утра и помогать дяде Василию в несложном домашнем хозяйстве — сказались месяцы эвакуации. Хотя и тянуло Данко к учебникам, но иногда хотелось отложить в сторону

книги и убежать в лес или провести часок-другой в спортзале Дворца горняков.

Учеба для Данко была нетрудной, и он в неделю раза два или три посещал спортзал, забегая туда обычно после школы. Окруженный поклонниками его физкультурного таланта, при ярком свете высоко подвешенных ламп, среди снарядов, Данко сразу забывал о предстоящей письменной.

Дома Данко подогревал для дяди Василия обед и, расслабив мускулы, давал уставшему телу полный отдых.

Дядя Василий частенько со смены опаздывал, и Данко до его прихода успевал приготовить уроки.

— Докладывай! — коротко приказывал шахтер, садясь за стол.

— По родному языку ответил на «хор». По геометрии не спросили, но я все знал.

— Подходяще,— одобрял дядя Василий.

— Завтра письменная по алгебре...

— Не спасуешь?

— Будьте уверены!

— Значит, идешь пока с перевыполнением плана? — дядя Василий любил пользоваться производственным лексиконом.

— Почему пока? Я не думаю сдавать темпов.

— Ну, не хвались.

— Был во Дворце,— продолжал рассказывать Данко, — ребята здесь увальни. Простого маха не могут красиво сделать.

— А это не самое главное.

— Как?!

Данко было обидно, что дядя Василий, внимательно следивший за его учебой, так отзывается о физкультуре.

— Это тоже важно. Гармоническое развитие всего организма...

Данко готов был без конца спорить о пользе физкультуры, но попытки в этом отношении всякий раз кончались неудачей.

— Во всяком случае, дружок, для тебя главное — накапливать знания, — заключал старый шахтер и демонстративно принимался за газеты.

Данко убирал со стола, мыл посуду и, составив ее на шесток, шел на колодец за водой.

Вечером дядя Василий и Данко занимались каждый своим делом: первый углублялся в изучение международного положения, второй трудился над уроками или читал интересную книжку.

Так проходили долгие вечера поздней осени. Первые заморозки внес-

ли оживление в школьную жизнь. Разговоры о лыжах и коньках велись уже не только на переменах, но нередко и за уроками.

В последних числах ноября, когда после сильного мороза сковало приисковый пруд, наиболее нетерпеливые ребята вышли на тонкий ледок. Данко не увлекался коньками, хотя и катался довольно прилично. Зато Левша не уходил с пруда. На своих «фигурках» он разделывал такие номера, что прохожие собирались в толпы и подолгу любовались его ловкостью.

Пока конькобежцы носились по зеркальной поверхности пруда, лыжники ходили хмурыми и с надеждой смотрели на ясное небо, ожидая появления долгожданных туч. Первого декабря, наконец, замелькали снежинки, и лыжники сразу повеселели.

Между тем, во всех школах прииска молодежь готовилась к празднику. Дворец горняков шумел, как потревоженный улей. Все комнаты Дворца были заняты группами готовящихся к выступлениям.

В обществе Степы и двух ребят из 7 «А» Данко тренировался в построении акробатической пирамиды. По замыслам исполнителей это должен был быть красивый номер. Суть его заключалась в том, что четвертый партнер, а им был Данко, с турника делал сальто и вставал на плечи Левше, стоящего на сцепленных руках двух «нижних» исполнителей. Тренировку вели со страховкой из натянутой впереди «пирамиды» сетки, на случай, если Данко, не рассчитав, пролетит над партнером или мимо него.

Домой Данко вернулся поздно. Дядя Василий уже давно поужинал и успел просмотреть кипу газет и журналов.

Данко сразу принялся за уроки, а дядя Василий лег спать.

В уголке Данко, оборудованном ему дядей Василием для занятий, было уютно. Из-под зеленого абажура яркий свет нешироким конусом падал на разложенные учебники, а посторонние предметы, находящиеся в тени, не отвлекали внимания. В мягком кресле (подарок дяди Василия) было удобно не только заниматься, но и отдохнуть, а при случае и вздремнуть.

Данко достал из портфеля новую тетрадь и раскрыл задачник по геометрии. Решив две первых, он засел на третьей. Обдумывая решение, он невольно отвлекся, и тотчас же в голову полезли посторонние мысли.

...Начался веселый праздник. Дворец горняков раскален от огней. Лавиной спускаются по лестницам мальчики и девочки. Шум, смех. Четверка физкультурников, одетых в голубые майки, делают «пирамиду». Вокруг никакой страховки. Самый ловкий из четверки с турника делает

сальто и, прочертив в воздухе правильную траекторию, коршуном садится на плечи товарища.

Это он, Данко. Зал гудит от аплодисментов. «Пирамида» на бис. Снова гром аплодисментов...

Голова Данко клонится на руки, и шум постепенно утихает... Гаснут огни...

Дядя Василий проснулся в четвертом часу утра и увидел в Данкином уголке свет.

— Спать, Богдан, пора, — сказал шахтер, поднявшись с постели. — Поменьше бы нужно ходить вниз головой. Слышишь, Богдан?

Данко не поднимал опущенную на руки голову.

Дядя Василий подошел к нему.

— Так ты вот как занимаешься!

Он попытался разбудить Данко, но из этого ничего не вышло, и дядя Василий, взяв его, как ребенка, отнес в постель.

Запрокинув голову, Данко блаженно улыбался.

— Эх ты, головушка твоя озорная! — бормотал дядя Василий, раздевая его. — Придется мне, дружище, над твоей физкультурой взять личный контроль.

* * *

Но на следующий день дяде Василию поговорить с Данко не пришлось.

Утром один, даже не позавтракав, убежал в школу, а второй ушел на шахту.

В школе начались проверочные работы, и Данко с первого урока сел на письменной по геометрии. Катастрофа разразилась неожиданно. Данко не успел оглянуться, как плохие отметки украсили его дневник, выстроившись страшным столбцом. Только по физической культуре стояла пятерка.

Увлекшись подготовкой к празднику, Данко не обратил внимания на неполадки с учебой, хотя Александр Иванович несколько раз говорил с ним по этому поводу. Но Данко не верил, что в табель ему поставят плохие оценки, все время надеясь на счастливый случай, который ему представлялся в виде какого-то чуда: снисхождение педагогического совета, особого расположения к нему директора школы или еще чего-нибудь

На последней перемене к нему подошел звеновожатый Котов и попросил задержаться в школе после уроков.

— Не могу, — коротко ответил Данко.

— А чем ты так неотложно занят?

— Вот чудак! Во Дворец бегу прямо с последнего урока. Я приду завтра раньше.

— Ну, хорошо,— вынужден был согласиться Котов.

* * *

На следующее утро Данко пришел в школу раньше обычного. В темном еще классе увидел всех членов своего звена.

Когда Миша включил свет, Данко, не здороваясь, обратился к ним:

— Ну?

— Если было бы еще «ну», и то было бы ничего, а вот у тебя получается «тпру»!— начал Котов, собираясь, видимо, приступить к длительному нравоучению.

— А в переводе на русский язык? — недовольным тоном спросил невыспавшийся Данко.

— Ты плохо знаешь русский язык! По-моему, у тебя двойка,— не выдержал один из членов звена.

— Знаю...

— Нам кажется, ты не знаешь...

— Не тяните волынку. В чем дело?

— Не будем, ребята, пререкаться, — начал Котов. — Дело в том, что пионер Богдан Завийвитер позорит себя и свое звено. Клеймо позора ложится и на отряд, и на всю дружину. — Слова Котова сразу взбесили Данко, и он понес, как молодой конь, впервые оказавшийся под седлом. Поднялся невероятный шум. В класс неожиданно заглянул Александр Иванович, поняв, в чем дело, спокойно сказал:

— Этот вопрос требует более серьезного обсуждения.

После этих слов наступила пауза, и в тишине раздался голос Котова.

— Безобразие, ребята! Вместо того, чтобы обсудить вопрос по-деловому, мы подняли крик. Я призываю всех вас к порядку.

— И себя не забудь, — буркнул Данко.

— Ну, как, Завийвитер, будешь ты с нами разговаривать,— не обратив внимания на замечание Данко, спросил Котов.

— О чем?

— Не ломай комедию. Своими оценками за вторую четверть ты тянешь вниз наше звено.

— Ну и что?

— Это отразится и на отряде.

— Вот получу на празднике оценку двадцать пять, и средне-арифметическое вытянет на четыре с минусом, — попробовал отделаться Данко шуткой.

В оставшиеся до конца четверти дни мы предлагаем тебе поработать с нами вместе, — продолжал Котов.

— На чем? Если на турнике, то я уж лучше поработаю один.

— Не на чем, а над чем. Посмотри в свой табель и там найдешь ответ.

Разговор грозил перейти уже в настоящую ссору. Раздраженные издевательскими насмешками двоечника, ребята забыли о своей благородной цели повлиять на товарища и объединенным фронтом перешли в решительное наступление.

Перед самым концом горячего обсуждения в класс вошел Александр Иванович.

— Встать! — решительным тоном старшего дал Миша короткую команду.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался с пионерами классный руководитель.

Ребята дружно ответили на приветствие.

— Доложи, — приказал Александр Иванович Котову.

Миша встал «смирно» и, отчеканивая слова, начал:

— Звено приняло решение оказать помощь отстающему по учебе пионеру Завийвитру...

— Отставшему, — уточнил Александр Иванович.

— И для этой цели мы ему предложили притти сегодня до уроков, чтобы переговорить...

— А вчера — остаться после уроков, — перебил звеновожатого Левша.

— Он, конечно, отказался из-за отсутствия времени?

— Да.

— Докладывай дальше, только короче.

— Разговор наш пока не дал результатов. Пионер Завийвитер стал над нами насмехаться.

— И вы подняли чуть не скандал, — снова перебил звеновожатого классный руководитель. — В чем же должно было заключаться ваше воздействие на товарища? Может быть, вы хотели ему дать просто встрепку?

— Конечно, хотели! — вскочил Данко, поразившись, как ему эта простая мысль не пришла в голову. — Но не на того нарвались. Я бы их...

— Молчите! — обрезал Александр Иванович. — Я свидетель позорного поведения пионера и моего воспитанника. Как ученик нашей школы он понесет должное наказание. Рекомендую доложить об этом со-

вету отряда. А вы тоже хороши: вместо того, чтобы подойти к товарищу по-хорошему, начали чуть не с драки.

— Да мы по-хорошему, — начал было Котов.

— Не хочу слушать ваших возражений. Я сужу по результату. Сегодня после уроков займитесь с ним и учтите, что вы за его успехи также несете ответственность и перед классом и передо мной, уже не говоря о пионерской организации. Вам ясно?

— Да,— ответил за себя и ребят Котов.

Александр Иванович ушел.

К последнему уроку Данко забыл о неприятном происшествии и почти до поздней ночи просидел в классе с Мишей за учебниками. Но он слишком поздно принялся наверстывать упущенное. Только по одному естествознанию преподаватель обещал ему выправить отметку, при условии, если в последний день перед каникулами он ответит хорошо.

* * *

Все приисковые школы распустили на каникулы двадцать девятого декабря. После звонка классы опустели. Ребята, обгоняя друг друга, высыпали на улицу и помчались домой. Была дорога каждая минута. Нужно успеть вымыть хорошенько шею и руки, переодеться, пообедать, и — во Дворец на веселый фестиваль.

Шесть дверей актового зала открылись одновременно, и звуки музыки встретили гостей на пороге. Ни одна люстра на высоком потолке зала не горела, а света было целое море. Он изливался с ветвей расставленных вдоль стен молодых деревьев, падал искрами самоцветов с длинных, протянутых под потолком гирлянд.

Зал быстро наполнялся зрителями. Звуки музыки сливались с нестройным хором голосов, криками приветствий и взрывов смеха. Каждый из сидящих в зале чувствовал себя участником праздника, хотя и не собирался подниматься на сцену.

Данко пришел с дядей Василием. Они сели в четвертом ряду, откуда была хорошо видна сцена. Рядом с Данко села незнакомая девочка в сереньком платье с двумя длинными косами цвета колосьев спелой ржи.

— Я выступаю во втором отделении, а пока посмотрю, — сказала она, обращаясь к соседям и давая им понять, что на фестивале зрители и участники пользуются одинаковыми правами.

— А я выступаю в третьем,— не замедлил объявить Данко.

— В спортивном? — спросила девочка.

— Конечно.

— В вольных движениях?

— Ну, вот еще! — Данко сострил гримасу пренебрежения.

— В спорт-пляске?

— Я не клоун. Мы делаем пирамиду. Слышала о такой штуке?

— Это с поворотом через самого себя?

— Конечно. Сальто — называется.

— Может быть, ты тот мальчик, который умеет стоять на одной руке и вниз головой?

Данко рассмеялся.

— На руке можно стоять только вниз головой и без «и».

— Тебя зовут Данко?

— Так точно. А тебя?

— Наташа. Значит мы оба выступаем.

— Смотря кто с чем...

— Я пою, — не заметив насмешки, ответила Наташа.

— Ты все пела, это дело... — продекламировал Данко, сам не зная к чему.

Наташа с недоумением взглянула на соседа. Несмотря на его неуместные и даже дерзкие слова, он ей понравился. Этот чернявый, с живыми быстрыми глазами паренек производил хорошее впечатление.

— Я пою из «Молодой гвардии», — объяснила Наташа и хотела еще что-то сказать, но Данко ее перебил.

— Послушаем, послушаем.

— А я посмотрю вашу пирамиду.

— Пирамида — пустяковый номер.

— Хвастаешь?

Данко пожал плечами, но вступать в спор не стал.

Музыка умолкла, и на сцене вспыхнул яркий свет.

В первом отделении выступал объединенный хор четырех школ. Пели так хорошо, что в зале начали подтягивать, сначала несмело, но потом, воодушевленные стройной мелодией, грянули все разом. Даже дядя Василий забасил себе под нос отдельные слова песни.

— Молодцы! — похвалил он, когда хор умолк.

— Это не то, — заметил скептически Данко.

— По-твоему, пирамида — гвоздь сезона? — спросил его дядя Василий.

— Будет гвоздь, только не пирамида.

Во втором отделении выступали девочки. Их хор поднял такую визготню, что Данко хотел уйти из зала. Но вот на сцену вышла Наташа

и запела из «Молодой гвардии». У нее был хороший голос, владела она им свободно.

— Молодчина!— похвалил Наташу дядя Василий.— Интересно, как у нее с геометрией?

— На пять, — ответил кто-то из соседей.

У Данко начало портиться настроение, но, вспомнив свой не совсем любезный разговор с новой знакомой, он решил загладить свою грубость.

Случай представился. Наташа после выступления села на свое место.

— Ты хорошо поешь, — сказал ей Данко.

— Раз ты хвалишь, значит, действительно, хорошо. Благодарю! Я тебя тоже похвалю.

— Ну, меня-то будет за что!

— Хвастун! — отрезала Наташа, но совсем не сердитым тоном.

Однако Данко не оказался хвастуном. В четвертом отделении молодые физкультурники доказали это.

— Акробатическая пирамида, — объявил инструктор, когда Данко и его товарищи вышли на сцену.

Номер был декорирован зимним пейзажем так искусно, что скрытая под разложенными ветвями ели предохранительная сетка была совершенно незаметна.

Под музыку четверка сделала несколько ритмичных движений и заняла свои места.

Оркестр грянул, когда Степа ловким прыжком вскочил на руки товарищей, а Данко повис на штанге трапеции.

— Начали, — подал команду спрятавшийся за занавес инструктор.

Степа уперся руками в полусогнутые колени и замер. Данко крутил на турнике «колесо». Его синяя майка образовала круг, а красный галстук превратился в пламенеющую окружность. Зрители умолкли и внимательно смотрели на сцену. Несколько замедлив стремительное вращение, Данко сделал два полных оборота «солнца» и почти с верхнего положения отделился от турника. В зале ахнули. Дальнейшее произошло в одно мгновение. Ловкое тело Данко висит в воздухе. Быстрое сальто, и он стоит на плечах Степы.

Оркестр снова грянул, но его звуки потонули в грохоте аплодисментов. Четверку долго вызывали на бис, но Данко решительно отказался.

— Объяви следующий номер, — попросил он Степу.

— Какой?

— Под куполом цирка. Исполняет Богдан Завийвитер

— А что это?

— Меньше разговоров. Сам увидишь.

Степа объявил.

Данко бесцеремонно поклонился зрителям и полез по канату к подтянутой почти под самый потолок зрительного зала трапеции.

Все подняли головы. Оркестр смолк.

Данко поднялся к трапеции и, ухватившись за ее перекладину, стал медленно раскачиваться.

— Он упадет, — прошептала Наташа.

— Ох, и бесшабашная головушка, — проворчал дядя Василий и, обратившись к Наташе, сказал:— Не упадет.

Когда размахи трапеции достигли значительной величины, Данко сделал плавный оборот и замер в стойке на руках, упершись разведенными ногами в веревки трапеции.

Зрители, затаив дыхание, следили за бесстрашным мальчиком.

Между тем трапеция под потолком стала медленно сокращать свои размахи, но Данко не собирался кончать свой страшный номер. Когда она почти совсем остановилась, он проделал то, о чем потом говорили в течение целой недели. Очень осторожно он освободил одну за другой ноги и остался в свободной стойке на руках.

Все медленнее и медленнее трапеция продолжала раскачиваться... Наташа вцепилась руками в спинку стула переднего ряда и, боясь передохнуть, повторяла головой движения трапеции.

— Случай неустойчивого равновесия,— раздался в тишине голос Данко. Сняв с трапеции левую руку, Данко прижал ее к телу. Теперь гимнаст имел только одну точку опоры, но эта опора не была неподвижной. Трапеция, как маятник, продолжала раскачиваться.

Когда Данко спустился на сцену, в зале поднялся невообразимый шум: возгласы восторга и восхищения смешались с криками возмущения, аплодисменты заглушали звуки оркестра, многие зрители оставили свои места и начали пробираться к сцене.

— Ну, как? — спросил Данко инструктора.

— За такие штучки тебя следовало бы хорошенько вздуть. Оборвись ты и упади с такой высоты... Однако я должен сказать прямо — это гвоздь физкультурных номеров.

— Не гвоздь, а целый костыль,— уточнил подошедший к Данко высокий красивый шахтер.— Давай знакомиться,— предложил он и протянул руку.— Я проходчик седьмой шахты, Николай Прохоров, до некоторой степени тоже физкультурник, хотя и не такого высокого класса, как ты.

Данко крепко пожал протянутую руку.

— Я Данко Завийвитер.

— Да, я уже знаю. Твое имя теперь повторяют все. Но не кажется ли тебе, что ты слишком рекламируешь свои достижения?

— А разве вы, товарищ Прохоров, не боретесь за свои рекорды?

— Ну, это совсем другое дело. Мои рекорды — килограммы золота.

— А мои?

— Могут отразиться на учебе. Если, конечно, ими ты слишком увлечешься.

— Не думаю,— не совсем уверенно ответил Данко.

— Во всяком случае, ты мое предупреждение учти.

— Прохорову завидно,— сказал Данко Левше, когда от них отошел знаменитый проходчик.

— Едва ли.

— Точно! Вот голову положу на плаху: ему не повторить моего номера.

— Он же не тренировался.

— Даю год на тренировку.

— Станет он год тратить на пустое дело! — Степа рассмеялся.— Ты знаешь, сколько за год его бригада добудет золотой руды?

— Не пустое дело! — Данко уже собирался ринуться в атаку, но

подбежала Наташа. Вспомнив намерение загладить перед красивой девочкой свою грубость, Данко не стал придираться к товарищу.

Левша, должно быть, сильно обиделся на Данко, и только присутствие Наташи помешало ему сказать, что так держать себя, как держит Данко, не к лицу пионеру.

Данко и Наташа не расставались до конца вечера. Девочка не скрывала своего восхищения и об этом напоминала ему несколько раз.

* * *

За выступление на празднике Данко получил подарок — красивую, отделанную малахитом настольную лампу. Ребята говорили о нем, как о лучшем физкультурнике прииска.

Забыв, что пионер должен быть скромным, Данко не только не останавливал товарищей, непомерно хваливших его, но и сам беззастенчиво хвастал своим спортивным мастерством.

Дома он сказал дяде Василию:

— А ваш шахтер, знаменитый Прохоров, ни за что не сделает стойку на качающейся трапеции.

— Не знаю, как насчет стойки, но хорошо вижу, что его физкультурные номера совсем не мешают систематически перевыполнять план.

Данко решил, что дядя Василий не любит спорта, и знает только шахту с добычей и перевыполнением плана.

Совсем иное дело — Наташа. Вот она разбирается в физкультуре и умеет по достоинству оценивать настоящие достижения.

В дни праздника Данко виделся с дядей Василием только урывками: по утрам за завтраком и поздно ночью, когда старый шахтер открывал ему двери.

— Эх, гуляка! — не особенно сердито ворчал дядя Василий.— Бросил бы ты все эти фитюльки-бирюльки да сел за учебники. Я сегодня слышал, как они о тебе плакали.

— Какие? — смеясь, спрашивал Данко.

— Да все, и особенно задачник Рыбкина.

У Данко ёкало сердце, но слова дяди Василия быстро забывались.

Усталость валила с ног: сил хватало только на то, чтобы поесть и добраться до постели.

* * *

Данко подточил коньки, подправил на их носках зубчики и твердо решил в следующее воскресенье блеснуть перед Наташей на катке. В успехе своего плана Данко не сомневался.

На следующий день к нему неожиданно нагрянули гости: Левша, Миша Котов и двое членов звена.

Их приходу Данко нисколько не обрадовался, но как вежливый хозяин не подал вида.

— Мы к тебе по делу,— поспешил предупредить Миша, точно угадав мысли хозяина.

— По важному,— добавил Левша.

— Интересно, по какому? — спросил Данко.

Ребята, действительно, пришли не в гости, а по поручению звена поговорить о Данкиной учебе.

— Твои успехи нельзя признать блестящими,— начал осторожно Котов, зная строптивый характер члена своего звена.

— Какие успехи?

— Учебные. Разве ты не знаешь?

— Что-то забыл. Давай короче.

— Я еще и не сказал почти ничего,— обиделся звеновожатый.— По поручению совета отряда нам необходимо установить...

— Комиссия?

— Как хочешь называй. Суть не в названии. Мы соревнуемся со вторым звеном, а вот из-за тебя не могли выполнить своих обязательств. Что ты думаешь делать?

— Хочу итти на каток.

— А дальше.

— Приду с катка и лягу спать.

— Значит, заниматься во время каникул не думаешь?

— Вам отдых, а я заниматься?

— Но у нас нет двоек.

— А у Степана?

— Он вместе с тобой будет заниматься.

— Благодарю покорно.

— Слушай, Богдан,— вступил в разговор Степа.— Мы тебе хотим помочь по-товарищески. Я тоже нахватал двоек. Давай в каникулы засядем за учебники. А баловство с катком ты оставь.

— Какой ты хитрый,— Данко прищурился на товарища.— Но меня не просто провести.

— Провести? — удивился Степа.

— Вот что, ребята. Спасибо за помощь. Заниматься я буду один, если найду нужным, а вы отдыхайте. Я обязуюсь соревноваться со Степаном.

— Это серьезно? — спросил Котов.

— Вполне,— уверенно заявил Данко, хотя ничего подобного в мыслях у него не было.

— Хорошо, мы так и доложим на совете отряда.

— Можете.

Не совсем уверенные в результате своего посещения, ребята ушли. Вслед за ними с коньками за пазухой Данко отправился на тренировку.

Увлеченный фигурным катанием, Данко и не заметил, как промелькнула неделя. Вернувшись в субботу вечером с катка, он застал дядю Василия собирающимся на родительское собрание.

— Пойдешь со мной, двоечник,— сказал дядя Василий сердито.

Данко вынужден был молчаливо согласиться, хотя его совсем не тянуло в школу.

Собрание открыл директор школы. Он рассказал о работе школы за полугодие, назвал лучших учеников.

Погруженный в невеселые мысли, Данко сидел рядом с дядей Василием и перебирал в памяти события последних недель учебы.

— Морозов,— вызвал Александр Иванович. Степа быстро встал.

— Хорошие успехи в первой четверти, во второй три двойки.

Левша стоял с опущенной головой и смотрел себе под ноги. Данко видел покрасневшие уши товарища, и ему было не по себе. Следующим назвали Мишу Котова.

— Пять отлично и остальное хорошо,— объявил Александр Иванович.

— Завийвитер.

Данко поднялся и стоял с опущенной головой.

Александр Иванович пристально посмотрел на Данко.

— По физической культуре отлично.

Данко поднял голову.

... Ярко освещенный зал Дворца горняков. В стойке на одной руке он, как маятник, раскачивается у самого потолка. Громкие аплодисменты и тихие, торжественные звуки музыки... Конечно, отлично!

— По рисованию — хорошо,— называет Александр Иванович вторую отметку.

«Сейчас объявит»,— подумал Данко, чувствуя, как щеки начинает заливать румянец.

— По остальным — двойки,— неумолимо раздается голос классного руководителя.

Данко опустил голову, а дядя Василий заерзал на месте.

— Богдан Завийвитер,— продолжал Александр Иванович,— ты в

нашей школе еще новичок. Ты приехал из Донецкого бассейна. Неужели ребята в Донбассе такие лодыри? Не хочется этому верить, но о твоих донбасских товарищах многие могут судить по тебе. Вот ты нам и ответь на этот вопрос честно, по-пионерски. Как же ты мог, такой упорный и настойчивый, заработать двойки? Что ты думаешь теперь предпринять? Может быть, после окончания школы ты решил поступить в институт физической культуры? Что же — это хорошо. Но разве советские спортсмены — неграмотные люди? Сейчас тебе надо прежде всего учиться. Когда ты закончишь десять классов, тогда можешь, если у тебя, действительно, призвание, стать спортсменом. А пока сочетай учебу и физкультуру, но так, чтобы физкультура не мешала тебе получать знания.

Данко ничего не мог сказать. Он не в состоянии был связать даже пары слов.

Дядя Василий и Данко ушли из школы последними и по дороге домой не обмолвились ни словом.

— Эх ты, «отличник»,— со вздохом произнес дядя Василий. И стал укладываться спать, не притронувшись даже к газетам.

Притихший, лежал на своей кровати Данко. В его памяти живо встали последние события. Кто мог поверить, что он, заставивший рукоплескать огромный зал Дворца горняков, окажется самым настоящим лодырем? Слава, которой он так упивался,— померкла, мнение о нем теперь изменили знакомые, близкие, друзья...

О многом передумал Данко...

Огонек папиросы маячил в полутьме комнаты; дядя Василий не спал.

Данко быстро поднялся и подошел к дяде Василию.

— Что тебе, Богдан?

— Давайте поговорим...

— Давай,— охотно согласился дядя Василий.

Надолго затянулся этот разговор. Собственно, говорил больше дядя Василий, а Данко только шмыгал носом.

— Не забывай, что сказал Александр Иванович. Все зависит только от тебя. А что касается твоих спортивных номеров, я скажу так: Не хочешь быть горным инженером — дело твое, я неволить не стану. Но сперва кончи школу и не меньше как на отлично. Вот тебе мой последний сказ.

Только под утро Данко уснул крепким сном.

Воскресный день задался на-славу. Позднее солнце залило своими оранжевыми лучами уже давно проснувшийся прииск. По-праздничному

неторопливо гудели на шахтах гудки, возвещая о конце смены. Ослепительно блестели снеговые дали. Но всю прелесть этого морозного зимнего утра Данко будто не замечал.

Наскоро позавтракав, он пошел к Степе. Степа тоже не мог похвастаться хорошим настроением, хотя и старался казаться веселым.

Друзья упорно занимались почти целый день. После занятий Степа пошел проводить Данко. И тут по дороге они неожиданно встретили Наташу. Это была первая встреча после фестиваля.

— Рассказывайте, ребята, новости,— попросила Наташа.

— Особых нет,— ответил Степа.

— Разве? — удивилась Наташа.— А результаты за вторую четверть?

Друзья молчали.

— В таком случае начну я. Вы можете меня поздравить. Я отличница. Ну, поздравляйте!

— Поздравляем,— в один голос, но как-то уныло сказали товарищи.

— А вас с чем поздравить?

— Меня не с чем,— ответил Степа.

— А тебя? — обратилась Наташа к Данко и протянула было руку.

— Мне тоже хвалиться нечем.

Наташа смущенно спрятала за спину руку.

Неловкое молчание длилось с минуту.

— Ну, я пошла,— сказала Наташа и, уже отойдя на несколько шагов, добавила: — Желаю вам полных успехов в этой четверти!

Данко и Степа дошли до угла улицы и остановились: здесь они должны были расстаться.

— Значит, твердо договорились? — спросил Степа, как бы подводя итог всему передуманному и сказанному друг другу.

— Да, твердо,— решительно ответил Данко.

Е. Великанов *Рисунок А. Бурака*

Из шалаша мы вышли на рассвете.
Умылись родниковою водой.
В лицо нам бил смолой пропахший ветер,
Такой, как мы,— упрямый, молодой.
Цветы шиповника в ночи озябли,
Спешат согреть их первые лучи.
Над головой пронесся звонкий зяблик,
Испуганно взлетели косачи.
Мы на шихане. Перед нашим взором
Во мгле лесов, среди гранитных гряд
Заманчивые горные озера,
Как аметисты, на заре горят.
Вон виден город...
Каждую былинку
Запомним мы с тобой в пути.
По всем дорогам и по всем тропинкам
Хотелось бы Урал нам обойти.

На каменных палатках

Е. Великанов *Рисунки А. Бурака*

Меж сосен озеро сквозило. Светел
Спускался вечер у гранитных скал.
Я камни для коллекции искал,
Когда рабочего седого встретил.
Зашла беседа с ним. Ему, уральцу,
Здесь с детства каждый камешек знаком...
Он вспомнил, как с друзьями пробирался
На сходки от полиции тайком
Вот к этим скалам в первомайский вечер.
Пусть это было так давно, давно,
Но не забыл он боевые речи
Того, чье имя городу дано.
Старик рассказывал. А я с любовью
Смотрел на темный вздыбленный гранит,
Что память о товарище Свердлове
В торжественном безмолвии хранит.

АЛЕШИНА ЯБЛОНЯ

Розоватою порошей
Сыплет яблоня свой цвет.
Посадил ее Алеша —
Мой товарищ,
Мой сосед.
Не видать Алеши с нами:
Здесь он больше не живет.
Он с отцом теперь на Каме
И оттуда письма шлет.
Всем двором мы с нетерпеньем
От Алеши писем ждем.
Видя яблони цветенье,
Вспоминает целый дом:
«Славный мальчик был. Хороший!
О себе оставил след!»
Розоватою порошей
Сыплет яблоня свой цвет.

Белла Дижур

I

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

В путь-дорогу вперед!
(Из песни юных туристов).

Когда Тамара принесла домой путевку в туристический лагерь, мама выразила недовольство:

— Это что за новое дело. Я такого еще не слыхала. Какой же отдых по горам лазить!

Но Тамара ни за что не соглашалась вернуть в школу путевку.

— Во-первых, это моя премия за хорошую учебу, а, во-вторых, интересно.

Тамара принялась рассказывать маме все, что слышала о жизни туристов.

— Понимаешь, будем жить в палатках, обед варить на костре, спать не на койках, а прямо на земле...

Но мама еще больше расстроилась: — Вот, вот. Я и говорю, спать на земле! Да виданное ли это дело, долго ли захворать.

Этот словесный бой длился все два дня, пока мама собирала Тамару в дорогу, но окончился, конечно, Тамариной победой.

В конце-концов мама, кажется, поняла, что это действительно «страшно интересно», потому что, провожая Тамару к трамваю, она вздохнула и сказала: — Ну, ладно, отдыхай, поправляйся, моя отчаянная путешественница.

Маме очень хотелось проводить Тамару до туристической станции, но Тамара запротестовала:

— Что ты! Это же просто смешно! Я ведь не маленькая! Скоро четырнадцать лет!

Мама улыбнулась, поцеловала Тамару и ничего не сказала в ответ.

Тамаре даже жалко стало свою маму, такая она была в эту минуту грустная и старенькая....

— Мамочка, не тревожься, все будет замечательно. Я тебе каждый день письма буду писать...

Трамвай привез Тамару к большому белому дому, где помещалась Областная детская туристическая станция. Первый раз Тамара была здесь несколько дней тому назад. В комнатах ей очень понравилось. На стенах висели карты всевозможных маршрутов, по которым можно было совершать путешествия. На столах — большие альбомы. В них фотографии ребят, которые в прошлом году совершали походы по Уралу: одни из них забирались на высокие горы, другие плыли на лодках.

Как это хорошо получилось, что ей дали путевку не в обычный пионерский лагерь, а в туристический!

Теперь она путешественница... Тамара поправила рюкзак за спиной и открыла дверь. В комнате уже было много ребят.

Тамара знала, что еще вчера сюда съехались школьники из Тагила и Верхнейвинска, из Каменска-Уральского, Серова и Алапаевска. Они спали в спальной комнате, которая существует при Туристической станции специально для приезжих. Тамара прислонилась к стенке у двери и разглядывала ребят, с которыми ей предстояло прожить целый месяц вместе.

Ее внимание привлекла стоявшая у окна девочка в синей юбочке и белой блузке с синим матросским воротником.

У девочки были большие серые глаза, из-под синей шапочки выбивались пышные волосы, и какая-то сдержанная веселость сквозила во всех ее движениях, в улыбке, появляющейся на губах, и даже в поворотах головы.

Тамара пробралась поближе к окошку, положила свой рюкзак на подоконник и тихо спросила:

— Тебя как зовут?

— Меня? — удивленно переспросила девочка. — Люда...

В эту минуту в комнату вошел человек, светловолосый и такой загорелый, что цвет его лица мало отличался от коричневой спортивной рубашки.

— Привет юным путешественникам! — сказал он весело, и ребята дружно ответили:

— Здравствуйте, Сергей Андреевич!

— Кто это? — спросила Тамара у своей новой знакомой.

— Это наш руководитель — инструктор альпинизма. Он уже с нами вчера проводил беседу, рассказывал, каким должен быть юный путешественник. А почему ты не была вчѐра?

Тамара не успела ответить, как снова раздался голос Сергея Андреевича.

— Приготовиться. Через две минуты выходим.

До вокзала ехали трамваем. У вагона, предоставленного туристам, уже ждали несколько человек. Здесь были представители обкома комсомола, родители некоторых ребят, врач и медицинская сестра.

Родители прощались со своими ребятами, а остальные провожающие окружили Сергея Андреевича и что-то говорили ему и говорили, а он все кивал головой и улыбался.

Наконец, поезд тронулся. Свердловский перрон и станционные здания поплыли назад, промелькнули одна за другой окраинные улицы города, и поезд вырвался на простор.

Старший пионервожатый Анатолий Григорьевич, о котором Люда успела сообщить, что он «хотя и молодой, но образованный и строгий», проверил всех по списку.

Ребята прильнули к окнам, любуясь ярко-алым вечерним небом, золотистыми верхушками дальних сосен и лиловыми тучками, которые, как в короны, оделись блестящими солнечными ободками.

— Ты любишь природу? — спросила Люда.

— Очень! — ответила Тамара.

Вскоре девочки знали друг о друге все. Они оказались одногодками. Обе перешли в седьмой класс. И, что удивительнее всего, обе мечтали после школы стать артистками.

— Подумай-ка! — радовалась Тамара.— Я сразу обратила на тебя внимание! Понимаешь, как будто бы почувствовала. Давай будем дружить!

Они обнялись, и Люда горячо поцеловала свою новую подругу.

Девочки были так заняты друг дружкой, что не замечали ничего вокруг себя. А между тем, новые дружбы и знакомства завязывались в каждом уголке вагона.

Артур Чечулин — мальчик лет пятнадцати-шестнадцати, с светлыми волосами и светлыми глазами, внимательно оглядывал ребят.

Вот сидит Геня Белоусов. Он приехал из Нижней Салды. Артур еще вчера заметил этого смуглого, худощавого мальчика, который носит на

руке компас вместо часов и выглядит настоящим туристом в своей широкополой шляпе и сером спортивном костюме. Он единственный из всех двадцати пяти ребят бывал и прежде в походах. Это отличало его в глазах Артура. Рядом с Геней розовощекий Павлик. «Славный малый, но, кажется, любит пошуметь»,— подумал Артур, вспоминая, как вчера в спальной Павлик ссорился с маленьким, большеротым Толей, которого почему-то прозвали Антилопой.

А вон у окна сидит высокий юноша и независимо курит папиросу. Это — Сережа. Артуру он нравится. Сережа окончил десятилетку и уже подал заявление в Горный институт. Но все же, зачем он курит? Точно в подтверждение мыслей Артура Анатолий Григорьевич подошел к Сереже и тихо сказал:

— Курение тебе придется оставить.

Сережа смущенно погасил папиросу.

Кроме Люды и Тамары, здесь сидели Рита Симакова, темноглазая маленькая девочка с удивительно милым лицом, высокая тоненькая Аля, круглолицая Зоя с веснушками на пухлых щеках и Нина, которая казалась старше всех, благодаря очень серьезному выражению лица и какой-то степенной манере держаться.

— Девочек у нас явное меньшинство,— сказал Анатолий Григорьевич.— Но, надеюсь, они не отстанут от мальчиков, когда придется преодолевать трудности туризма.

На станцию Кауровку приехали вечером.

II

ЗДРАВСТВУЙ, ЛАГЕРЬ!

Здравствуй, Чусовая-быстрая река!
Мы к тебе собрались все издалека!
Здравствуй, Чусовая, здравствуй, горный край!
Юных путешественников принимай!

(Из песни юных туристов)

До лагеря оказалось недалеко, но путь преграждала Чусовая, через которую висел мост. Он держался на железных тросах и раскачивался, как качели.

— Ой, я боюсь...— сказала Тамара, хватаясь за руку Люды.— Я не пойду...

— Может быть, переплывешь? — насмешливо спросил Артур, который оказался сзади.

— Не бойся. Давай руку,— добавил он.— А ты держись за мою рубаху,— обратился он к Люде.

Люда вспыхнула.

— С чего ты взял, что я боюсь!

— Ну, вот и хорошо, что ты такая храбрая! — Артур рассмеялся и пошел вперед, осторожно поддерживая Тамару.

Люда шагала сзади. Мост раскачивался из стороны в сторону, както зловеще поскрипывали доски, и если бы не упрямство, Люда охотно схватилась бы за идущего рядом с ней Анатолия Григорьевича.

Он шагал легко и быстро, не держась за поручни.

— Живее, живее,— поторапливал он ребят.

Люда оглянулась. Длинной цепочкой растянулись ребята. Одни уже были на другом берегу, а Сергей Андреевич с Зоей и Ритой все еще не взошли на мост.

Девочки стояли, прижавшись друг к дружке.

— Эх, вы, туристы! — уговаривал их Сергей Андреевич.— Ничего же нет страшного! Смотрите! — и он взбежал на мост, танцуя и проделывая сложные танцовальные движения, вернулся обратно к девочкам, подхватил их под руки и настойчиво повел вперед.

Когда, наконец, все ребята собрались на другом берегу, Сергей Андреевич сказал:

— Вот вам первое испытание. Вы выдержали его с честью. Трусов не обнаружено...

Он даже не взглянул на Риту и Зою, которых чуть не волоком тащил через мост — будто этого вовсе и не было.

Дальше дорога шла полем, но вскоре показался лес, а за ним на чистой зеленой поляне ребята увидели свой палаточный городок.

На фоне вечернего неба и темного леса особенно красиво выделялись четкие силуэты островерхих шатров. Ребята притихли. Так вот он какой туристический лагерь! Как хорошо!

В каждой палатке оказались аккуратно заправленные койки и столик, покрытый салфеткой.

Строгие и прямые сосны стояли вокруг, как часовые. Поляна перед лагерем была такая большая и такая ровная, что вполне могла быть использована под футбольное поле. Артур осмотрелся кругом и спросил Сергея Андреевича.

— А где купаться? В Чусовой?

Но Сергей Андреевич ничего не ответил. Он распределял ребят по палаткам, выдавал тем, кто боялся замерзнуть, по второму одеялу, и голос его раздавался то тут, то там:

— Ну-с! Теперь спать. Спать, спать! Утро вечера мудренее. Завтра во всем разберемся.

Вскоре все затихло, и только Люда с Тамарой, лежа рядом на койках, перешептывались, делясь впечатлениями.

— Хорошо здесь. Правда? — спросила Тамара.

— Очень! — ответила Люда.

— И ребята хорошие... Скажи, Артур нравится тебе?

— Н-не очень...— сказала Люда только из упрямства, потому что Артур как раз понравился ей, но она до сих пор сердилась на него за то, что он заподозрил ее в трусости.

Первая неделя в туристическом лагере прошла быстро. В сущности говоря, это была обычная лагерная жизнь с утренними и вечерними линейками, с мертвым часом после обеда. Обедали, к сожалению, не у костра а в столовой дома отдыха, расположенного рядом с лагерем.

После ужина танцовали и пели, по утрам девочки разучивали пьеску, готовясь к торжественному открытию лагеря.

Во время походов на Георгиевские скалы ребята купались в бурной и глубокой Чусовой.

Георгиевские скалы, расположенные в четырех километрах от лагеря, представляют нагромождение камней. Высота их сорок метров. Почти отвесной стеной круто спускаются они к берегу Чусовой.

Здесь Сергей Андреевич ежедневно проводил с ребятами уроки скалолазания. Обвязав себя веревкой и продев ее через ногу, точно сидя на веревочном стульчике, он свободно шагал по отвесной скале.

Сначала ребята действовали неуверенно и неуклюже. Они судорожно цеплялись за веревку обеими руками или повисали на ней всем туловищем. Но к концу недели не было ни одного мальчика в лагере, который бы не умел быстро и ловко спускаться вниз.

Даже девочки испытали себя в этом нелегком деле. И как это ни странно, Зоя, та самая, что чуть не плача переходила висячий мост через Чусовую, первая из девочек научилась лазить по скалам. Когда в день открытия лагеря приехали гости из Свердловска, Сергей Андреевич повел их на Георгиевские скалы и с гордостью показал искусство своих учеников.

Особенно отличился Геня. Тоненький и весь подтянутый, как пружинка, он легко и грациозно спускался к воде и так же быстро, по-кошачьи, поднимался вверх.

Гости сидели на высоких каменных уступах, и когда очередной скалолаз спускался вниз, награждали его громкими аплодисментами.

— Ну, как, капитан, есть польза от наших тренировок? — спросил Сергей Андреевич, когда утомленные, но гордые, возвращались они в лагерь.— Не зря прожили здесь неделю? Правда, ведь?

— Ну, конечно, правда,— ответил Артур, который давно уже понял необходимость такой тщательной подготовки.

За эти дни они научились лазить по скалам. Они ставили в лесу походные палатки и разжигали костры, знакомились друг с другом и читали книги, вычертили карту похода и выпустили стен-газету.

Теперь Артур был занят мыслью о завтрашнем походе. Нужно проверить ребят, которым поручено получить продукты и инструменты, взять в амбулатории дома отдыха аптечку, сдать матрацы и постельное белье на склад.

Ох, и много сегодня забот у капитана!

После мертвого часа Анатолий Григорьевич рассказал ребятам о замечательном русском ученом, именем которого назван лагерь — о Николае Николаевиче Миклухо-Маклае.

— Вы, наверное, все видели кинокартину Миклухо-Маклай,— сказал Анатолий Григорьевич.— Вы помните, какой это был замечательный человек!

Первым из всех европейских ученых Николай Николаевич отправился на Новую Гвинею, где жили малокультурные племена папуасов. Один, безоружный, он явился в папуасскую деревню...

Ребята внимательно слушали. Анатолий Григорьевич рассказывал ребятам различные эпизоды из жизни Миклухо-Маклая.

Семнадцать лет прожил русский ученый на Новой Гвинее. Папуасы, которые вначале недоверчиво и настороженно отнеслись к белому человеку, вскоре полюбили его за доброе сердце и особую деликатность, которую Маклай проявлял к своим чернокожим соседям.

Они начали приглашать его на свои праздники, дарить ему подарки, советоваться с ним по всяким вопросам жизни. Маклай лечил больных папуасов, раздавая им привезенные с собой медикаменты, в изобилии снабжал гвоздями, железными инструментами, о которых жители Новой Гвинеи не имели никакого понятия, так как пользовались в это время каменными орудиями.

Сближаясь с папуасами, Маклай получил возможность изучить их характер, язык и обычаи.

Он заслужил такое доверие у своих новых друзей, что они допускали его к трупам умерших, и, таким образом, Маклай мог изучать строение черепов и мозга папуасов.

Это нужно было ему для того, чтобы доказать всему миру, что па-

пуасы такие же люди, как все остальные, что их черепа устроены точно так же, как череп любого европейца, что они так же способны к развитию культуры, как все остальные народы мира.

Большинство ученых того времени держались иных взглядов. Они считали папуасов людьми низшей расы.

Наблюдения Маклая разбили эту человеконенавистническую сказку. Николай Николаевич был великий ученый и, кроме того, смелый, мужественный человек. Несмотря на слабое здоровье, он совершал длительные переходы, не боялся никаких трудностей путешествия.

В заключение Анатолий Григорьевич сказал:

— Завтра мы выходим в большой поход по родному краю. Увидим много интересного. Мы поднимемся на самую высокую гору Среднего Урала и посетим титано-магнетитовый рудник, побываем на Волчихинском водохранилище, которое названо Уральским морем, пройдем к историческому обелиску на границе Европы и Азии, встретимся со стахановцами первоуральских заводов.

Будьте же внимательны к тому, что вы увидите и услышите! Турист должен быть наблюдательным! Наш путь будет нелегким. Нам предстоит пройти пешком 110 километров. Дорога пойдет по скалам, лесам и болотам. Но туриста не должны страшить никакие трудности.

Помните, что наш лагерь носит имя мужественного русского путешественника!

Будем же такими, как он: смелыми, бодрыми, выносливыми, отважными!

Ребята слушали Анатолия Григорьевича с большим интересом. Даже самый маленький и бойкий из всех, прозванный Чарли за свою походку, напоминающую ребятам Чарли Чаплина, сидел, не двигаясь, и смотрел прямо в рот Анатолию Григорьевичу.

— Как интересно! — сказала Аля, которая прочла за эту неделю о жизни Миклухо-Маклая все, что имелось в лагерной библиотеке.

— Можно, я портрет Миклухо-Маклая в стенгазету нарисую?— спросил белоголовый Юра, мальчик с белыми ресницами, чуть красными веками, удивительно скромный и тихий.

Анатолий Григорьевич одобрил намерение Юры.

— А сейчас — подготовиться к торжественной линейке!

Ребята разошлись по палаткам.

Мальчики приоделись в белые рубашки, даже Феликс Кусенко, который обычно пренебрегал линейкой настолько, что капитану пришлось с ним особо разговаривать, на этот раз повязал красный галстук и гладко причесался. А девочки, еще накануне готовившиеся к этому

часу, надели свои пестрые платьица, вплели в косы красивые ленты и стали похожими на большие яркие цветы.

Линейка прошла очень торжественно. Толя Анашкин, мальчик с глазами цвета синьки, вынес лагерное знамя, гости из Свердловска говорили речи, поздравляли ребят с открытием лагеря и высказывали пожелания, чтобы предстоящий поход прошел хорошо.

Вскоре совсем стемнело. Гости после ужина отправились спать, а ребята и не думали ложиться. Заведующий продовольствием Феликс со своим верным помощником Павликом получали в складе продукты и упаковывали в ящики. Нина, которой присвоили звание шефа-повара неотступно ходила за Феликсом, держа в руках список продуктов.

— А сметану получил? — напомнила она.

— И то ведь правда! — всполошился Феликс и, крикнув Павлику: — За мной! — побежал снова к складу.

Вскоре около ящика с маслом, мясом и яйцами стояло несколько закупоренных ведер.

— Осторожно! Прольете! — не подпуская никого близко, кричал Павлик.

Тамара неожиданно для самой себя оказалась санитаркой. Когда Артур получил аптечку, он спросил у девочек:

— Кто хочет заняться медициной?

Девочки молчали, а кто-то из ребят выкрикнул:

Мы с Тамарой — санитары!
Мы с Тамарой — санитары!
Санитары мы с Тамарой!

Это решило Тамарину участь.

Артур надел Тамаре через плечо санитарную сумку, а Сергей Андреевич строго сказал:

— Ну-с, теперь меньше хихикать и больше работать!

В первый же вечер у санитарки оказалось много работы.

Ребята обнаружили у себя царапины и ушибы и требовали немедленного лечения. Маленькая голубоглазая санитарка серьезно заклеивала царапины клейкой лентой, перевязывала ссадины и мазала иодом ушибы.

Вместе с Сергеем Андреевичем она проверила ноги у всех ребят — нет ли у кого натертостей.

— Ноги в походе должны быть в порядке,— повторяла она вслед за Сергеем Андреевичем.

Геня помогал Артуру собирать топорики и веревки, складывать походные зеленые палатки.

— Ты топограф,— говорил Артур,— и у тебя компас... Помни, что придется итти по азимуту. Твое дело не ошибиться...

— Знаю я... знаю сам,— отвечал Геня.

Анатолий Григорьевич ушел за лошадью, которая должна была довезти вещи до вокзала.

В четыре часа утра был дан сигнал, ребята вышли на линейку, не теряя ни одной минуты.

Все были одеты по-походному. Девочки сняли свои пестрые платья и тоже надели лыжные костюмы. Сергей Андреевич проверил у всех, как сложены вещи в рюкзаки, не давят ли ремни.

Луна еще светила, и сквозь белый туман проступали не совсем погасшие утренние звезды. Молчаливые сосны оставались караулить темносерые шатры и зеленую веселую лужайку.

— До свиданья, сосны! До свиданья, лагерь! Мы еще вернемся!

III

К ВОЛЧИХЕ

Походная палатка, за спиной рюкзак,
Мы шагаем в ногу, и поем вот так:
В путь-дорогу вперед!
Нас Волчиха зовет.
(Из песни юных туристов.)

Утренний поезд, который должен был довезти ребят до станции Хромпик, уходил в 5 часов 10 минут. До вокзала шли молча. Снова переходили мост через Чусовую. Большой молочный туман висел над рекой. Он был таким густым, что на расстоянии двух шагов не было видно идущего впереди. Возчик отказался ехать дальше. Пришлось снять ящики с телеги и нести на себе. До станции оставалось два километра. Девочки несли палатки, а самые тяжелые вещи понесли Сережа и, не доверявший никому свое хозяйство, Феликс Кусенко.

Перейдя мост, Зоя спросила у Риты:

— Ну, как?

— Что, как? — не поняла Рита.

— Не страшно?

— Ну, что ты! — Рита рассмеялась,— нисколько!

— И мне тоже! — сказала Зоя.

— А помнишь?..— и они весело переглянулись.

К поезду едва успели. Садились почти на ходу и разбрелись по всем вагонам.

Сергей Андреевич взволнованно ходил из вагона в вагон, разыскивая своих питомцев.

Через час поезд подошел к станции Хромпик, и ребята высыпали на перрон. Сергей Андреевич облегченно вздохнул.

— Ну, все в порядке!

Но оказалось, что далеко не все в порядке...

От станции Хромпик предполагалось двинуться пешком до подножия Волчихи, расположенной в пятнадцати километрах.

Еще накануне Анатолий Григорьевич по телефону договорился с директором завода, и тот обещал выслать лошадь, которая будет сопровождать туристов во время своего путешествия.

Но лошади не оказалось.

Решили самые тяжелые вещи оставить с несколькими ребятами, а остальным отправиться к Волчихе.

Анатолий Григорьевич остался с ребятами на станции.

— Вы идите,— сказал он,— мы достанем лошадь и приедем вслед за вами.

День начинался жаркий. Было всего около семи часов утра, а солнце палило во-всю. Вдали заманчиво чернела верхушка Волчихи.

— Неужели пятнадцать километров? — удивился Артур.

— А, кажется, что рукой подать!..

Пришлось положить каждому в рюкзак хлеба и по нескольку консервных банок. Ребята взяли узелки с крупой и завернутое в брезент мясо.

— А сметану? — снова вспомнила Нина.

— Далась тебе эта сметана! — рассмеялся Феликс.— Но, впрочем, ты права, неизвестно, сколько мы здесь просидим, а она, пожалуй, прокиснет.

Так и пошли, нагруженные доотказа.

— К десяти часам будем на месте,— сказал Сергей Андреевич.

Сначала шагали по тракту, а потом завернули в лес, ориентируясь на массивный силуэт Волчихи.

Первые пять километров прошли быстро. Сергей Андреевич посмотрел на часы:

— Отдохнем! — сказал он и, сбросив с плеч рюкзак, растянулся на траве, ноги положил на пенек так, что они оказались выше головы. Ребята последовали его примеру.

— У кого устали ноги, снимите ненадолго ботинки,— посоветовал Сергей Андреевич.

Но никто не чувствовал особой усталости. Было только нестерпимо жарко, хотелось пить, а до ближайшего ручейка, как сообщил Сергей Андреевич, еще не меньше пяти километров.

Дальше дорога шла полем.

Было время сенокоса, и ребята проходили мимо работающих в поле женщин, которые, приставив козырьком руку к глазам, долго смотрели вслед юным туристам.

— Вы куда это переселяетесь? — спросила старушка, повязанная белым платком и в такой же белоснежной кофте.

— На гору Волчиху, бабушка! — ответил Толя Анашкин.— Мы туристы.

Но вот, наконец, и ручеек. Первым увидел его Геня и, не дожидаясь сигнала, бросился к воде, быстро снял с себя рюкзак и начал разуваться.

— Много не пейте,— предупредил Сергей Андреевич.— В походе это вредно.

— Может, и вредно, но здорово хорошо! — восхищался Геня, который, лежа на животе, прильнул губами к прозрачной родниковой воде. Девочки мочили платки и вытирали раскрасневшиеся потные лица. Тамара смазывала иодом ранку на ноге Риты.

— Приготовиться! — скомандовал Сергей Андреевич.

Но на этот раз ребята поднимались с земли лениво. Десять километров пути, тяжелый груз и жаркое солнце дали себя знать.

— Не могу я больше нести это... устал,— угрюмо пробурчал Толя, прозванный Антилопой, отталкивая от себя узелок с инструментами и плащпалаткой.

Сергей Андреевич даже не взглянул на Толю. Он молча поднял узелок и, оглядев ребят, передал его Вове.

— Геня! — позвал Сергей Андреевич.— Забери у Толи и рюкзак тоже. Он устал.

Так шли до самого конца: Геня нес два рюкзака — свой и Толин, а Толя плелся позади всех с пустыми руками и даже без рюкзака.

А Волчиха, которая ни на минуту не исчезала из виду, становилась все ближе и ближе.

— Теперь осталось совсем пустяки! — весело сказал Сергей Андреевич,— километра полтора! Ну-ка, капитан, иди вперед и выбери место для стоянки, а мы постоим, подождем отставших...

ДЕЖУРНЫЙ.

ЧИТАЛИ КНИГИ И
ГОТОВИЛИ ДОКЛАДЫ...

НАША САНИТАРКА. • ИЗУЧАЛИ КАРТУ ПОХОДА...

Вскоре раздался свисток капитана. Артур выбрал чистую полянку, сбегавшую к веселому ручью. Вдоль бережка поднимались высокие черемуховые деревья, краснели гроздья рябины, нежно светились белые стволы тонких берез. Вверх на Волчиху уходил густой сосновый лес. Вскоре меж рыжих стволов столетних сосен разместились походные палатки, а впереди, на поляне, по команде капитана был поднят лагерный флаг. Его прикрепили к сухой березе, и она словно ожила.

Внизу у ручейка уже пылал костер. Там хлопотала Нина, и дразнящие запахи разносились по всему лесу.

Толя-Антилопа старательно помогал повару. Он подтаскивал хворост и поминутно спрашивал:

— Скоро? Нет?

— Скажи ребятам, чтобы мыли руки. Обед готов! — сказала Нина, совсем как маленькая мама большой семьи.

Ребята уже были наготове. Они давно принесли мягкие ветки в свои палатки, приготовили постели, умылись и причесались. Девочки переплетали косы и сделали себе вешалки для полотенец, а теперь все сидели у палаток в ожидании сигнала на обед.

— Ведь мы сегодня не завтракали, если не считать сухарей, которые погрызли в вагоне. А время — двенадцатый час! — сказал Артур в оправдание ребят, которые наперебой протягивали Нине миски, так что она едва успевала их наполнять.

Необыкновенно вкусным показался ребятам их первый походный обед.

— До чего же, Нина, ты хорошо готовишь,— хвалил Толя-Антилопа,— правильно мы тебя выбрали!

— Назначь дежурных! — шепнул Артуру Сергей Андреевич.

Капитан заглянул в свою записную книжку и громко сказал:

— Сегодня дежурит вторая палатка. Ясно? Обязанности свои знаете.

— Знаем, знаем! Не спать, волков отгонять! — ответил Вова Семенов, длинноногий веснушчатый мальчик.

— Так не забудьте же собрать посуду и вымыть...— напомнил дежурным капитан.— А остальные — спать по палаткам!

Повторять команду не пришлось. Разморенные жарой и сытным обедом, усталые ребята быстро уснули.

Тихо-тихо в походном лагере. С синего неба глядит жаркое солнце, нагретые сосны пряно пахнут смолой; чуть трепещет на верхушке березы алый лагерный флаг, а юные путешественники крепко спят.

Высоко над ними скалистая вершина Волчихи; прохладно плещется за горой Уральское море; со скрипом врезаются экскаваторы вглубь пород на рудниках; блестят кварциты на горе Караульной, но все это впереди, а сейчас, спать, спать.

Когда Анатолий Григорьевич и оставшиеся с вещами ребята подъехали на лошади, было пять часов вечера, а в лагере все еще спали.

Павлик вынул свисток и пронзительно свистнул. Никто не пошевелился.

Тогда он подошел к палатке, приподнял край и увидел курносого Чарли и белоголового Юру.

— Эй, вы, молодцы! Палатка свалилась! — громко крикнул Павлик. Но и это не помогло.

— А пора бы им проснуться! — сказал Анатолий Григорьевич. взглянув на часы.

— Разбудите капитана! — распорядился он.

Но это тоже оказалось далеко не легким.

— Совсем почти что не поспал,— произнес Артур, открывая глаза и потягиваясь.

— Верно! — рассмеялся Павлик.— Все вы не спите! Хоть лагерь унеси, и никто не услышит!

Артур выбежал из палатки.

— Где дежурный? — грозно закричал он.

Но никто не отозвался.

— Вон, наверное, твой дежурный! — показал Анатолий Григорьевич на растянувшуюся длинную фигуру Вовы Семенова.— Видит райские сны!

Разбуженные ребята выходили из палаток красные, взлохмаченные, с заспанными лицами, но хорошо отдохнувшие и веселые.

— На Волчиху будем сегодня подниматься?— спросил капитан у Анатолия Григорьевича.

Анатолий Григорьевич неуверенно посмотрел на небо.

— Надо бы, чтобы план наш не ломать... но боюсь, гроза собирается...

— Ну и пусть! — тряхнул головой Артур.

— Что ж, решай. Ты капитан. Надо только выбрать дорогу... Мы находимся на западном склоне горы, здесь подъем крутой, вверху будут отвесные скалы, тропинок нет. Если же мы обойдем гору, то с восточной стороны есть проторенная тропа.

Но ребята, собравшиеся около капитана и Анатолия Григорьевича, не дали ему закончить.

— Прямо пойдем! Нет, нет, только прямо!

Исключая Вову Семенова, который запоздало выполнял свои обязанности и угрюмо мыл миски у ручья, весь отряд выстроился по команде капитана и двинулся вслед за ним вверх. Рядом с Артуром шел Геня со своим неизменным компасом на руке. Сергей Андреевич и Анатолий Григорьевич замыкали цепочку.

IV

ВПЕРЕД И ВЫШЕ!

Нам не страшен ливень,
Нам не страшен гром,
По тропинке горной весело идем.
Прямо ввысь, прямо ввысь,
Юный турист, подымись!

(Из песни юных туристов).

Сначала ребята шли легко, весело, собирали землянику, рвали черемуху и рябину. Девочки затянули песню. Но чем выше, тем труднее и труднее становился путь. Многие ребята начали отставать, и капитану не один раз приходилось свистком останавливать убежавших вперед, чтобы собрать весь отряд.

Впереди всех шел Геня. Наконец-то он имел возможность на деле показать свое умение обращаться с компасом и картой, а то ребята все посмеивались над ним:

— Ты даже спишь с компасом. Наверное, ночью проснешься и смотришь, на какой бок повернуться — на северный или южный!

Артур шел рядом с ним, и хотя он был капитаном, но на этот раз чувствовал, что руководящая роль принадлежит главному топографу отряда Гене Белоусову.

Геня шел прямо на восток, не отклоняясь, и довольно быстро привел ребят к тем скалам, о которых предупреждал Анатолий Григорьевич.

— Может быть, пойдем в обход? — улыбнулся Сергей Андреевич. Он, конечно, знал, что никто не согласится.

Но Геня не понял шутки и горячо возразил:

— А зачем же мы тренировались?! — и первый начал взбираться по скале.

Ребята подняли головы и смотрели, как, цепляясь руками и ногами,

Геня упрямо преодолевает каменную отвесную стену. Забравшись, Геня бросил вниз веревку и помог взобраться Артуру.

Так один за другим поднялись ребята на первую скалу.

Узкая тропка повела их к следующей, которая оказалась еще выше первой.

— Да, это почище Георгиевских! — вздохнул Толя-Антилопа.

Ребята молча согласились с ним.

На Георгиевских был знаком каждый выступ, а здесь не найдешь, куда ногу поставить, камни гладкие, как полированные, без единой щелочки, совсем недоступные.

Но вот кто-то из ребят находит в отвесной скале маленькую выемку, еле видную шероховатость и, вцепившись в нее, карабкается вверх, и снова, с помощью веревки, один за другим весь отряд преодолевает новое препятствие.

Так поднимались они все выше и выше, брали приступом одну скалу за другой.

Иногда между скалами оказывалось большое расстояние, но и тогда никто не искал обходных путей.

Прыгали со скалы на скалу, помогали девочкам, которые совсем притихли.

— И вот, наконец, последнее нагромождение камней. Над камнями острая, как шпиль, скала, еще одно последнее усилие и...

— Ура! — закричал Геня, первым взбежавший на вершину.

— Ура! — подхватили ребята.

— Уа-а-а! У-а-а-а! — отозвалось далеко горное эхо.

Было так хорошо в эту минуту, такая гордость наполняла ребячьи сердца, что никому не хотелось ни говорить, ни шутить, ни смеяться.

Сизые тучи казались совсем близко, ветер срывал кепки, трепал косички девочек.

Сбившись около Анатолия Григорьевича, ребята молча смотрели на расстилающуюся внизу панораму и слушали слова своего руководителя.

— Высота Волчихи семьсот сорок метров над уровнем моря. Я уже говорил вам, что это самая высокая гора Среднего Урала. Мы видели ее во все время нашего пути, с нее тоже много интересного видно.

Анатолий Григорьевич развел руками и замолчал, любуясь блестящим зеркалом Волчихинского моря, куда по пологому скату горы сбегали стройные сосны и мягко изогнутые рябины. Вокруг горы причудливо извивалась Чусовая.

По железнодорожному мосту через нее промчался длинный поезд и скользнул в туннель.

— Мы находимся в центре уральской горной страны, отделяющей Европу от Азии,— продолжал Анатолий Григорьевич.— Но Урал стар! Он не сохранил особенно высоких гор или горных цепей. Взгляните кругом: слабо пересеченная местность, кое-где невысокие горы. Во-он там,— показал он на восток,— в ясную погоду можно увидеть Верхисетский пруд и очертания Свердловска.

Раньше здесь безраздельно властвовала тайга, строго охраняя границу, теперь же здесь центр промышленности. Вырос огромный медеплавильный комбинат.

Анатолий Григорьевич показал ребятам на две гигантские трубы.

Между прочим, эти трубы самые высокие в Европе: высота их сто пятьдесят метров. За эти же годы вырос красавец Новотрубный, открыт богатейший титано-магнетитовый рудник, вырос Динасовый завод, вырабатывающий огнеупорный кирпич. По своему значению и по мощности динасовый завод второй в Европе. А эти белые домики города Ревды тоже возникли в годы пятилеток.

Ребята следили за рукой Анатолия Григорьевича, который показывал то в одну, то в другую сторону, и старались не пропустить ни одного слова. Здесь, на вершине горы им открылся новый мир. План их путешествия и тщательно вычерченная карта их маршрута неожиданно ожили: дымили могучие трубы и блестели воды Волчихинского моря, двигались поезда и горели огни Новотрубного завода.

За десять дней своего путешествия они еще увидят все это близко, они пойдут на заводы и на рудники, покупаются в Чусовой и посмотрят мощную плотину, соберут коллекцию минералов и познакомятся с теми замечательными людьми, что управляют экскаваторами, добывают руду, варят сталь и протягивают трубы.

Все это впереди! Но сейчас они испытывали новые чувства, в их сознание входило радостное ощущение величия их края — советского сталинского Урала.

Они были так увлечены этим великолепным зрелищем, что не заметили, как потемнело небо над ними, грозя пролиться жестоким ливнем.

Яркая молния прорезала лиловую тучу, и гром ударил с такой силой, что, казалось, все скалы Волчихи рухнули вниз. Крупные капли дождя падали на серые камни, на ребячьи головы и плечи.

— Пора двигаться,— сказал Сергей Андреевич.— Я знаю неподалеку большую пещеру, где можно будет укрыться от дождя!..

V

ПО ДОРОГАМ ШАГАЙ — КРАЙ РОДНОЙ ИЗУЧАЙ!

Пахнут свежей хвоей темные леса,
На тропе нехоженой чистая роса...
За рекой-красавицей горный перевал,
Вот он наш чудесный и родной Урал!
Сколько ожидает впереди чудес:
Синие озера, новостроек лес,
Рудники, заводы, новые дела...
Труженики города и села.

(Из песни юных туристов).

Дни проходили удивительно быстро. Уже позади осталась Волчиха с ее незабываемыми скалами. Уральское море, у которого ребята провели целый день, титано-магнетитовый рудник, где ребята долго сидели у гигантского экскаватора.

Инженер, который встретил их, рассказал, что в старое время, в середине прошлого века, здесь велись разработки, но руды были признаны «негодными».

— Вы понимаете почему? — спросил инженер.

— Потому, наверное,— ответил Геня,— что эти руды тугоплавкие, а тогда еще не умели с ними обращаться.

— Правильно,— сказал инженер.— В них есть титан и ванадий, так необходимые для высококачественных сталей.

— А эти стали играют большую роль в промышленности,— сказал Геня.

«Откуда Генька все знает?» — с уважением подумал Толя. С некоторых пор он стал обижаться, когда его звали Антилопой, старался держаться ближе к старшим ребятам и меньше интересовался продовольственными делами лагеря.

Особенно понравилась ребятам гора Караульная, о которой они узнали, что это серьезная база крупнейшего в мире Динасового завода, дающего стране ежегодно сотни тысяч огнеупорного кирпича для металлургических, химических и других заводов.

Геня и здесь проявил необычайную заинтересованность и знание дела.

— Понимаешь,— говорил он Толе, который теперь неотступно следовал за ним,— запасов кварцита в Караульной хватит на много-много лет. Здорово!

На Караульной особенно посчастливилось Толе Анашкину. Блестя яркими, как синька, глазами и большими белыми зубами, он всем показывал свою находку.

— Во! Видали!

Это была действительно чудесная находка. Большой, прекрасно ограненный кристалл горного хрусталя.

* * *

Так незаметно была пройдена большая часть пути. Десятки километров шагали ребята через леса и болота, по скалам и горным тропинкам. Их поливал дождь и сушило июльское солнце, обдували горные ветры и свежим хвойным ароматом встречали леса.

Один за другим пустели ящики из-под мяса и яиц. Уже не тревожилась Нина о судьбе сметаны, так как теперь только пустые ведра грохотали на телеге.

Зато тяжелее стали рюкзаки за плечами, наполненные образцами титановой руды и железняка, кристаллами кварцита и медной руды.

А Рита Симакова, которая особенно зорко умела видеть в траве необыкновенно красивых кузнечиков, причудливой формы листочки и цветы, собрала материал для гербария и коллекцию насекомых. Однажды она поймала огромного шмеля и долго рассматривала в лупу его глаза.

— Так у него же тысяча глаз! — сказала она, удивленная своим открытием, и после этого уже ничто не занимало ее так, как глаза различных мушек, кузнечиков и муравьев. Она обнаружила, что у некоторых из них, кроме пары глаз, которые разделены сеточкой на сотни маленьких глазков, еще бывают на лбу, зачем-то по три глаза.

— Как они видят? — спрашивала Рита у Анатолия Григорьевича.— Наверное, не так, как мы? Да? Как это интересно. Правда?

Вместе с Ритой собирала коллекцию Аля. Она делала это больше не для себя, а из желания помочь подруге, потому что сама предпочитала в каждую свободную минуту почитать. Она прочла книгу о реке Чусовой и подготовила доклад о строительстве Волчихинской плотины.

А Люда и Тамара, которые вместе со всеми ходили от одной стоянки до другой, вместе со всеми купались и загорали на берегах горных речек, имели свою, отдельную от всех, тайну.

Часто, когда весь лагерь засыпал после дальнего похода, девочки выходили из палатки и где-нибудь под сосной репетировали пьесу, они собирались показать ее на закрытии лагеря.

— Нет, Томочка,— огорченно говорила Люда,— не так! Понимаешь, ты сердишься, надо возмутиться, ты недовольна мною. Давай начнем снова... — И Тамара покорно начинала все снова.

Дни проходили, наполненные множеством дел, впечатлений, радости и движения все вперед и вперед. На стоянке за Гологорским рудником, у живописного пруда реки Талицы, куда пришли в ясное июльское утро, Феликс вдруг обнаружил, что в его хозяйстве нехватает кастрюли с маслом.

— Что такое? Куда могла деваться?

Позвав Нину и Павлика, Феликс сообщил о пропаже.

— Масло!?. — Павлик хлопнул себя по голове: — так я же его в тень на той стоянке поставил, чтоб не растаяло... Вы не взяли?

— Интересно, кто же должен был это сделать? — сердито, сказал Феликс. — По-моему, так ты...

Наступило молчание.

— А много там было масла? — спросил Сергей Андреевич.

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЕЖЕДНЕВНО ПРОВОДИЛ С РЕБЯТАМИ УРОКИ СКАЛОЛАЗАНИЯ

— Килограммов пять-шесть,— ответила Нина. — Теперь ничего, конечно, не поделаешь,— не глядя на Павлика, добавила она.— Но все же ты, Павлик, порядочный разиня...

Павлик круто повернулся и ушел к себе в палатку.

— Вот погнать бы его назад, тогда бы знал,— ворчал Феликс.

Вскоре Павлик вышел из палатки с рюкзаком за плечами. Легкие тапочки, которые были на нем, он заменил походными ботинками.

— Сергей Андреевич, разрешите мне пойти? — спросил он, потупившись.

— Куда? — удивился Сергей Андреевич.

— За маслом,— ответил Павлик, не поднимая головы.

Нина всплеснула руками:

— Ты с ума сошел! Двадцать километров туда, да двадцать километров обратно. Ты сутки проходишь, да еще один. Нет, нет!

— Почему нельзя? — строго сказал Сергей Андреевич.

— Пусть идет, дай ему хлеба и консервов, а кроме того... Геня! — крикнул он.

Геня принял предложение Сергея Андреевича пойти с Павликом так просто и охотно, точно речь шла о сущих пустяках.

— Ну, что ж! Ночью вернемся.

— Этого не делайте,— сказал Сергей Андреевич. — Мы простоим здесь весь завтрашний день, так что не торопитесь. Хлеб у вас есть, масло будет, — Сергей Андреевич улыбнулся и похлопал ребят по плечам.

Феликс был немного смущен, а Нина так огорчена всем происходящим, что чуть не плакала.

— Постойте,— крикнула она, когда ребята уже двинулись.— Котелки взяли?— и порывшись в кульке с сахаром, достала несколько больших кусков, завернула их в бумагу и сунула Гене в карман рюкзака.

— Счастливый путь! — говорила Нина и совсем по-матерински смотрела ребятам вслед и махала рукой до тех пор, пока они не скрылись за лесом.

Весь день ребята провели у пруда. Девочки стирали свои платья и мыли головы, мальчики рыбачили, правда, безуспешно, если не считать двух пескарей, которых принес в банке из-под консервов белоголовый Юра.

К вечеру погода испортилась. Заморосил дождь. Серая неприветливая пелена задернула все небо, и ребята попрятались в палатках. Спать улеглись в этот день раньше обычного, в надежде, что к утру погода исправится.

Но случилось как раз обратное. За ночь дождь усилился, он барабанил по стенкам палаток, проникал в щели и не давал покоя Сергею Андреевичу, который не переставал думать об ушедших ребятах.

— Где они будут ночевать? Может быть, догадаются зайти в ближайшую деревню?

Так без сна прошла вся ночь. На рассвете, когда, не взирая на дождь, очередные дежурные разжигали костер, Сергей Андреевич вышел из палатки и принялся им помогать.

Он нервно расхаживал у костра и был необычно угрюм.

Костер все время гас, и кофе в ведре никак не закипало. Дежурные в брезентовых плащах беспрерывно подтаскивали хворост и громадные пни. Кто-то из ребят выкорчевал их еще вчера вечером и принес к лагерю. Сухие изогнутые корни пней весело затрещали, и высокое пламя поднялось вверх.

— Сергей Андреевич! Посмотрите!— закричали вместе оба дежурные.

Но Сергей Андреевич уже и сам видел приближающихся ребят.

Они шли босиком, оживленно беседуя и размахивая руками. С их одежды текла вода.

— Мы решили не ждать утра... зачем? Всегда лучше двигаться. Правда? Вы не сердитесь?

— Ладно, ладно,— не скрывая радости, произнес Сергей Андреевич.— Марш, раздеваться! Идите в мою палатку, живее.

Когда переодетые в сухое белье ребята сидели около Сергея Андреевича, дуя на огненно-горячий кофе в кружках, и рассказывали о своем ночном походе, видавший виды турист, исколесивший сотни километров по горам и просторам русской земли, не мог без волнения смотреть на эти раскрасневшиеся мальчишеские лица.

— А масло, вот оно!— торжествующе сказал Павлик.— Стояло себе спокойно и нас дожидалось....

VI

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТОЯНКЕ

До свиданья, лагерь наш походный!
Мы к тебе привыкли всей душой!
Нам дышалось вольно и свободно
На дорогах родины большой.

(Из песни юных туристов).

Был в лагере один мальчик, который держал себя настолько скромно и незаметно, что долгое время никто не обращал на него никакого внимания. Он беспрекословно подчинялся режиму, ни с кем не спорил

был очень удобным соседом по палатке. Но, несмотря на эти неплохие качества, все относились к нему безразлично, а Феликс даже немножко презрительно.

— Так себе... пирог ни с чем...

Но на последней стоянке вдруг выяснилось, что Боря Дягилев совсем не такой, каким его представляли ребята. Случилось это так. После Голгорки, где в течение трех дней ни на минуту не прекращался дождь, отряд отправился к городу Первоуральску.

Разбить лагерь предполагали на берегу Чусовой, неподалеку от завода Хромпик. Но когда промокшие насквозь ребята пришли к месту своей стоянки, оказалось, что земля очень влажная и ставить палатки просто невозможно...

— Я думаю,— сказал Анатолий Григорьевич,— надо сделать следующее.

Он позвал Артура, и они зашагали к белым домикам, живописно выстроившимся на зеленом берегу реки. Вскоре они вернулись в сопровождении целой группы пионеров. Оказалось, что белые домики принадлежат пионерскому лагерю Хромпикового завода. Когда пионеры узнали, что на территории их лагеря юные туристы, они бросились встречать гостей.

— Мы очень рады, что вы пришли в наши края... — сказал их старший пионервожатый.— Сейчас в лесу сыро, пожалуй, вам не стоит ставить палаток. У нас есть корпус пустой. Мы охотно можем вам его предоставить. Пожалуйста, располагайтесь.

Он показал на один из белых домиков с большой террасой и светлыми окнами.

Туристы стояли, переминаясь с ноги на ногу, не зная, должны ли они принять гостеприимство? Будет ли это отвечать туристским правилам? Но сомнения разрешил Сергей Андреевич.

— Ну, вот и спасибо. Это очень хорошо. Мы затопим печь, хорошенько обсохнем и обогреемся.

Вскоре пустой корпус пионерского лагеря наполнился шумом и топотом ног.

Директор лагеря предложил гостям помыться в бане и получить на складе матрацы. После многих ночей, проведенных в лесных палатках на хвойных ветках, белые чистые матрацы, пылающий в печке огонь, яркий электрический свет и обед за столом — все показалось туристам праздничным.

А маленькие пионеры столпились на террасе, с любопытством заглядывали в окна.

Они удивленно разглядывали гостей, их мокрые костюмы, сушившиеся у печки, их рюкзаки и ящики, у которых уже хлопотали «хозяйственники».

— Вот это да! — восхищенно говорил рыжеватый мальчик, особенно льнувший к туристам.— Вот это жизнь! Аж, завидно!

А юные путешественники наслаждались теплом и светом, горячей водой в бане; девочки побежали на кухню просить утюг, сняли походные костюмы и приоделись в чистые платья.

— Сегодня отдохнем, а завтра по заводам,— сказал Анатолий Григорьевич.

— Мы пойдем на Новотрубный? — спросил Боря Дягилев.

— И на Новотрубный и на Старотрубный,— ответил Анатолий Григорьевич,— и, по-моему, было бы очень хорошо, если б кто-либо из вас после посещения обоих заводов сделал доклад, сравнив технику старого и нового заводов.

— Это можно,— скромно сказал Боря.

— Ты берешься? — спросил Анатолий Григорьевич.

— Можно...— опять повторил Боря.— Я немного об этом знаю.

— А ну, расскажи, если знаешь,— задорно пискнул Чарли, и все ребята рассмеялись.

— Можно и рассказать,— серьезно ответил Боря.

— Что ж,— сказал Анатолий Григорьевич: — Если у тебя есть что рассказать, мы тебя сегодня и послушаем. Это даже лучше. Ребята пойдут на заводы уже немного подготовленные.

После вечернего чая Анатолий Григорьевич собрал ребят:

— Боря Дягилев нам расскажет о заводах.

— Боря? — удивились ребята.

Но еще больше удивились они, когда Боря, немного побледневший от волнения, встал из-за стола и раскрыл перед собой толстую тетрадку.

— Старотрубный завод основан в 1732 году, т.-е. больше чем двести лет тому назад,— начал Боря.— Это старый демидовский завод, который раньше назывался Васильево-Шайтанским. Раньше он был чугунолитейным, потом здесь вырабатывалась сталь, и лишь при советской власти началось производство труб...

Вначале робкий, голос Бори креп, и все увереннее и увереннее текла его речь.

— Техника на Старотрубном отсталая, почти все операции проводятся вручную... Мы увидим там пресс, который уже совсем вытеснен из производства и представляет музейную редкость. Зато совсем иное

дело — Новотрубный завод! Он вступил в строй в 1935 году и оборудован по последнему слову техники.

А сколько труб выпустил этот завод! Я слышал, что можно было бы построить трубопровод от земли до луны, если выложить только трубы, полученные холодным волочением. А трубами, выпущенными горячим способом, можно обмотать землю два с половиной раза...

Ребята сидели с широко раскрытыми глазами.

— Подумайте-ка, Борис-то наш!

Чарли не выдержал и заглянул в Борину тетрадь, которая лежала на столе.

— Да, это все тут в тетради написано! — разочарованно крикнул он.

— А ты что же, хотел бы, чтобы он из головы выдумывал? Эх ты, Чарля! — заступился Артур.

— Можно мне посмотреть твою тетрадь?— попросил Анатолий Григорьевич.

— Молодец! — сказал он, просматривая тетрадь.— Вот видите, ребята, Боря очень серьезно готовился к путешествию по родному краю. О тех объектах, которые нам предстояло увидеть, он, видимо, много читал и выписал все сведения. Тут у него и о рудниках, и история города Первоуральска, и план канала Чусовая — Исеть... Молодец! — повторил он. — А теперь ты ведешь дневник?

Боря достал из широких брюк несколько блокнотов и показал их Анатолию Григорьевичу. Исписанные мелким почерком блокноты содержали в себе описание всего похода с множеством интересных деталей, с живо описанными сценками походной жизни, с характеристиками ребят и даже небольшими рисунками. Анатолий Григорьевич снова похвалил Борю, и ребята вполне с ним согласились.

— А ты говорил «пирог ни с чем»! — напомнил Геня Феликсу.

— Ну, что ж, что говорил! Я ведь не знал, что он такой умный. Кто ему велел молчать и таиться.

На следующее утро отряд юных туристов отправился на первоуральские заводы. Теперь уже ребята старались держаться поближе к Боре Дягилеву, чтобы спросить у него, если что-нибудь будет непонятно.

Хотя Боря и очень интересно рассказывал им о заводах, но то, что они увидели, превзошло все ожидания.

Особенное впечатление произвели цехи Новотрубного завода. Ребята долго стояли у грохочущих волочильных станов и смотрели, как толстая, раскаленная докрасна чурка вытягивалась в длинную трубу

и, переходя из стана в стан, истончалась и живой огненной змеей ускользала вниз.

Много молодых ребят работало в волочильном цехе. Они улыбались туристам, как старым знакомым, а начальник цеха, показывая на одного маленького крепыша лет шестнадцати, с гордостью сказал:

— Это наш лучший стахановец. Он дает уже выработку пятидесятого года.

Когда, посетив заводы Первоуральска и побывав в краеведческом музее, туристы собрались в путь, их гостеприимные хозяева очень сожалели.

— Поживите еще! — говорили ребята, которые за эти два дня успели сразиться с туристами в волейбол и проиграть им не одну партию в шашки.

— Нет,— сказал Артур,— нам пора. Завтра мы должны быть в Кауровке, в нашем лагере... Поход окончен...

И вот наступило это «завтра».

Снова туман над Чусовой встретил ребят, а висячий мост поскрипывал, приветствуя загорелых, возмужавших путешественников.

Снова темносерые островерхие шатры ожидали их, окруженные знакомыми елями и соснами.

— Как хорошо у нас! — радостно сказала Аля, застилая свою койку и ставя в банку букет цветов, собранный Ритой.

Выглянуло солнце, и алый флаг лагеря снова взвился на большой мачте посреди зеленой полянки. Все было прежним. И только ребята, вернувшиеся после похода, стали как будто другими. Они стали дружнее и дисциплинированнее, выносливее и здоровее.

Еще неделю проживут они здесь. Подведут итоги всем впечатлениям, полученным в походе; устроят конференцию, на которую приглашены гости из Свердловска и Кауровского дома отдыха; прочитают доклады о своем путешествии; Люда и Тамара покажут пьеску, которую подготовили; всем отрядом споют песню, сообща сочиненную во время похода; покажут свои коллекции и гербарии, а затем разъедутся во все концы Свердловской области, увозя воспоминания о чудесном летнем туристическом походе.

Было всяко в длительных походах:
Солнцепек и дождик проливной...
Только, невзирая на погоду,
Обойти могли мы шар земной!

Л. Преображенская *Рисунки А. Бурака*

Галстук мамин старенький,
Потерявший цвет,
В ящичке хранится
Двадцать долгих лет.

Здесь же фотография —
Память прошлых дней.
Маму-пионерку
Вижу я на ней!

Вот она — веселые
Черные глаза,
Нос задорный, вздернутый,
С лентою коса.

Туго перехвачен
Галстук на груди.
Мама с фотографии
На меня глядит.

Будто хочет вымолвить:
— Как твои дела?
Как ты сбор отряда
Нынче провела?

А со мною рядом —
Милая, своя,
Славная, родная
Мамочка моя.

И все так же смотрят
Ласково глаза,
Только поседела
Чуточку коса.

Мама улыбается:
— Я, как ты, была,
Галстук пионерский
Крепко берегла.

Пусть поблек от времени —
Ты его надень
В праздничный, Октябрьский
Долгожданный день.

Дружина дружных

Татьяна Дынина

Рисунки Е. Галевой

— А оценку докладчику мы поставим не сразу после доклада. Пусть сначала он ответит на все дополнительные вопросы, а потом сам задаст нам вопросы... Ну и, конечно, он обязан знать на них ответы,— с этими словами Валя Говорухина, председатель совета отряда 5 «А» класса, вышла из-за парты и, откинув на спину толстые каштановые косы, плотнее прикрыла дверь.

— Правильно! Оценивать надо строго, тогда на экзаменах самим же легче будет,— одобрила Валино предложение классный руководитель Нина Николаевна Карпушина, учительница русского языка.

— Ну, готовьтесь как следует, чтоб не ударить лицом в грязь! — добавила присутствовавшая на «тайном совете» комсомолка, пионервожатая Лия Андрус, темноволосая, черноглазая девушка.

Лия, вернее Лия Адольфовна, как ее называли девочки, пользовалась среди школьников большим авторитетом. Она работала в школе второй год и сама еще не так давно была ученицей Нины Николаевны, ее самой хорошей активисткой и первым зачинщиком всех увлекательных и полезных пионерских дел, лучшей тимуровкой и лучшей юннаткой.

Накануне окончания учебного года Нина Николаевна, руководившая пионерской работой в школе, вместе с Лией решили провести

в 5 «А» конференцию по повторению пройденного. Девочки сами предложили тему, которую усвоили на уроках слабее,— «Имя существительное». Валя Говорухина вместе со своим активом составила план конференции, распределила доклады. Каждая девочка должна была заранее продумать вопросы, которые она задаст на конференции докладчикам, и уметь самой на них ответить.

Настал день конференции. После уроков место за учительским столом заняла Валя Говорухина, а Лия Адольфовна вместе с Ниной Николаевной уселись на заднюю парту.

— Клава, начинай! — объявила Валя. Клава Северюхина, высокая девочка с быстрыми карими глазами, обычно имела по русскому языку «четверку». Клава бойко принялась рассказывать о существительном. Видно было, что к докладу она подготовилась как следует. Но «пятерку» заработать сегодня нелегко. Валя просит задавать Клаве вопросы по материалу, не вошедшему в доклад.

Поднимается лес рук.

— Какое значение имеют суффиксы «ин» и «ник»?

— Скажи правописание существительных женского рода на «ня»?

— Какого склонения слово «путь»?

Задавали вопросы все, а ведь на каждый вопрос требовалось знать ответ. Клава всем ответила правильно. Девочки единодушно решили оценить ее доклад пятеркой. Потом выступили Эля Игошина, Рая Меркурьева, Женя Фальк, Наташа Полыгалова и другие девочки. Не все одинаково хорошо справились со своими докладами, но другие пионерки помогли им разобраться в правилах, помогли подобрать лучшие примеры к этим правилам.

Состоялось еще несколько конференций, где повторили имя прилагательное, имя числительное. Такие повторения очень помогли девочкам: они начали грамотнее писать, отметка по русскому языку у большинства стала четыре и пять. Экзамены сдали тоже успешно.

Став шестиклассницами, пионерки продолжают проводить сборы на учебные темы. Но большей частью девочки собираются по звеньям.

Несколько девочек однажды не справились с контрольной по русскому языку, и поэтому звено Эли Игошиной провело сбор на тему: «Как писать изложение». А звено Нины Малашкиной подготовило тему: «Как выполнять домашнее задание по русскому языку».

Но что это за пионер, если он не желает помочь товарищу, нагрубил старшему, не уступил в трамвае места инвалиду или отказался выполнить поручение матери по хозяйству?

— Таких пионеров у нас не должно быть,— заявила на сборе отряда 6 «А» класса Наташа Полыгалова, которую весь класс называл Тусёной.— Вот Рита, например. Она и учится неважно, и дома ничего делать не хочет.

Девочки посмотрели на Риту. Если бы не Тусёна да ее подруги, Эля Игошина, и Клава Северюхина,— Рита не перешла бы в шестой класс. В прошлом году ее хотели исключить из пионеров: она обманывала товарищей и учителей: сама себе ставила в дневник оценки, а когда ее уличали в этом, она все отрицала. Перед испытаниями Тусёна и Клава решили взять над ней шефство.

— Так и знайте: если Рита не сдаст испытаний, это будет на вашей совести,— сказали трем подругам пионервожатая Лия Адольфовна и классный руководитель Нина Николаевна.

Рита благополучно перешла в шестой класс и, до сих пор ни с кем не дружившая, от души привязалась к девочкам. Она за них готова пойти в огонь и воду, и поэтому ей было особенно неприятно, когда на пионерском сборе именно Тусёна снова заговорила об ее недостатках.

— Да, и не смотри, пожалуйста, на меня с упреком,— безжалостно добавила Тусёна.— Мама у тебя больная, перегружена на работе, а ты дома хотя бы что-нибудь сделала. Ждешь, чтоб тебе все по двадцать раз напоминали.

Рита густо покраснела. Подруга укоряла ее не напрасно. Сама Тусёна не только хорошо училась и помогала товарищам, но и успевала ходить на уроки музыки и каждую свободную минуту отдавала двухлетней сестренке, заменяя ей мать.

— Давайте, девочки, поговорим серьезно о режиме дня,— продолжала Тусёна.— Обсудим, когда и как лучше готовить уроки, когда отдыхать, как быть полезными дома...

Сбор затянулся. Девочки горячо спорили, много было высказано ценных замечаний. Рите и некоторым девочкам изрядно попало.

Мать Риты удивилась, когда дочь, вернувшаяся вечером из школы, первым делом ее спросила: «Мамочка, что тебе сегодня сделать?»

Звеньевые сборы на темы: «Как ты помогаешь дома», «Что такое «спасибо», «пожалуйста», «разрешите», имели большое положительное влияние на учениц. Недавно Нина Николаевна Карпушина ехала в трамвае. В вагон вошла шестиклассница Галя Буторина. Девочка села на освободившееся место, но, увидав стоящего рядом пожилого мужчину, тут же вскочила.

— Садитесь, пожалуйста!

— Спасибо, дочка, мне сейчас выходить.

— Ну, я все равно не сяду... Садитесь вы,— обратилась Галя к другому пассажиру. Тот тоже не пожелал воспользоваться приглашением.

Девочка растерянно оглянулась, заметила свою учительницу и, поздоровавшись, дрожащим от обиды голосом пожаловалась Нине Николаевне:

— Я всем предлагаю сесть, а они не хотят...

— Ну, так садись сама...

— У нас звеньевой сбор был. Мы говорили о том, как вести себя на улице, в трамвае и дома. Я и раньше всегда уступала место в трамвае, а теперь особенно стараюсь всегда быть вежливой. Почему же они не садятся? — и Галя быстро-быстро заморгала черными чуть раскосыми глазами.

— Молодец, Галина,— сказала Нина Николаевна,— только переживать не надо. Лишь бы знала, что поступила правильно...

В эту минуту Нина Николаевна вспомнила случай, который произошел с ней недавно. Заканчивалась четверть. Работы было очень много. Нина Николаевна приходила домой только ночевать. Все хозяйство легло на плечи ее старушки-матери. А живут Карпушины в большом доме на девятом этаже. Вернувшись однажды к полуночи, Нина Николаевна увидела в передней аккуратно сложенные дрова, еще непросохший после мытья пол.

— Неужели это ты, мама? — удивилась и встревожилась она. Старушка рассказала, что вечером к ней прибежали несколько девочек и, не называя своих имен, быстро и ловко принялись за уборку, все помыли, почистили, натаскали со двора дров... По сей день Нина Николаевна не может установить, кто же это хозяйничал у нее: неразлучные Полыгалова, Игошина, Северюхина, или шустрая Валя Говорухина, энергичная Зоя Медведева, или, быть может, вот эта, стоявшая перед ней, черноглазая Галя Буторина...

В прошлом году пионеры дружины коллективно просмотрели кинофильм «Тимур и его команда». Увлекательную повесть Гайдара они читали еще раньше. Из кино девочки вышли взволнованными.

— Даже завидно, как эти ребята хорошо умели дружить! — воскликнула пятиклассница Неля Борейко.— А мы, что же, хуже их? Разве и мы не можем быть такими же?! Один — за всех, все — за одного!

— Правильно,— зашумели девочки.— Давайте дружить по-настоящему.

Ближайший сбор посвятили теме «Дружба». Пионерки рассказывали о своих подругах, о своей дружбе, о значении дружбы в их жизни. Разумеется, Тусёна Полыгалова выступила одной из первых.

— Все вы знаете, что я давно дружу с Элей Игошиной и Клавой Северюхиной. Мы вместе готовим уроки, разъясняем друг другу непонятное, вместе переживаем и горе и радость. И вместе нам как-то легче жить.

На сборе девочки инсценировали несколько эпизодов из книги «Тимур и его команда». В роли Тимура выступила Неля Борейко, а роль Жени исполнила Тусёна Полыгалова. После сбора девочки заметно сплотились. Рая Меркурьева подружилась с Женей Фальк, Римма Андреева — с Ниной Башкировой. Узнав, что у Эли Игошиной заболела мать, пионерки отправились к ней домой, помогли подруге прибрать в комнате, накололи дров.

У Нины Груздевой отец погиб на фронте. Семья нуждалась. Девочки решили поделиться с Ниной, кто чем мог, и она получила новые платья, белье, обувь.

С тех пор в классах завелись «тимуровские копилки». На первых партах каждого ряда появились ящички с прорезью. Оставались после покупки завтрака у кого-нибудь 20—30 копеек,— их кидали в копилку, получали девочки пятачок сдачи — он шел туда же. Так незаметно собирались деньги, и если ученицам школы, детям фронтовиков, взятым девочками на особый учет, требовалась какая-либо помощь, копилки опоражнивались, и класс с радостью делал нужные приобретения.

Вот уже второй год отряд 6 «А» класса шефствует над ученицей 2 класса Кларой Смолиной. Девочки следят за ее отметками и поведением, помогают во всем. В этом году у них появились еще двое подшефных: малыши Нина и Толя Месиловы, дети школьной уборщицы. Им девочки подарили также много одежды и обуви, собрали мешок картофеля. На торжественной линейке, посвященной 30-летию ленинско-сталинского комсомола, Клару, Нину и Толю приняли в пионеры. Все трое, одетые в новенькие формы — подарок шефов,— сияли от радости и счастья, прикрепляя к груди пионерские значки и завязывая алые галстуки. Весь вечер не расставались девочки со своими подшефными, о которых всячески заботятся.

Большинство пионерок школы, особенно девочки младших классов, состоят в кружке умелых рук. Этим кружком руководит Мария Васильевна Соколова. Что только не умеют делать члены кружка! Они шьют белье своим подшефникам, вяжут им носки и варежки, они мастерят яркие забавные елочные украшения, наглядные пособия для уро-

ков, они готовят вкусные торты и печенье. Четырехклассницы Светлана Абаимова, Роза Короткова, Галя Андреева, Галя Чернышева, Валя Пакулева — настоящие маленькие хозяйки. Они могут смело взяться за любую домашнюю работу. Этому их научил кружок умелых рук, Мария Васильевна Соколова, и это уменье им очень пригодится в жизни.

Девочки увлекаются и юннатскими делами. В неделю сада они посадили три тысячи семян клена, акации, липы, ясеня, заложили питомник малины и смородины. А как интересно было прошлой осенью собирать урожай картофеля и овощей, выращенный собственными руками. Четвертый класс «В» преподнес подшефной семье Тимкиных мешок картофеля, снятый с опытного участка. Юннаты этого класса добились больших успехов. Валя Бастова вырастила из одного зернышка овса 8060 зерен. «И несколько штук склевала курица»,— сокрушалась девочка. А Валя Клепалова посадила десять зернышек ячменя, восемь взошло, и урожай составил 10500 зерен. Каждое лето юннаты собирают замечательные коллекции растений и насекомых, пополняют число обитателей школьного живого уголка.

Много интересных и увлекательных дел у пионерок. Девочки изучают свой район, совершают экскурсии на местные предприятия. Они встретились с лучшими комсомольцами оптико-механического завода, посетили фабрику имени Ленина, где познакомились с процессом изготовления брезентовой ткани. «Нам очень понравилась экскурсия», — закончили свое сочинение на тему о фабрике имени Ленина ученицы 5 «А» класса Люся Потуткова и Люся Васенева.

Ученицы 4 «А» класса посвятили пионерские сборы истории парка культуры и отдыха имени Маяковского, истории своей школы.

Девочки узнали, что школа была основана в 1936 году, построена силами домохозяек, что первыми учителями, и поныне здесь работающими, были Хая Абрамовна Шизер и Ольга Александровна Быкова, что сад вокруг школы разводила Александра Прокопьевна Лялина или, короче, тетя Шура — гардеробщица школы.

К каждому сбору девочки выпускали красочные стенные газеты. А как чудесно прошла в отрядах пятых классов читательская конференция по любимой книге «Четвертая высота»!

Девочки говорили о том, что эта книга учит их упорству и настойчивости в достижении цели и в преодолении трудностей, учит любить свою Родину, быть смелыми, храбрыми, трудолюбивыми.

— Это замечательная книга! — взволнованно сказала Неля Семкина.— Мы все постараемся быть такими, как Гуля Королева...

Нина Левашова внесла предложение провести следующую читательскую конференцию по книге Кошевой «Повесть о моем сыне».

А костер, посвященный Дмитрию Наркисовичу Мамину-Сибиряку! Целый месяц готовилась к этому сбору дружина; девочки побывали в музее Мамина-Сибиряка, прочитали его рассказы для детей, а на вечере инсценировали эпизоды из рассказов «Вертел», «Богач» и «Еремка», читали наизусть отрывки.

Пионерская организация пользуется среди учениц большим авторитетом. Валя Говорухина, прошлогодний председатель совета отряда 5 «А» класса, став шестиклассницей, избрана председателем совета дружины. Отряд 6 «А» класса (бывшего 5 «А») награжден похвальной грамотой совета юных пионеров города Свердловска. Этот отряд, действительно, может гордиться сплоченностью и дружбой своих членов. Какое бы задание ни поручали девочкам, они его всегда выполняли.

В прошлом году, после окончания учебного года, учащиеся готовились к пионерскому параду. И вдруг в школу позвонили, что репетиция к параду назначается не на завтра, как сообщалось накануне, а на сегодня, к 3 часам дня. Был полдень. В школе — ни души, а собрать надо всю дружину — около 400 человек.

Директор школы Клавдия Порфирьевна Кожедерова послала за Клавой Северюхиной, живущей рядом со школой. Та мигом сбегала к Игошиной и Полыгаловой, попутно позвала Римму Андрееву и Нелю Борейко; через час весь 6 «А» был в сборе. Девочки распределили между собой, кому за кем итти. Одни пошли к парку культуры и отдыха, другие — на Сибирский тракт, третьи за Лесотехнический институт. К 4 часам дня дружина была в сборе.

Неля Борейко из-за слабого здоровья осталась на второй год в 5 классе. Однако она попрежнему член отряда 6 «А» класса, участвует во всех его начинаниях. Как-то Нина Николаевна Карпушина, проходя вечером по школе, заглянула в 5 «А» класс, который уже давно должен был опустеть. К своему удивлению, она обнаружила там группу девочек, внимательно кого-то слушавших. Оказалось, что в центре сидела Неля Борейко и рассказывала о пионерских делах 6 класса. Пятиклассницы донимали Нелю вопросами, что ее отряд предпринимал в прошлом году, как организовал работу. А председатель совета отряда 5 «А», бойкая, худенькая Люся Потуткова, прозванная за строгую манеру разговора «классным руководителем», даже кое-что записывала на бумажку.

— Обязательно переймем традиции шестого класса! — заявила она девочкам. — Мы тоже так сумеем!

Вступить в пионеры! — вот о чем мечтают те ученицы, которые еще не состоят в организации. Случилось так, что в 6 «А» классе одна из учениц — Нина не была пионеркой. Приветливая, вежливая, исполнительная, Нина всегда охотно вместе со всеми девочками готовилась к сборам, нередко выполняла ответственные поручения, но в пионеры не вступала. Когда подруги спрашивали почему, — она только отмалчивалась.

Нина жила и воспитывалась у бабушки. Сколько раз девочки приходили к Нине домой, выпытывали у бабушки, почему ее внучка не хочет быть пионеркой, но узнать ничего не удавалось.

Однажды бабушка сама пришла в школу.

— Это я не позволяю Нине вступать в пионеры, — заявила она директору и пионервожатой. — В школе-то Нина как шелковая, а дома грубит. Сделать ее что-нибудь никогда не заставишь. Даже за уроки берется после скандала. Такая девочка недостойна носить красный галстук.

В директорский кабинет позвали Нину и весь актив класса, рассказали девочкам, в чем дело.

— Хочешь быть пионеркой?— напрямик спросила Нину Эля Игошина.

— Очень, очень хочу, — тихо прошептала Нина, опустив белокурую голову и не глядя ни на кого.

— На тебя жалуются, что ты дома совсем не такая, какой мы тебя все знаем. Так вот, дай слово, что будешь везде вести себя, как полагается, во всем будешь слушаться бабушку. А не сдержишь слово, пеняй на себя. Мы за тобой будем следить.

— Даю слово, — еще тише произнесла Нина и, не поднимая головы, выбежала из кабинета.

Прошло несколько недель. Школьный коллектив не выпускал Нину из поля зрения. Девочка, действительно, совершенно изменила свое поведение. Сделав без напоминаний уроки, она беспрекословно выполняла все поручения бабушки.

— Теперь, пожалуй, ты уже достойна быть пионеркой,— сказала Нине Лия Адольфовна. — Готовься.

Накануне дня приема Эля Игошина, в звено которой хотела попасть Нина, вбежала в класс, держа в руках большой запечатанный пакет.

— От Нининой бабушки, — закричала она. Нетерпеливые руки быстро вскрыли пакет. Там лежал алый выутюженный галстук и новенький пионерский значок — напутственный подарок бабушки.

Счастливая Нина сияющими глазами смотрела на подруг, скакавших от радости вокруг нее, и только повторяла:

— Ой, девочки, как хорошо! Как хорошо!

В школьной пионерской дружине прибавилась новая пионерка.

Разумеется, жизнь дружины течет далеко не всегда спокойно и гладко. Нынче во второй четверти в лучшем отряде 6 «А» класса появились случаи подсказки. Рая Меркурьева подсказывала Жене Фальк, Римма Андреева — Нине Башкировой.

Как-то одна из девочек не знала урока и, получив «двойку», принялась упрекать подруг: не по-товарищески, мол, поступили, не выручили.

— Ну, допустим, сегодня бы ты вылезла, а завтра? Или всю жизнь думаешь на подсказках ехать? — рассердилась Эля Игошина, которая никогда на уроке не подсказывала, но всегда охотно объясняла товарищам все непонятное.

Вопрос был поставлен правильно и принципиально. Разгорелся бурный спор. Звонок заставил замолчать пылких ораторов. В класс вошла Нина Николаевна Карпушина.

— На-сегодня было задано приготовить план к рассказу, — начала она урок. — Валя Говорухина, иди отвечать.

Валя, председатель совета дружины, училась хорошо. Девочки ее любили и слушались. Сегодня же Валя не предвидела, что ее спросят, так как у нее оценка была, а многих еще не вызывали. Случилось же это неспроста. Нина Николаевна знала, что девочка увлеклась новыми кинофильмами и три дня подряд ходила в кино. Нужно было проверить, не за счет ли учебы...

Смущенная Валя вышла отвечать, взяв с парты синюю тетрадь с планом рассказа. Ответ был явно неважным. Валя путалась и сбивалась. В журнале появилась «тройка». Едва Говорухина села на место, учительница вызвала Клаву Северюхину.

— Валька, дай мою тетрадь, — явственно пронеслось по классу...

Когда Клава решила своей тетрадью выручить подругу и спасти ее от позорной «двойки», ею руководило только одно чувство: поддержать авторитет председателя совета дружины. Хорошо она поступает или плохо, она в этот момент не думала. Молчали и другие девочки по той же самой причине.

Учительница поставила Вале вместо «тройки» заслуженную «двойку». Девочки зашумели и заспорили с новой силой. Нина Николаевна призвала их к порядку. Чрезвычайное происшествие было решено обсудить на совете отряда в присутствии всего класса.

— Как ты могла ответить по чужой тетради? — волновались девочки.

— Мне было стыдно отказаться, а я плана не приготовила,— созналась Валя.

Долго пионерки обсуждали поступок Вали. Что такое ложное представление о чести, что такое настоящая товарищеская поддержка и выручка в беде, — о многом говорили девочки. И все пришли к выводу: подсказки категорически следует прекратить. Объясни товарищу, расскажи, помоги, но не подсказывай. А Вале Говорухиной совет отряда предложил на следующем же уроке литературного чтения ответить по всему материалу, причем не ниже чем на 5. И получив через день «пятерку», Валя еще глубже почувствовала, что ответ по подсказке только уронил ее в глазах товарищей, а уж «геройства» тут и подавно не было.

Зато в живгазете Вале Говорухиной основательно попало за ее поступок. Что такое живгазета? Это — школьное театрализованное обозрение на злобу дня, где девочки в лицах изображают лентяев, нарушителей дисциплины и прочих «дезорганизаторов». Ох, как не хочется никому стать персонажем живгазеты!

Хорошо провела пионерская дружина каникулы. Девочки побывали в музеях и кино, посмотрели новые постановки свердловских театров. Но вот окончились каникулы, и после отдыха девочки снова усердно взялись за учебу. «Хорошо учиться, весело отдыхать!» — таков девиз дружины дружных.

Н. Куштум *Рисунки Ю. Соколова*

На третий день после освобождения Киева от немецких фашистов к военной комендатуре города подошел невысокий худенький мальчик лет тринадцати. Когда он хотел войти в здание, дорогу ему преградил часовой.

— Нельзя сюда, мальчик. Проходи!

— Пустите меня. Мне надо к самому главному коменданту.

— Сказано нельзя, значит, нельзя.

— Дяденька часовой, пропустите! У меня очень важное дело.

Но часовой только покачал головой. В это время к подъезду подкатил юркий «виллис». Из машины вышел офицер. Воспользовавшись тем, что внимание часового было отвлечено, мальчик быстро ринулся вперед, но проворный часовой уже в самых дверях схватил его за шиворот и потащил обратно.

— В чем дело? — строго спросил офицер.

— Рвется в дом, товарищ капитан, а зачем — неизвестно. И без пропуска.

— Что тебе надо, малыш?

— Мне надо к самому главному коменданту. Пропустите меня, товарищ капитан. А не пустите, вам же попадет от главного.

— Ишь, какой бойкий! — засмеялся капитан. — А что тебе нужно от главного?

— Это большая тайна. Ему скажу, а вам нельзя.

— Вот что, малыш. Я адъютант коменданта. Скажи мне свою тайну, и я тебя пропущу.

Мальчик подошел к адъютанту поближе и прошептал ему несколько слов. Лицо офицера стало серьезным.

— Вот оно что! Тогда идем.

Офицер провел мальчика в большую комнату.

— Обожди меня здесь, — сказал он и, постучавшись, вошел в кабинет коменданта.

Мальчик огляделся. В приемной находилось несколько человек военных и гражданских. Они с удивлением посмотрели на него.

— Костя! Как ты сюда попал? Напроказил, что ли?

Мальчик в испуге оглянулся. Перед ним стоял высокий седоусый старик.

Костя взглянул на старика и улыбнулся, успокоенный. Это был сосед, старый токарь с завода «Арсенал».

— Нет, дяденька Остап, не напроказил.

— А что же?

— У меня важное дело к главному коменданту.

— Да, ну! — изумился старик. — А что за дело?

Но Костя не успел ему ответить. Офицер вышел из кабинета.

— Вы знаете этого мальчика, товарищ Охрименко? — спросил он.

— А то как же. Мы ведь соседи. Это Костя Кравчук, сынок моего покойного друга. Смышленый паренек.

— Тогда идемте и вы с нами.

И они втроем вошли в кабинет. За столом сидел пожилой человек в генеральской форме. Адъютант что-то тихо прошептал ему, указывая на старика и на Костю. Генерал кивнул головой.

— Ну, малыш, открой нам свою тайну, — ласково сказал он.

— Дяденька генерал, скажите — это очень плохо, если наше полковое знамя к немцам попадет?

— Да ты, видать, смелый парень, — засмеялся генерал. — Не я ему, а он мне вопросы задает.

— Нет, в самом деле? — повторил осмелевший мальчик.

— Очень плохо, малыш, — серьезно заговорил генерал. — Если наш советский полк потеряет свое знамя, для нас это несчастье, а для него большой позор.

— Вот, вот,— перебил его мальчик.— Тот командир мне то же самое говорил.

— Какой командир?

— А тот, который у нас на огороде себя взорвал.

— Гранатой? — переспросил генерал. — Вот что, малыш, рассказывай все по порядку.

Костя минуту помолчал, как бы собираясь с силами, а затем начал.

...Тревожная сентябрьская ночь 1941 года на всю жизнь останется в памяти Кости Кравчука. После долгих и тяжелых боев Красная Армия оставила Киев. В город вошли немцы. В центре пылали целые кварталы, доносились глухие взрывы и отдаленные выстрелы. На окраине Киева, в Куреневке стояла гнетущая тишина. Жители, не успевшие покинуть город, затаились в своих хатах. Костя тоже остался дома, так как не мог покинуть больную мать. Они жили на самом краю Куреневки в маленькой хате-мазанке.

Накануне прихода немцев, вечером к ним зашел сосед Остап Охрименко.

— Ну, кума, прощай! — сказал он. — Ухожу партизанить. Не к лицу мне, старому большевику, гнуть шею перед фашистами. Не грусти, кума, выздоравливай. Мы скоро вернемся.

— Прощай, кум! — ответила мать. — Счастливой тебе дороги. Кабы не моя хворь, мы бы тоже ушли. А что теперь будет с нами, не знаю.

— Ничего! Авось как-нибудь обойдется. Я вот тут тебе кое-какой провизии принес. Припрячь. Мне она теперь ни к чему. Сам ухожу, семья далеко, где-то на Урале. А вам сгодится.

— Спасибо, кум!

— А ты, Костя, береги маму. А как только ей полегчает, лучше вам на село перебраться. Спокойнее будет. Ну, бувайте здоровы!

И Охрименко исчез в темноте. А утром Костя впервые в жизни увидел фашистов. Немецкая пехотная часть размещалась в Куреневке. Непрошенные гости бесцеремонно хозяйничали в поселке. Забирали ценные вещи, резали птицу, делали обыски, искали большевиков. Заняли все большие здания, расселились по хатам. Болезнь матери избавила Кравчуков от немцев — селиться у них никто не хотел.

Ночью, по совету матери, Костя вырыл в огороде глубокую яму и начал перетаскивать в нее наиболее ценное имущество. Неожиданно тишину разбудили крики и выстрелы. Костя остановился, прислушиваясь. Стреляли, как будто в соседней улице.

Костя уже хотел итти в хату за очередной ношей, как вдруг какой-то человек перелез через плетень и тяжело упал на землю. Костя бросился было бежать, но, услышав глухие стоны, остановился. Неизвестный человек попытался встать, снова упал и со стоном негромко сказал:

— Не могу. Что же делать?

«Русский»,— подумал Костя. Любопытство подтолкнуло его, и он подполз к лежащему. Тот приподнялся на локте и испуганно крикнул:

— Кто? Не подходи — стрелять буду!

— Я, дяденька...

— Ты кто?

— Я здешний.

— Это хорошо. Слушай...

— Идем, дяденька, в хату. Я вам помогу.

— Подожди. Слушай меня внимательно и не перебивай. Мне трудно говорить: я тяжело ранен... За мной немцы гонятся... Я командир Красной Армии. А у меня... Эх! Да можно ли тебе довериться-то?

— Честное пионерское, дяденька! Я никому ни слова.

Вдалеке снова послышались крики. Раненый схватил Костю за руку и торопливо зашептал.

— Со мной знамя полка. Оно не должно попасть в руки немцев. Это будет... большой позор и... несчастье. Мне его... уже не донести. Спрячь и сбереги.

— Хорошо, дяденька, я спрячу.

— И никому ни слова. Слышишь? Поклянись!

— Клянусь, дяденька!

— А придут наши... ты им...

Крики и топот ног послышались совсем близко. Раненый быстро протянул Косте сверток.

— Беги!

Костя стоял в нерешительности.

— Беги! — строго крикнул тот. Костя бросился в хату. Забежав в чуланчик, он быстро сунул сверток под ящик с картофелем, снова выскочил из хаты и в ужасе отпрянул. В огороде были немцы. Сквозь шум голосов Костя услышал последний крик командира.

— Думаете взять меня? Советские люди не сдаются! Получайте!

Раздался оглушительный взрыв. Послышались крики, стоны. Затем все стихло.

Костя кинулся зарывать яму с вещами.

Утром в хату ворвались три немца с автоматами наперевес. Один

7*

из них выстрелил. Звякнуло разбитое стекло. Мать в ужасе крикнула и лишилась сознания.

— Кто есть большевик? — заорал долговязый немец, потрясая автоматом.

— Никого здесь нет, — ответил Костя. — Мама вот больная.

— А чем она больна, молодой человек? — раздался вкрадчивый голос.

Низенький пухлый человек взял Костю за руку и впился в него пронзительными глазками.

— Не знаю. Говорят, тиф,— пробормотал Костя.

Толстяк что-то быстро сказал немцам. Те отпрянули от кровати.

— А больше никого нет, молодой человек?

— Сами видите.

— А здесь что? — и толстяк ударом ноги открыл дверь чуланчика.

Костя замер. «Сейчас найдут знамя, и конец»,— подумал он.

— Ничего нет,— сказал толстяк, выходя из чулана. Мимоходом он взял со стола будильник, повертел его в руках и сунул в карман.

— Пошли!— махнул он рукой. Хата опустела. Днем забежала соседка.

— Ой, что делается-то! Сплошь обыски идут, красных командиров ищут. Одного нашли у вас на огороде. А он, соколик, живым в руки им не дался. Себя и троих немцев бомбой взорвал. Упокой, господи, его честную душу.

Костя рассеянно слушал ее. Он мучительно думал об одном, куда бы получше спрятать знамя! Ведь он же дал клятву герою-командиру. А вдруг знамя найдут? Что он скажет нашим, когда они вернутся? Хотел посоветоваться с матерью, но вспомнил строгий наказ командира — никому ни слова! Унести в лес нельзя — по улицам днем и ночью ходят патрули. В доме держать тоже нельзя — найдут.

Когда соседка ушла, Костя заглянул в чуланчик. На полу валялся рассыпанный картофель. Ящик был сдвинут с места и из-под него виднелся пурпурный край развернувшегося знамени. У Кости даже сердце похолодело от страха.

Ведь если бы обыск был днем, знамя обязательно бы нашли. Где же его спрятать?

Так он и не мог найти настоящего укромного места. Вынув знамя из-под ящика, Костя бережно развернул его. Солнце пробивалось сквозь щели чулана. Словно огонь вспыхнул — так ярко сияло знамя, знамя, доверенное ему, Косте. Долго он любовался им, нежно гладил и даже поцеловал. Возле хаты раздались голоса: немцы! Торопливо свернув

знамя, Костя заметался по чулану, наконец, сунул его за доски обшивки. Голоса смолкли. Костя выскочил на улицу и облегченно вздохнул. Немцы прошли дальше. Вот они остановились возле хаты, что стояла

на отшибе. Здесь жил коммунист Гриценко, председатель поселкового совета. Это вместе с ним ушел Охрименко к партизанам.

Немцы вошли в хату. Пробыв в ней минут десять, появились нагруженные узлами. Они прошли мимо Кости. Один из них приостановился, сделал даже шаг по направлению к Косте. Тот побледнел. Но

немец передумал и скорым шагом пошел прочь. Вот он уже исчез за поворотом улицы. Костя взглянул на хату Гриценко и обомлел. Из раскрытых окон повалил густой дым, показалось пламя. Через час от хаты не осталось и следа. Хорошо, что стояла тихая безветренная погода. А если бы... Костя ярко представил себе, как загорается их хата, как в пламени погибает доверенное ему полковое знамя. И он заплакал от горя и собственного бессилия.

Матери стало заметно лучше. Она уже встала с постели и сидела за столом. Увидев заплаканного Костю, спросила:

— Что с тобой, Костенька?

— Ничего, мама. Гриценкову хату жалко.

Всю следующую неделю Костя ходил сам не свой. Несколько раз перепрятывал знамя, но все не находил настоящего тайника. Как-то под вечер он сидел в огороде под своей любимой яблоней и в третий раз перечитывал «Как закалялась сталь». Павка Корчагин был его любимым героем. Косте хотелось быть таким же смелым и сильным. Драгоценную книжку он прятал там же в чулане, за дощатой обшивкой. Школа нынче не открылась, учиться было негде, читать нечего. Громкое карканье отвлекло Костю от чтения. На срубе колодца, в дальнем углу огорода сидели две вороны. «К дождю каркают», — подумал Костя. И вдруг его словно кто-то подтолкнул. Он вскочил и, забыв о книжке, подошел к колодцу. Испуганные вороны вспорхнули и перелетели на дерево. Костя стоял и лихорадочно думал. А что если?..

Колодец давно уже пересох, вода из него куда-то ушла. Мать не раз собиралась засыпать его, но все не решалась. А вдруг вода снова появится. Но воды не было. Дядя Охрименко не раз по-ученому доказывал ей, что воды в колодце больше не будет, но мать не решалась поверить этому. Костя посмотрел еще раз в колодец и радостно засмеялся. О чем он думал раньше?! Ведь это же самый настоящий тайник.

Матери уже второй день не было дома. Она ушла в соседнее село к родственникам достать хлеба. Значит, Костя мог спокойно и незаметно сделать то, что задумал. Прежде всего надо осмотреть колодец. Притащив лестницу, Костя примерил ее. Она оказалась в самую пору и даже немного недоставала до верху. Костя быстро спустился вниз. Дно колодца, как он и думал, оказалось сухим. Оставалось только выкопать в стенке яму, и тайник готов. Но тут ему пришла счастливая мысль. Зачем устраивать тайник на самом дне? Не лучше ли устроить его посредине. Ведь если у кого-нибудь и возникнет подозрение, то искать станут обязательно на дне.

Вечером, завесив окна, при тусклом свете ночника, Костя принялся за дело. Завернул знамя в чистую холстину, уложил сверток в просмоленный плотный брезентовый мешок, а мешок в железный ящик, оставшийся от отца-железнодорожника.

Утром, едва начало светать, Костя, захватив кирку, лопату и топор, отправился к колодцу, где уже заранее отодрал одну из досок обшивки, и начал выкапывать боковой тайник. Глина подавалась легко. Не прошло и часа, как углубление было готово. Костя сверху, снизу и с боков обложил его каменными плитками и плотно втиснул туда заветный ящик. Пространство между тайником и обшивкой заложил кирпичами. Приколотил обратно ту же старую доску, и дело сделано. Теперь знамя будет лежать в надежном месте. Вряд ли кому придет в голову мысль искать его здесь. Свежую, выкопанную глину Костя тщательно собрал в ведро и закопал в огороде. Теперь Костя мог спать спокойно. И все-таки каждое утро он прежде всего бежал в огород, посмотреть все ли у него в порядке.

Медленно тянулись недели и месяцы. Трудно жилось Косте с матерью. Терпели нужду, голод и холод. И ждали, ждали, когда вернутся советские войска, когда они прогонят ненавистных немцев с украинской земли. Костя твердо верил, что это так и будет. Эту веру у него еще больше укрепил дядя Остап Охрименко.

Зимой 1943 года он тайком пробрался в Киев с важным поручением от партизанского командования к киевским подпольщикам. Вьюжной февральской ночью заглянул он ненадолго к Кравчукам. Прощаясь с Костей, сказал ему:

— Крепись, хлопчик. Скоро придут наши. Только берегись, чтобы в Германию тебя не угнали.

Предупреждение это оказалось правильным. Через месяц после этого Косте удалось скрыться от угона в Германию. До весны он прятался в деревне у родственников. А затем вернулся домой.

Однажды Костя не на шутку перепугался. Это было за месяц до освобождения Киева. В Куреневке тогда разместился немецкий артиллерийский полк. И вот как-то утром советские летчики начали бомбежку. Обезумевшие от страха, немцы кинулись прятаться кто куда. Костя в это время был в огороде. Он хотел укрыться в овощной яме, но немцы, которые набились туда, вышвырнули его. Костя лег прямо на землю, между гряд. И вот мимо него, испуганно крича, пробежали два офицера и с разбега прыгнули в колодец. Костя замер от страха. Забыв о рвущихся бомбах, он смотрел на колодец: «Все пропало», — думал он.— Станут они выбираться наверх, доска оторвется, и мой тайник увидят.

Окончилась бомбежка, улеглась паника, а немцы все сидят в колодце. И Костя не уходит с места. Но вот со дна раздались истошные крики, к колодцу сбежались немецкие солдаты, принесли лестницу и одного за другим вытащили офицеров. Один расшиб себе голову и лежал без памяти, а другой сломал ногу. Когда все разошлись, Костя, обессиленный, но радостный, побрел в хату.

Наконец, настал долгожданный день. В ночь на 6 ноября 1943 года советские части освободили Киев. Костя с матерью в это время скрывались у родных на селе.

Услышав радостную весть, Костя сказал матери:

— Пойдем, мама, в Киев.

— Погоди, Костенька, трошки. Там еще стреляют, наверное.

— Пойдем. Очень важное дело у меня.

— Да что такое случилось?

— По дороге, мама, все расскажу.

...Когда Костя Кравчук окончил свой рассказ, генерал обнял отважного паренька и поцеловал.

— Спасибо тебе, дорогой товарищ Кравчук. Ты поступил, как советский человек, как настоящий пионер-ленинец!

Знамя, спасенное отважным киевским пионером Костей Кравчуком, дало возможность сформировать полк с прежним названием. Косте была оказана высокая честь — лично вручить полку боевое знамя.

Это был первый счастливый Костин праздник.

Вторым праздником в жизни Кости был день 23 февраля 1944 года, когда Родина отмечала 26-ю годовщину Советской Армии. В этот день Косте вручили орден Боевого Красного Знамени, которым его наградило советское правительство за великую заслугу перед Родиной.

И, наконец, третьим праздником в его жизни стал тот день, когда его, по ходатайству военного командования, приняли в Суворовское училище. Там он и учится сейчас, этот прекрасный юноша, пламенный патриот и верный сын своего Отечества.

Н. Семин *Рисунок А. Бурака*

Вернулся в школу ученик,
Он не был в ней давно
И жить по-школьному отвык,
Как в ней заведено.

Пришел он утром в ранний час,
Всю школу осмотрел.
Зашел в знакомый светлый класс,
На парте посидел.

Потом на школьный вышел двор,
Все ново здесь теперь,
Но все еще стоит забор,
Что брал он, как барьер.

Он вспомнил игры, городки,
Прогулки за овраг...
И вдруг знакомые шаги —
Учительницы шаг.

Она к фронтовику идет
И смотрит на Героя,
Глядит, не верит. Он встает:
— Я — Степа Неустроев.

Тетради выпали из рук
Учительницы старой.
— Откуда ты явился вдруг?
Надолго ль?
— Дней на пару.

— Мы верили, что ты в боях,
Сумеешь стать героем.
И вот читаю «брал Рейхстаг...
Наш Степа Неустроев».

— Какой тогда был день у нас
Счастливый и веселый.
— Пойдем к ребятам, твой рассказ
Услышать хочет школа.

Вот пионерский горн звучит,
Герой на сцену всходит.
Он пионерам говорит
О доблестном походе.

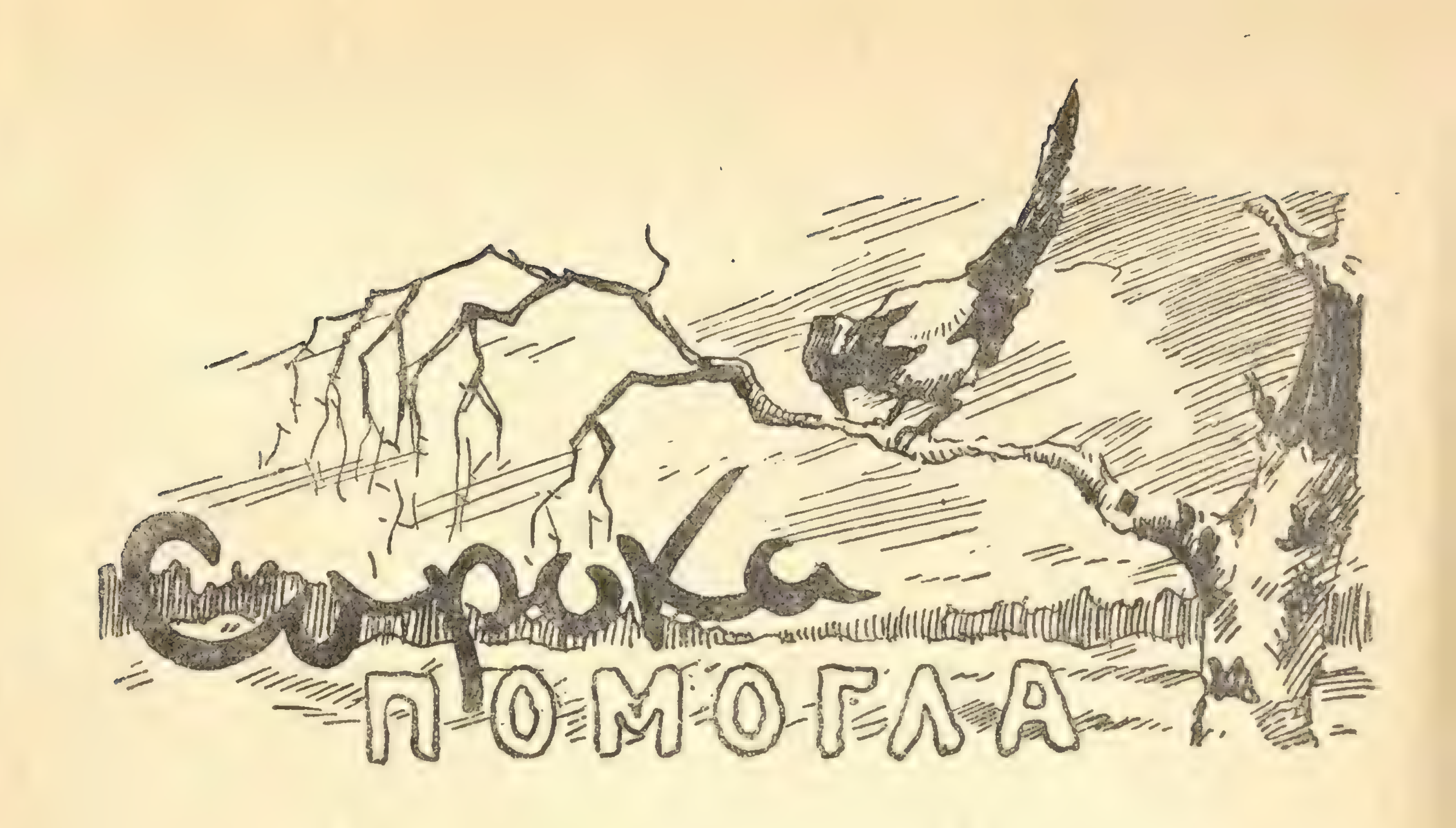
— И каждый — знаю я — из вас
Мечтает стать Героем.
Что ж, в добрый час.
Сейчас пусть класс
Вам будет полем боя.

Вперед! В ученье, как в бою,
Друзья, шагайте смело!
На этом кончу речь свою,
А вы, друзья, за дело.

Зал смолк. Поднялся пионер
И так сказал со сцены:
— Для пионеров всех пример
Ваш подвиг незабвенный.

И мы, когда наш час придет,
Всей жизни не жалея,
Свой край родной и свой народ
Оборонить сумеем.

А ныне будем каждый час
Учиться и учиться,
Чтобы могла любым из нас
Вся Родина гордиться.

С. Самсонов *Рисунок В. Валович*

Историю эту рассказал мне один пожилой солдат-снайпер. До войны он был лесник и любитель-охотник, хорошо знающий повадки птиц и зверей.

— Дело было зимой, — начал он. — В это время мы оборону держали. Место лесистое, тихое. Сосны, покрытые шапками пушистого снега, изредка березки голые да осины. В лесу было хорошо, и казалось мне, будто я не в Брянских лесах, а у себя на Урале.

Рассказчик закурил «козью ножку» и продолжал:

— Только одна неприятность — немцы близко. Стоишь в лесу, в секрете, и смотришь в оба, чтобы враг не пробрался. Немцы ходили в разведку или рано утром, или под вечер, а ночами не решались. Зато мы делали вылазки больше ночами. Ходим по лесу свободно, умеючи, да и птица в ночное время спит — не мешает.

Вот, значит, стою раз я в секрете. Вернее сказать, не стою, а полусидя укрываюсь в траншее. А траншея завалена хворостом и снегом занесена. Только «окна» оставлены, через которые все вокруг видно.

Стою, а сам думаю, скоро ли смена будет. Дело было перед утром. Уж на востоке, сквозь прогалины сосен, зорька зарделась, морозец начал крепчать, и ветерок зашевелил ветки. «Ну, — думаю, — в такую пору, чего доброго, фриц полезет. Раз ветерок, значит, легче пробираться». И только подумал так, слышу, где-то застрекотала сорока.

«А, матушка, проголодалась, стрекочешь»,— говорю я, и сразу веселее стало. Как-никак живое существо голос подает. И так мне захотелось закурить, поразмяться, да нельзя. Надо быть осторожным, чтобы не прозевать врага да и самому «на мушку» не угодить.

А сорока-плутовка все ближе и ближе голос подает. Да так настойчиво тарахтит. Я тут только понял, что кто-то ее беспокоит. Дело в том, что криком сорока обычно предупреждает птиц и зверей об опасности. Всматриваюсь в ту сторону, где она покрикивает.

Так прошло минут пятнадцать-двадцать. Наконец, вижу, сорока пролетела и скрылась где-то на дереве, а сама выводит: «Тра-та-та-та-та!» Ну, думаю,— будешь ты, зверек, сегодня в большом горе, сорока и позавтракать не даст».

И вдруг, совсем недалеко от меня, в стороне мелькнула лисица. «Ах, это ты, голубушка, — думаю, — ну, так тебе и надо. Опять, поди, охотилась за глухарем или зайчишкой». А самого так и подмывает прицелиться и выстрелить. Преотличный бы воротник вышел. Да только не имею права — служба. А сорока перепрыгивает с дерева на дерево, смотрит вниз и все повторяет: «тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та». Лисица посмотрит на нее, остановится, залезет в мягкий снег, один хвост торчит, и лежит. Тоже хитрющая. Думает отделаться от сороки. Вдруг где-то треснула ветка, послышался неясный шорох.

Тут моя лисица как прыгнет... Только ее и видели. Но сорока осталась и перелетает с дерева на дерево, стрекочет, волнуется. «Ну, — думаю, — тут что-то совсем не то, кто-то еще есть». Мне даже весело стало, сон прошел. И только хотел я вылезть из своей «норы» проверить, кто беспокоит сороку, как послышался отдаленный хруст снега.

Притаился я, слежу из щели, а хруст все ближе и яснее. Вижу, за порослью сосняка стоят трое немцев с огромной собакой. «Вот оно что!— думаю.— Сорока на собаку нападала». Один немец поднял бинокль в мою сторону. «Пора, Иван Петрович», — говорю я себе. Осторожно поднимаю винтовку и целюсь. А у самого руки почему-то трясутся. То ли от того, что немцы так близко, то ли я действительно немного замерз. «Только бы не промазать, не оскандалиться». Прицелился— и трр-ррах! Немец, что с биноклем был, сунулся вперед, другие хотели подхватить его, но я снова выстрелил и еще одного свалил. Третий кинулся наутек вместе с собакой... Тут я, не целясь, еще два раза выстрелил вдогонку трусу.

— Вот какие штуки бывали, — закончил Иван Петрович и с гордостью показал на ложе винтовки, где среди многих зарубок стояли две свежие.

Костя Гуцан

(Из жизни ребят Молдавской ССР)

М. Косатуров *Рисунки А. Бурака*

Мать рано разбудила Костю.

— Вставай! Умывайся да к бабушке пойдешь.

Косте очень хотелось спать, но мать тормошила:

— Вставай, вставай!

— А зачем я пойду к бабушке?

— Позовешь ее к нам. Работы в колхозе много, а мне Анику оставлять не с кем.

Костя посмотрел на двухлетнюю сестренку, которая, подложив под щеку руки, сладко спала, и выбежал на улицу. Он умывался холодной водой до тех пор, пока не раздался голос матери.

— Что ты там делаешь? Иди кушать да быстрее отправляйся.

Долго тер Костя жестким полотенцем лицо и тело, потом оделся и сел за стол. На столе стоял стакан молока и кусок малая. Костя быстро управился с едой и собрался в дорогу. Мать, возившаяся у печки, посмотрела на него и сказала:

— Быстрее возвращайся. Может быть, и бабушка с тобой придет. Попроси ее хорошенько.

Деревню Костя пробежал быстро и очутился на окраине. Дорога шла в гору по краю глубокого оврага. Костя вспомнил: они, ребятишки,

прошлым летом около этого оврага встретили волка. Увидев их, волк убежал в заросли.

Скоро дорога повернула в сторону и потянулась между виноградниками. Костя шел, посвистывая, крутя над головой хворостиной. Солнце поднималось все выше и выше. Становилось жарко, и хотелось пить. «До бабушки нигде не напьешься», — подумал он и стал сбивать хворостиной цветы репейника, росшего вдоль дороги.

Костя так увлекся новым занятием, что ему уже казалось, будто перед ним не цветы репейника, колючие, серенькие, с красными шапочками, а обступившие его разбойники, о которых Косте рассказывала бабушка, и в руках не хворостина, а грозный тяжелый меч богатыря. Неизвестно, сколько бы еще продолжалось это побоище, если бы внимание Кости не привлекло поле, раскинувшееся справа от дороги. Пшеница на нем лежала как подкошенная. «Наверное, скот потоптал», — подумал Костя.

Поровнявшись с полем, Костя увидел страшное зрелище: огромная площадь была покрыта не то бабочками, не то огромными стрекозами, похожими на самолеты. Зайдя на поле с края, Костя стал рассматривать насекомых. Они были с прозрачными крыльями и большими выпуклыми глазами.

— Саранча! — догадался Костя. В сознании промелькнул урок, на котором учитель рассказывал о саранче и о вреде, причиняемом ею: «Саранча может уничтожить сотни гектаров хлеба», — говорил учитель.

От этого воспоминания у Кости пробежали по спине мурашки.

Саранча, поднявшись, перелетела на другое место.

— Да ведь она сожрет весь хлеб! Бежать, бежать в деревню и сообщить правлению колхоза!

Костя сорвался с места и побежал. До родного села было не менее четырех километров, но о расстоянии Костя не думал. Он все более ускорял свой бег. Во рту и горле пересохло, по щекам и шее струился пот. Бежать становилось все труднее и труднее. Споткнувшись, он упал. Горячая дорожная пыль попала в рот и нос. Кружилась голова, щипало в горле, хотелось лечь и не двигаться, и вдруг ему показалось, что хлеба на поле уже нет, а саранча с шумом летит за ним.

Собравшись с последними силами, Костя поднялся и снова побежал. Вот уже показались колхозные дворы. Еще немного, и он — у цели. Но как трудно бежать. Перед глазами поплыли синие и фиолетовые круги. Костя хотел отмахнуться от них рукой, но беспомощно повалился на землю. В груди больно кололо, сердце громко стучало, и его стук отдавался в голове.

Он открыл глаза, не понимая, что с ним происходит.

Взгляд его остановился на женщине в белом халате. До слуха донесся тихий разговор.

— Ничего, все пройдет, — говорила женщина в белом халате.

— Надо узнать, отчего он бежал,— послышался голос матери.

В памяти сразу всплыло поле с поваленной пшеницей и саранча, пожирающая колхозное добро. Он поднял голову, попытался сесть, но подбежала мать и стала укладывать его обратно.

Костя слабо отвел ее руку и хриплым голосом, чуть слышно, прошептал:

— Там на поле саранча. Много хлеба съела.

Мать встрепенулась.

— Где ты видел? Тебе, может быть, показалось?

Косте стало обидно. На глазах появились слезы. Он хотел крикнуть, но вместо крика у него вырвались лишь хриплые, слабые слова:

— Там саранча! Много съела хлеба...

— Где там?

— По дороге, где я шел.

Мать торопливо накинула на голову платок, вышла из хаты и заспешила к правлению колхоза.

Узнав о страшном нашествии саранчи, председатель колхоза быстро сообщил об этом в районный центр.

К вечеру над полем, осажденном саранчей, бреющим полетом носилось два самолета. За ними тянулись белые облака ядовитой жидкости, падавшей дождем на землю. Хлеб был спасен.

На другой день к Косте Гуцан пришли товарищи, учителя и председатель колхоза. Они благодарили его за то, что он не дал погибнуть колхозному добру. Костя лежал в постели и радостно улыбался.

Ольга Маркова *Рисунки М. Щировского и В. Валовича*

(Рассказы зверовода)

В нашем заповеднике находится много разных зверей. Мы изучаем их повадки, узнаем, кого из них можно приручить, сделать полезными, чем их кормить и как за ними ухаживать.

Мы узнали, что злых зверей нет. Есть звери дикие. Злыми они кажутся оттого, что боятся всех и из боязни огрызаются. Если вы войдете в клетку к волку, он от страха может и наброситься на вас, да и на меня тоже. Но если я надену вот этот свой серый халат, в котором всегда бываю у зверей, то ни один из них меня не тронет, потому что к серому халату они привыкли.

На человека они могут наброситься и тогда, когда голодны.

На свободе они живут только охотой. Голодная куница охотится на зайца или на рябчика; рысь подкарауливает и губит теленка, но злобы в них нет.

Надо терпеливо и долго работать над ними, тогда можно их приручить, сделать послушными, а часто и полезными.

СОБОЛЬ ЯШКА

Был у нас соболь Яшка. Вырос он в питомнике и имя свое знал хорошо.

Тело у него все покрыто темным пухом, морда узкая, хвост длинный, пышный.

Дружба у меня с Яшкой была большая: как только я войду к нему

в клетку, так он и начнет умываться у моих ног, спину выгнет, хвост распустит.

Скажу ему:

— Яшка, прыгай!

Зверек сожмется в комочек и прыгнет ко мне на плечо. Сидит, оглядывается, хвостом пушистым помахивает.

— Что, Яшка, червей захотел?

Больше всего соболь любил земляных красных червей. Привык к тому, что этих червей я ношу для него в кармане халата. Прыгнет ко мне на плечо, с плеча по рукаву — в карман влезет мордой, только хвост трубой торчит.

Вдруг Яшка заболел чесоткой. Лапами, зубами чешет тело, кувыркается, катается по земле, повизгивает. Решил я лечить зверька. Принес мазь и начал втирать ему в тело. Яшка такой визг поднял, что все звери в питомнике заволновались. Крутился у меня в руках, вырывался, пальцы мне кусал.

Крепко запомнил Яшка, что я ему больно сделал. Как войду к нему в клетку, забьется он в угол и зашипит, а то по сетке метнется на самый верх, чтобы я достать его не мог.

Заскучал с тех пор зверек. Захотелось ему на волю. Прыгает маленьким комочком по клетке, а клетка всего прыжка на три, и развернуться негде. Зубами сетку грызет, скулит. Однажды утром соболя в клетке не оказалось: ночью вырыл он в углу норку и убежал.

Однако из заповедника уйти он не мог: обленился в неволе, все ему

готовенькое было, сидел себе в клетке да на соседей — соболей огрызался.

Несколько дней бегал Яшка между клеток, скулил во время кормления зверей, питался мороженой рябиной: след его на снегу мы находили то у одного, то у другого деревца. Следы у него маленькие, прыжок широкий, ни с каким другим следом не спутаешь.

Решил я опыт сделать над беглецом: надел свой серый халат, набрал в карман червей и пошел по заповеднику. Иду и окликаю тихонько:

— Яшка, Яшка...

Вижу, из-под дров торчит его острая мордочка. Я прохожу мимо, будто не замечаю и все покрикиваю:

— Яшка!

Зверек подкрался сзади ко мне, прыгнул на плечо — и сразу в карман. Только пушистый хвост кверху торчит. Так, в кармане, я и донес до клетки беглеца.

ПРИЕМЫШИ

Не стало у соболихи молока. Принесут ей в клетку корм — рыбу или кашу — все тащит она своим соболятам. Они были совсем маленькие: ни ходить, ни есть не могли. Ляжет соболиха к ним, обовьет их пушистым хвостом, а они пищат и пищат, да тычут ее слепыми мордочками в бок, молоко ищут.

Очень нам хотелось спасти соболят. Мы взяли их от соболихи и перенесли в комнату.

В это же время пропали у нашей кошки Марфы котята. Ходит кошка всюду, ищет котят, пищит.

Вымазали мы соболят сметаной да и подсадили к ней. Они слепые и голенькие, как котята. Обнюхала их кошка; сметана заглушила чужой запах; лизнула, свалилась на бок и начала их кормить.

Долго жила кошка Марфа с приемышами: спала с ними вместе, грела их своим теплом, сказки им рассказывала: — М-рр... М-рр... Завидит у клетки собаку Жучку, хвост распустит, глаза у нее загорятся.

Много появилось у кошки забот. Когда соболята начали подрастать, мягкой, темной шерстью покрылись; хвосты у них большие, пушистые, морды острые. Начала кошка учить их пищу добывать: принесет мышь, пустит ее по клетке, а сама бежит за ней, пошевеливает ее лапами.

Когда мышь измучается, не может бежать, тогда набросятся на нее соболята, заворчат, начнут отнимать добычу друг у друга.

По утрам кошка Марфа учила приемышей умываться: сядет перед ними, замурлычет и начнет шейку себе мыть лапами.

Кошка Марфа не могла уже их прокормить своим молоком. То один, то другой укусит кошку за сосок, то кто-нибудь из них в тело ей

когтями вцепится. Кошка била их за это: размахнется, ударит обидчика так, что тот кубарем отлетит от нее. Присмиреют соболята и долго смотрят на кошку с боязливым почтением.

Скоро у кошки Марфы совсем пропало молоко. Озверели соболята: бегают по клетке, ворчат, огрызаются на кошку, землю лапами разбрасывают.

Пришлось рассадить их по клеткам.

НОЧНАЯ ОХОТА

Рысь жила в заповеднике два года, а все еще не могла привыкнуть к неволе. Рыжая, уши черные, острые, морда тупая, короткая, как у кошки, да и вся рысь похожа на кошку: и повадки у нее кошачьи, и кричит она, как кошка, только громче: «Мя-яу!» За сходство с кошкой у нас прозвали ее Муркой.

В лесу рысь днем спала, а ночью охотилась на зверей. И теперь, в неволе, она не могла изменить своих привычек: как только ночь наступит, заволнуется Мурка, замечется по клетке, сожмурит зеленые раскосые глаза, бегает около стен, то сядет на задние лапы, рявкнет, при-

падет к полу, то вскочит, поймается когтями за прутья решетки, прижмется к ней и висит, только хвост вздрагивает. При малейшем шуме замрет, вытянется, добычу ждет. Заурчит, острыми клыками начнет грызть прутья решетки.

Утром, усталая и злая, ляжет у решетки и шипит по-кошачьи на проходящих мимо людей.

Как-то забыли закрыть на замок ее клетку. Дверь отошла, и Мурка вышла.

Скоро на пруду заповедника раздался всполошный утиный крик. Утром не досчитались шести уток.

Мурка же вволю поохотилась, распустила по воде утиное перо, вернулась в свою клетку и легла, как ни в чем не бывало. Весь день благодушно жмурилась, тихонько мурлыкала и облизывалась.

Вечером ее снова потянуло на охоту. Она пыталась открыть дверь и головой и лапами, с разбегу бросалась на нее. Клетку теперь закрывали прочно.

ВОЛЧИЦА

Машка, хоть и волчица, а была ласковая, как собака. Родилась она в неволе и к людям привыкла. Бывало, завидит меня у клетки, визжит, на решетку прыгает от нетерпения. Зайду к ней, Машка от радости на грудь мне скачет, ласкается, трется об ноги. Каждый день я ее выводил гулять по питомнику. Вначале боялся, как бы не загрызла кого-нибудь, а потом успокоился: волчица вела себя на прогулках хорошо. Идет, дорожку обнюхивает, хвостом машет, а волки из своих клеток рычат на разные голоса: не любят волки собак, а Машка совсем,

как собака. Бежит волчица по дорожке, весело кругом озирается, между ног у меня путается, итти мешает, радуется, что на воле.

Раз остановилась Машка рядом с новым загоном, долго, не моргая, смотрела: там на траве косуля с молодым теленком паслась. Нежился теленок около матки. Косуля его и полижет и пободает: играет с ним.

Почувствовав вблизи волка, косуля с теленком отбежали в угол и замерли там, дрожа всем телом. Машка, подняв голову, нюхала опасливо воздух.

У Машки в глазах было отчаянное любопытство, уши поднялись, ноздри раздулись.

Пихнул я ее в бок, говорю:

— Довольно, Машка, погуляла...

Волчица пошла за мной шажком, опустив печально хвост. Еле я посадил ее тогда в клетку. Клетка долго дрожала и качалась от тяжелых машкиных прыжков.

После этого случая я долго не выводил волчицу на прогулку.

НОМЕР ДЕВЯТНАДЦАТЬ

У нее не было имени. Как и всем лисицам в питомнике, ей просто поставили на голой стороне уха «№ 19». И мы так ее и звали. Характер у нее был неприветливый, злобный. Бегает по клетке, волнуется, хвостом бьет по земле, проволоку грызет. Устанет: приутихнет, тоскливо осматривается и подвывает. Но только покажется кто из людей, вновь замечется и долго не может успокоиться. В лес ей хочется. Свернулась бы она в чаще клубочком, отдохнула, а в сумерках вышла бы на охоту. Особенно хорошо охотиться осенью. Опадут с деревьев листья. Притаится среди них лисица — ни одна добыча не уйдет: листья красные, и она красная, ее и не видно. Неосторожный заяц или тетерка с цыплятами выйдут погулять. Лисица не зевает.

Скучно лисе в клетке: одно голое место да будка с гнездом стоит, и спрятаться негде.

В конце мая начала лисица себе новое гнездо делать. Вырыла в земле нору и потащила в нее все, что попадало в клетку: солому, мочало, листья.

Скоро появились у лисицы слепые лисенята. Ползают по гнезду, пищат. Как только подойдет к клетке кто-нибудь из людей, схватит лисица первого попавшегося лисенка в зубы и бегает с ним по клетке, ищет, куда бы спрятать.

Недели через две, когда лисенята прозрели, начала выводить их из гнезда. Погреет на солнышке, потянется, выпрямит спину, встряхнется и поведет обратно в гнездо: боится долго оставлять их на виду. Спрячет лисенят в гнездо, сама останется у будки, и чуть только увидит кого-нибудь на тропе, замечется, залает, как собака: «Воу! Воу!»

Дни стояли жаркие, душные. Все звери в питомнике истомились, попрятались глубже в норы.

Спят лисенята в гнезде: в такую жару играть лень. А лисица попрежнему лежит на солнышке, дышит часто, язык высунула, но отойти от гнезда в тень не решается: надо сторожить щенков. Подружилась она со мной неожиданно. В самый жаркий день, измучившись от зноя, она вдруг поднялась и, опустив хвост, пошла к гнезду, шатаясь и тихо лая.

Встревожились звери в соседних клетках, выскочили из нор: подозрительный был лай у лисицы.

Лисица подняла голову кверху, протяжно взвыла и свалилась. Когда я прибежал в клетку, она тихонько заскулила, будто просила о помощи. Я принес в клетку еще одну будку с гнездом, поставил около первой, в которой находились лисенята, и лисица № 19 поняла, сразу за-

ползла в нее, спряталась от жары. Чуть-чуть не убило солнышко нашу лисицу.

ЛЕЖЕБОКА

Все медведи — Мишки, и этот лохматый медведь — тоже Мишка. Клетка у него маленькая, шага на четыре. Шагнет Мишка вперед — четыре шага, завернется обратно — опять четыре шага. Летом Мишка так и бродит в клетке — взад и вперед. В жаркие дни свалится в тенистый угол и сопит с утра до вечера. Поднимался только тогда, когда еду принесут. Прожорлив Мишка: что бы ни принесли, все съест. Скажешь ему бывало:

— Мишка, повернись!

Стоит Мишка, подмигивает, не хочет повертываться. Но только скажешь ему:

— Повернись, Мишка, хлеба дам! — И покажешь ему хлеб. Он немедленно встанет на задние лапы, передние поднимет кверху и начнет кружиться.

Прожорлив медведь был особенно осенью, когда готовился к зимней спячке, жир накапливал.

С наступлением зимы забьется бурый в самый дальний угол клетки, свернется в комок, спрячет узкую морду под теплый бок, сунет в рот лапу и спит.

Как-то пришли к нам в питомник с экскурсией пионеры. Увидели спящего медведя и начали наперебой приветствовать его, как старого знакомого:

— А-а, это Мишка! Покажись нам, лежебока! — Поднял голову медведь, обвел гостей мутными глазами, уронил голову и вновь уснул, даже захрапел. Кто-то из детей закричал:

— Мишка, встань! Хлеба дам!

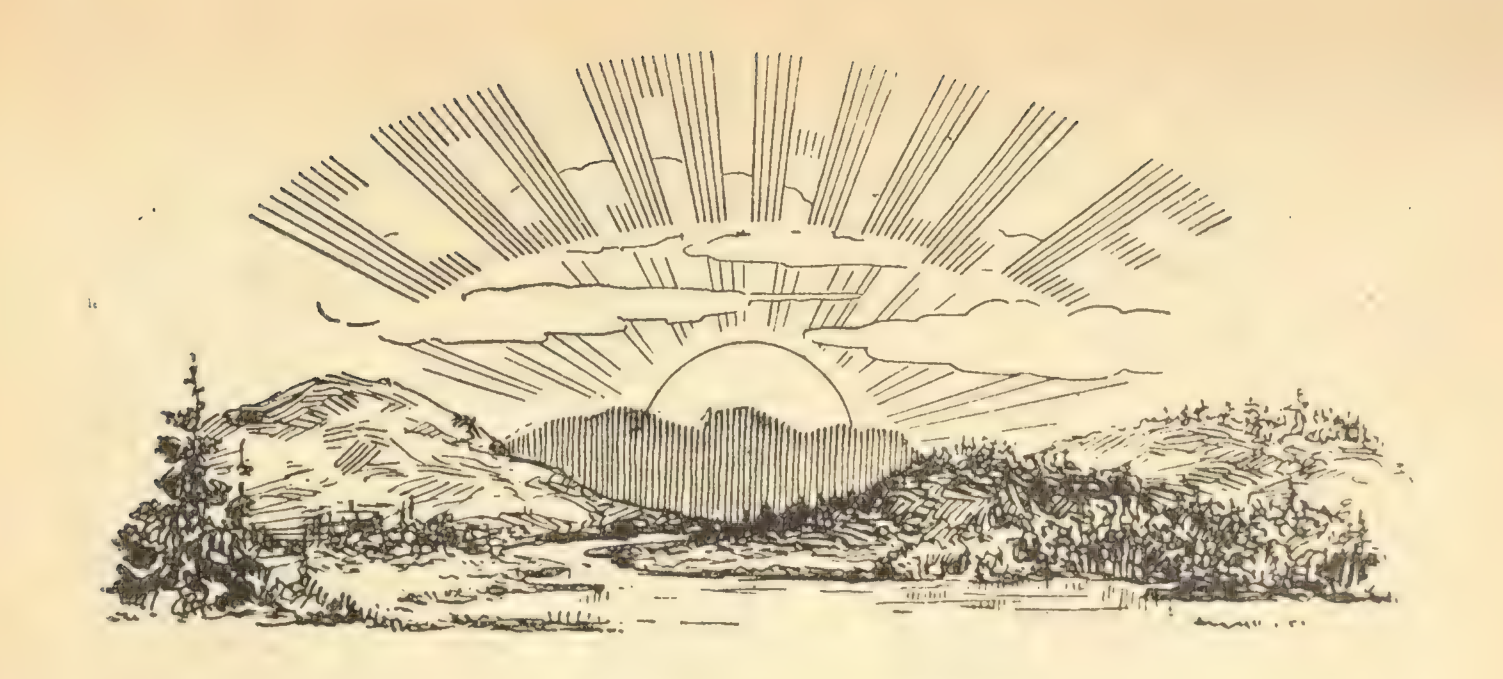
Поднялся Мишка, встряхнулся, подошел к решетке в ожидании хлеба.

Ребята засмеялись и дали ему небольшой кусочек. Мишке мало показалось. Осердился он, забегал по клетке, затряс решетку.

Ребята испугались и разбежались в разные стороны.

Снова улегся медведь в свой угол, но уснуть от обиды долго не мог. Когда ребята снова собрались у его клетки через час, Мишка уж зла не помнил: всунув в рот лапу, свернувшись в комок, он храпел.

К. Громыко. *Рисунок Ю. Соколова.*

Летом, осенью, зимой
И нарядною весной,
Чтобы не было темно,
Каждый день встает оно.
Не проспит и не забудет,
Хоть никто его не будит.

Солнце в спальне голубой
Встанет раннею порой
И умоется зарей,
Словно розовой водой.
Вытрется пушистой,
Тучкой серебристой.

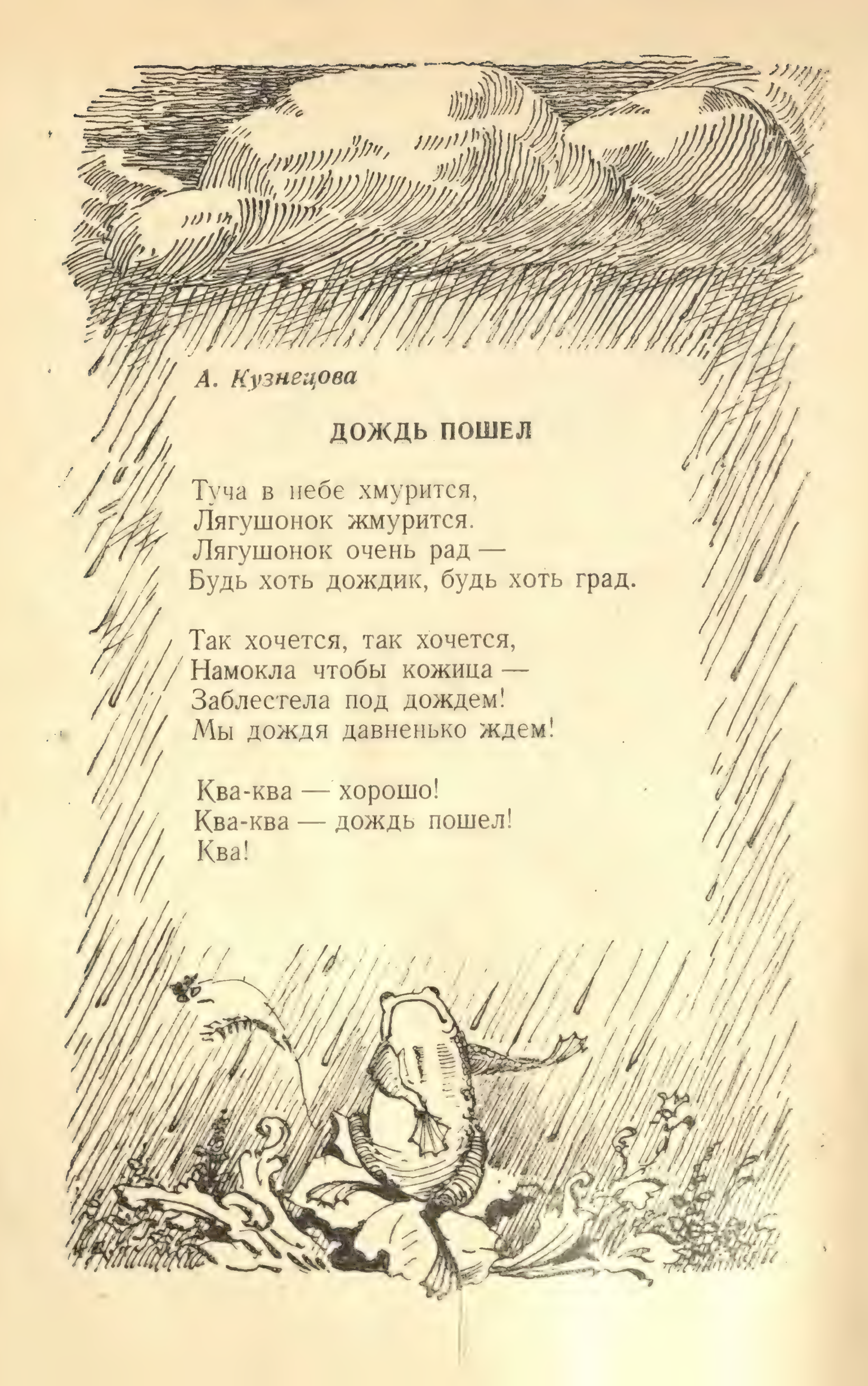
Да расчешет волосы —
Золотые полосы,
И, смеясь во все лицо,
Выйдет солнце на крыльцо,

«Здравствуй, матушка земля!
Как ты ночку провела?

Не видала ль сна дурного?
Дай тебя согрею снова!

Потянись-ка ты горами,
Прошуми скорей лесами,
Да разлейся ты рекой
С разговорчивой водой.

Пусть тогда встает народ.
Песню звонкую поет
Пионерская труба.
И веселая гурьба
Школьников по всей стране
Выбежит навстречу мне.

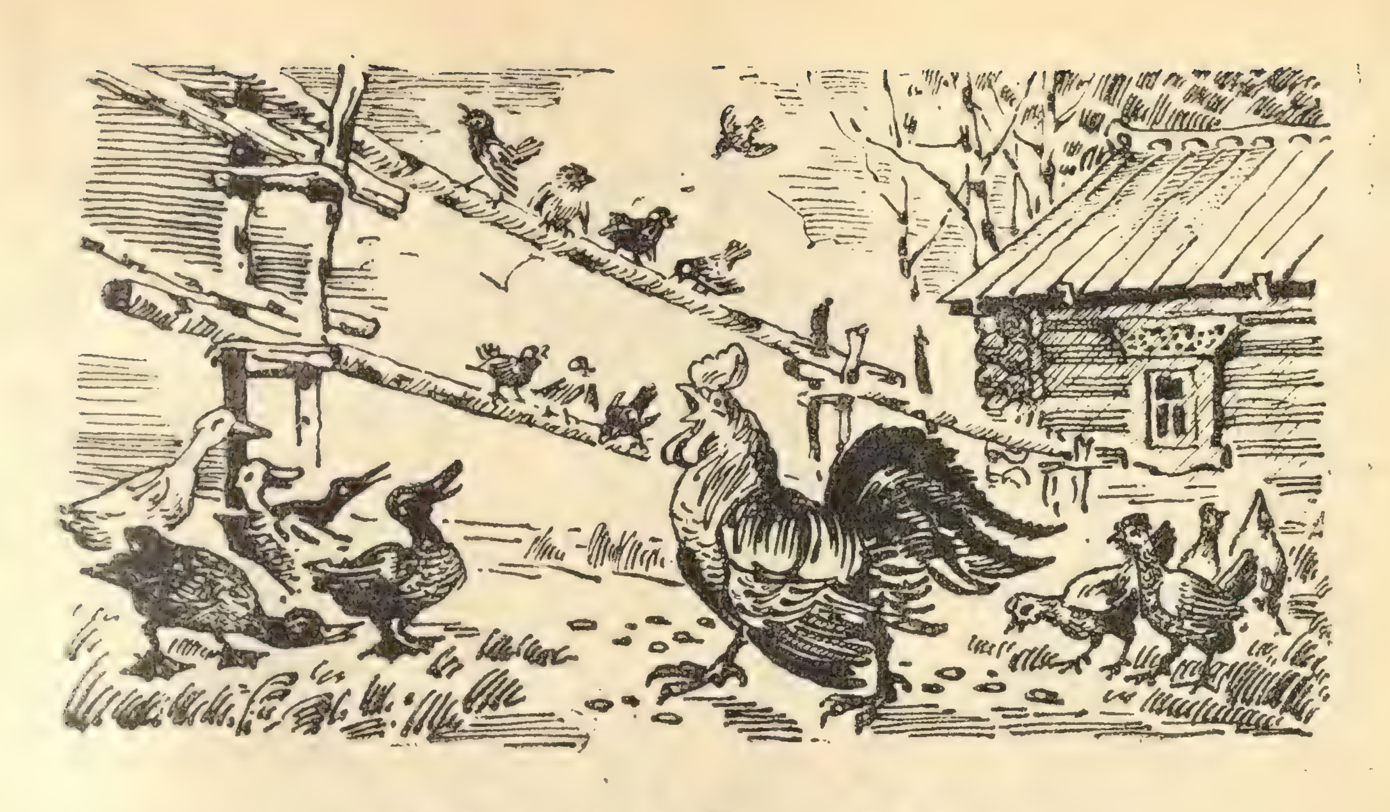
А. Кузнецова

ДОЖДЬ ПОШЕЛ

Туча в небе хмурится,
Лягушонок жмурится.
Лягушонок очень рад —
Будь хоть дождик, будь хоть град.

Так хочется, так хочется,
Намокла чтобы кожица —
Заблестела под дождем!
Мы дождя давненько ждем!

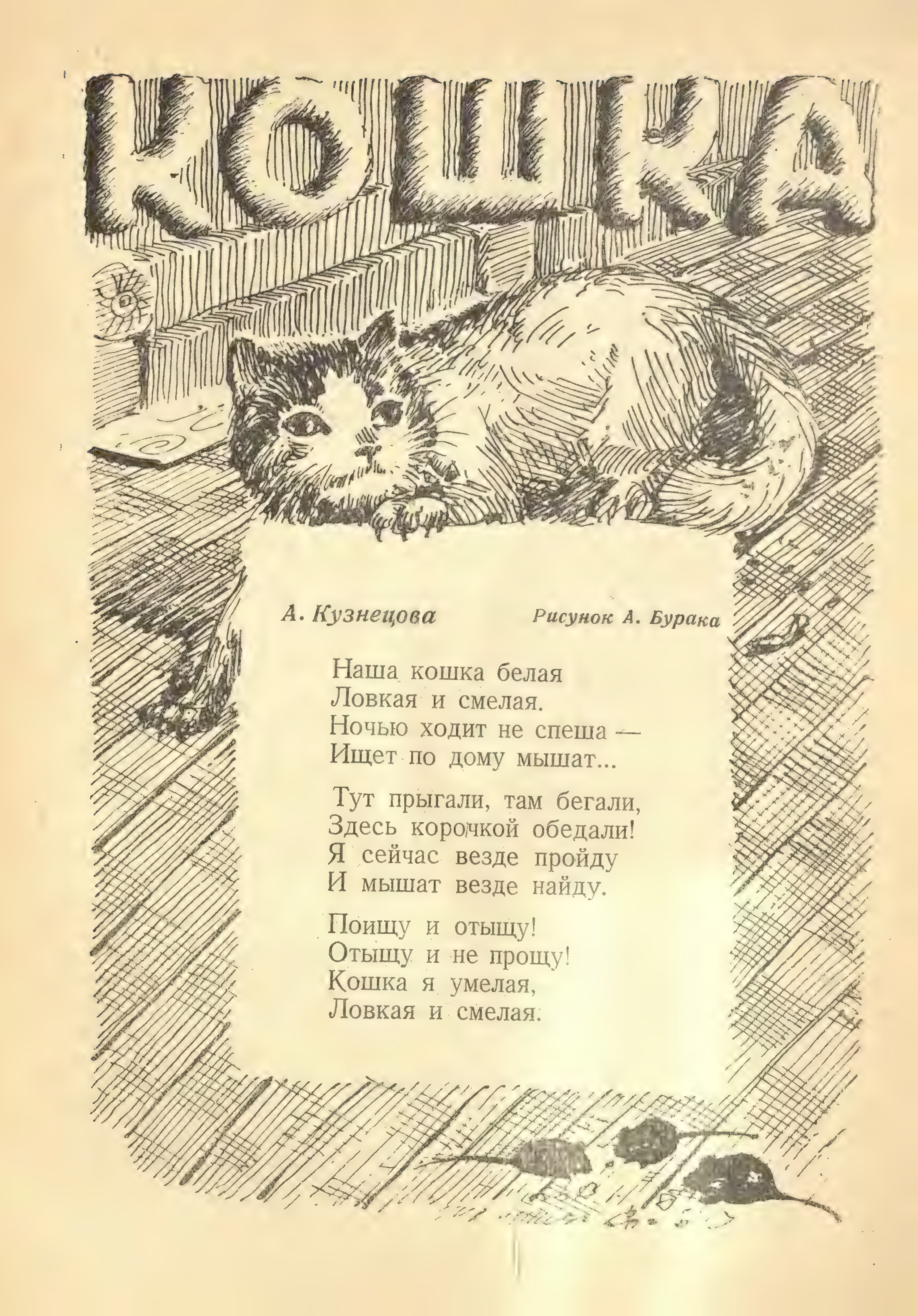
Ква-ква — хорошо!
Ква-ква — дождь пошел!
Ква!

ПТИЧИЙ СПОР

К. Громыко. *Рисунок А. Бурака*

Рано утром на дорожке
Увидали хлеба крошки
С крыши воробьи.
И слетевшись на забор,
Шумный начали тут спор:
«Чьи, чьи, чьи, чьи, чьи?»
«Пустяки,— сказал петух,—
Вы ловите лучше мух,
Крошки я не дам!»
«Говоришь ты, Петя, вздор! —
Закричал утиный хор,—
Крошки эти нам!»
«Как-так, как-так! нас забыли.—
Куры все заголосили,—
Это просто смех!»
Черная, как вакса,
Выбежала такса,—
Разогнала всех!

КОШКА

А. Кузнецова *Рисунок А. Бурака*

Наша кошка белая
Ловкая и смелая.
Ночью ходит не спеша —
Ищет по дому мышат...

Тут прыгали, там бегали,
Здесь корочкой обедали!
Я сейчас везде пройду
И мышат везде найду.

Поищу и отыщу!
Отыщу и не прощу!
Кошка я умелая,
Ловкая и смелая.

28 января исполнилось 70 лет со дня рождения Павла Петровича Бажова, автора чудесной книги «Малахитовая шкатулка». Она тоже, как и ее творец, появилась на свет в морозный январский денек. Книга вышла впервые у нас в Свердловске, десять лет назад. После того она издавалась во многих городах Советского Союза и в других странах. Ее знает весь культурный мир.

Как-то раз мы спросили Павла Петровича:

— А раньше, в старое время, вы думали стать писателем?

Павел Петрович сказал:

— Нет. И, вероятно, никаких литературных трудов у меня не было бы, если бы не революция.

Бесспорно, так и случилось бы. Ведь известно, сколько талантов пропало в царское время. Капитализм душил их, калечил, не давал развиваться.

В рабочей среде Павел Петрович немало встречал талантливых поэтов, сказителей. Он жадно прислушивался к самобытным песням рабочей молодежи, сказам стариков, побывальщинам разного рода, присловьям, поговоркам. Особенно запомнился ему полевской сказитель дедушка Слышко — сторож на караулке горы Думной, близ которой жила семья Бажовых. Вечером глубокий, но еще бодрый старик взбирался на высокий помост и размеренно бил в колокол. Ребята и старики, собравшись у караулки, терпеливо ждали, когда дедушка Слышко сядет на крылечко будки, набьет трубку и поведет, наконец, рассказ про старинное житье-бытье.

За долгую жизнь старик «до дна» изведал тяготы горнорабочего и переменчивое счастье старателя.

В свободную минуту он любил рассказывать о том, что видел, слышал, испытал сам. В его сказах исторически верные картины жизни переплетались с мотивами изумительной народной фантастики.

Павел Петрович был самым внимательным слушателем его затейных сказов.

Позднее в своих многократных скитаниях по Уралу и Сибири Бажов слышал другие тайные сказы горняков, но ни один из них не мог сравниться по яркости и выразительности языка со сказами дедушки Слышко.

В Полевском заводе у горы Думной Павел Петрович прожил три года. Более раннее детство он провел в Сысерти, небольшом заводском поселке близ Екатеринбурга. Там он родился в семье рабочего пудлинго-сварочного цеха. Отец его был прямодушным человеком, не боявшимся говорить правду прямо в глаза. За это его не любило заводское начальство и старалось при малейшем поводе отделаться. Семья нередко оставалась без средств к жизни. В поисках работы отец беспрерывно переезжал с завода на завод: из Сысерти в Северскую, обратно в Сысерть, затем в Полевую, оттуда в Вершинку.

В частых переездах по обширному Сысертскому округу, где стояло пять металлургических заводов, прошли детские и отроческие годы Павла Петровича. Он близко узнал жизнь коренного уральского населения. «Я жил,— вспоминает Бажов,— жизнью рабочих, слышал их жалобы, разговоры, хлесткую насмешку над «верховодами», видел жизнь и работу этих «верховодов».

По окончании заводской школы Павел Петрович переезжает в Екатеринбург, чтобы учиться дальше. Он мечтает стать учителем. Отец, узнав, во что обойдется учение в гимназии, скрепя сердце, отдает сына в духовное училище. Там есть интернат, там дешевле берут за обучение.

Проходит несколько лет безрадостной учебы, вначале в духовном училище, затем в Пермской духовной семинарии.

Юноша без сожаления покидает пыльные семинарские аудитории. Он становится учителем русского языка. Родной язык — любимый предмет Павла Петровича с раннего детства.

Много учеников хранят в сердце самые теплые воспоминания о Павле Петровиче как учителе.

Как только наступали летние каникулы, молодой учитель надевал рюкзак и отправлялся в туристический поход по Уралу. Юные туристы, спросите Павла Петровича,— где он бывал в молодости, и он, наверное, назовет все те места, где побывали и вы, и много других, вами

пока неизведанных. Он любил свой край, интересовался его историей, бытом и языком народа. Многое заносил в записные книжки.

Великая Октябрьская революция изменила жизненный путь Павла Петровича. Она вывела его на широкий общественный простор и пробудила его дремавшие творческие силы.

В 1918 году Бажов вступает в ряды партии большевиков и становится журналистом. На страницах газет и журналов впервые появляются его очерки, фельетоны, статьи. Он редактирует камышловскую газету. Беспокойный труд журналиста приходится ему по душе.

Наступает 1919 год. На Урале — разгар гражданской войны. Страна в опасности. Павел Петрович — на фронте. Он редактирует дивизионную газету «Окопная правда», ведет среди бойцов партийную, пропагандистскую работу.

Под могучим натиском Красной Армии все дальше и дальше на восток откатываются разбитые колчаковские войска. В Сибири ширится народное партизанское движение. Павел Петрович становится партизаном. Нам трудно сейчас представить тихого, неторопливого и мягкого Павла Петровича в роли сурового партизана-бойца.

То было тридцать лет назад. Он носил тогда каштановую бороду, и на лице его не было ни одной морщины. Павел Петрович воевал в томских лесах и алтайских горах — за тысячи километров от Урала. С одним из партизанских отрядов он вступил в освобожденный Усть-Каменогорск. Здесь и затем в Семипалатинске ему поручают ответственную партийную работу.

Хороша Сибирская сторона, но Урал — родина — лучше. Спустя два года Павел Петрович возвращается в родные места. Он снова редактирует газету, снова берется за перо журналиста. Опыт военного корреспондента и партизана обогатил запас его жизненных наблюдений. К знанию Урала прибавилось знание великих сибирских просторов. Он много испытал, многое увидел и познал глубоко.

В 1924 году Павел Петрович выпускает свою первую книгу «Уральские были» и затем вторую «К расчету». Две тонких книжечки, где языком большого знатока-краеведа рассказано о том, как жили, работали и боролись сысертские рабочие.

В течение нескольких лет Бажов писал только очерки. Работа в газете приохотила его к этому литературному жанру.

В 1936 году Павел Петрович пробует свои силы в новой форме — в сказах. Из впечатлений детских лет выплывает образ веселого балагура — сказителя дедушки Слышко, воскресают в памяти пленительные образы Хозяйки Медной горы, Данилы — взыскательного мастера-

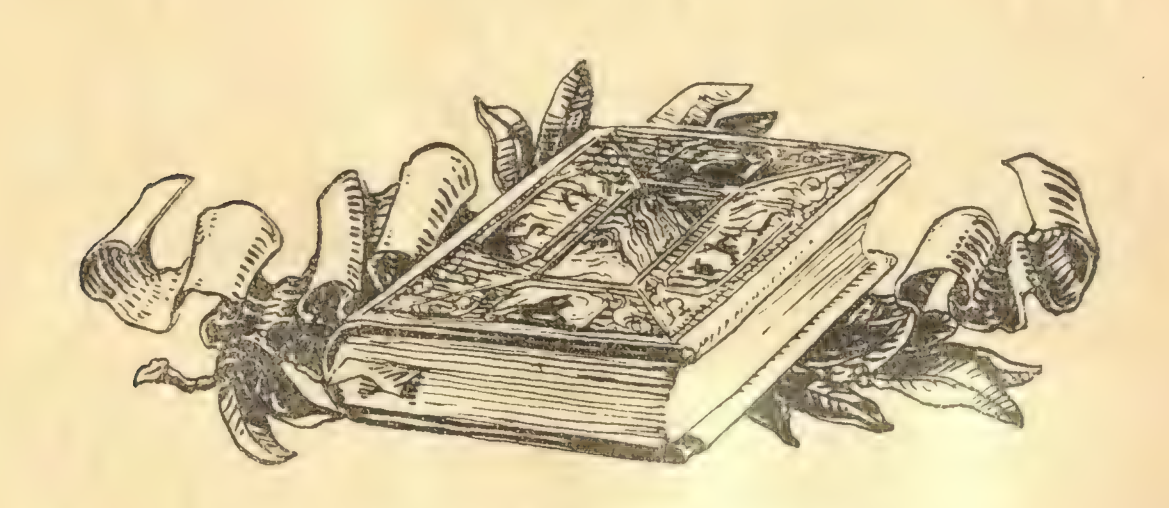
камнереза, охотника Коковани и других героев горняцких сказов. Вот их бы воплотить в слове, таком же живописном и точном, каким умел говорить старый, неграмотный сторож караулки на горе Думной. Историческую правду сочетать с причудливой народной выдумкой, выразив в ней творческое могущество русского народа, его дерзания и думы о будущем.

Такую задачу поставил перед собой Павел Петрович, когда начал писать «Малахитовую шкатулку».

Он успешно выполнил ее. «Малахитовая шкатулка» стала любимой книгой всех от мала до велика. Советский учитель отнес ее по праву к лучшим образцам классической литературы. Правительство удостоило творца ее Сталинской премии. За десять протекших лет «Малахитовая шкатулка» сильно увеличилась в размерах. Последнее издание, на-днях вышедшее из печати, содержит в себе уже 42 сказа, в два с лишним раза больше, чем в первой книге.

Павел Петрович неутомимо расширяет ее пределы. За это же время он дал детям чудесную повесть «Зеленая кобылка», взрослым — интереснейшие воспоминания об Екатеринбурге-Свердловске.

Попрежнему свеж и силен его прекрасный талант. Павел Петрович с юношеской стремительностью отзывается на могучий голос нашей великой сталинской эпохи.

П. П. БАЖОВУ

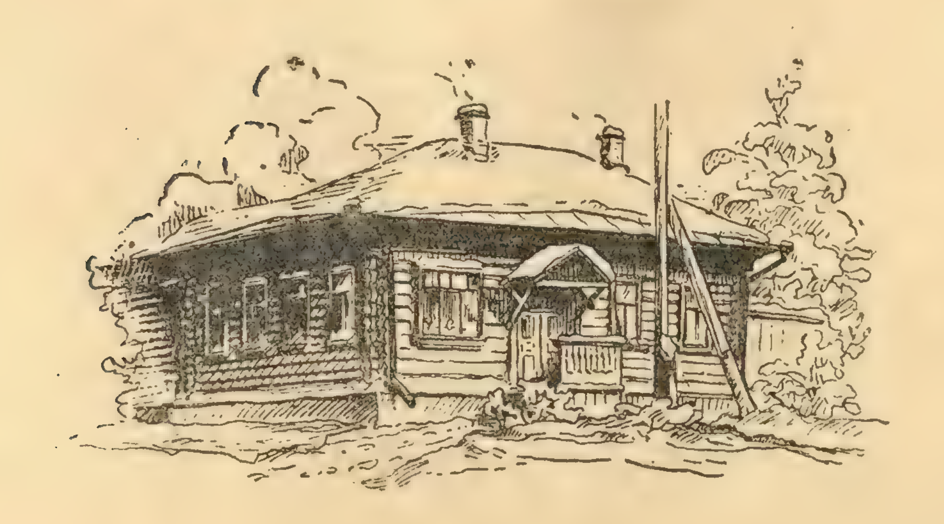
Елена Хоринская *Рисунок М. Щировского*

Такое найти б задушевное слово,
Чтоб слышалось в нем трепетание крыл...
Желаю я счастья большого-большого
Тому, кто в горах самоцветы открыл.

Над домом пушистые вьются снежинки,
И ходит мороз у знакомых ворот,
Но снег никогда не заносит тропинки
Туда, где любимый писатель живет.

Отзывчив до каждого горя чужого,
Выходит навстречу, доступный, простой...
И люди идут к депутату Бажову,
Идут к человеку с большою душой.

И снова потом он сидит до рассвета,
Стоит за окном на часах тишина...
Я новых желаю ему самоцветов,—
Вторую шкатулку набить дополна!

Елена Хоринская *Рисунки М. Щировского*

Лишь скрылось солнце за горою
И вышла первая звезда,
Вечерней тихою порою
Сошлись ребята у костра.

Над горной речкою Крутихой
Они сидят не в первый раз.
Один взволнованно и тихо
Уже любимый начал сказ...

Взметнулись искры дружным роем,
Заколыхалась тень куста...
И вот знакомые герои
Как будто ходят у костра

Вот слышен ровный тихий голос —
Подходит Слышко — добрый дед,
И будто сам Великий Полоз
Оставил на траве свой след

Смола стекает с веток клейких...
— Здесь, может, тоже клад зарыт!
А пламя голубою змейкой
По веткам весело бежит.

Но быстро мчатся дни за днями,
Обратно детства не вернуть.
Ребята станут мастерами,
Уйдут геологами в путь.

И открывать богатства будут,
Свершат немало славных дел.
Но никогда не позабудут
Того, кто край родной воспел.

И вспомнят речку под горою,
Те, с детства милые, места...
И вновь любимые герои
Пройдут как будто у костра.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Константин Мурзиди

Каждый вечер все одно и то же
Говорит мне девочка моя:
— Прочитай мне что-нибудь...
— А что же?
— Что-нибудь... Сама не знаю я.

Зимний вечер. Девочке не спится.
Стал я книгу медленно листать.
— Сказку о Серебряном копытце
Я тебе хотел бы почитать.

Где копытце о землю ударит,
Там заблещет камень-самоцвет.
Может быть, оно тебе подарит
Лучший камень... Хочешь или нет?

Девочка задумалась...— Не знаю...
Я таких не видела камней...
Тропка ей представилась лесная,
Самоцветы всякие на ней.

А в лесу вечернем нет ни шума,
Ни ребячьих звонких голосов.
Девочка спросила: — Кто придумал
Эту сказку?
— Дедушка Бажов.

— Ты его не знаешь, папа?
— Знаю.
— Знаешь, да? — и засветился взгляд. —
Так скажи ему, что я желаю:
Пусть еще напишет для ребят!

...Зимний вечер. Девочке не спится.
В синем небе звезды далеки.
Это под серебряным копытцем
Блещут, рассыпаясь, огоньки.

ПЕВЕЦ НАРОДНОГО ТРУДА

К. Боголюбов

Это было два с половиной года назад. В клубе имени Дзержинского состоялась встреча Павла Петровича Бажова с учениками ремесленных училищ. В зрительном зале сидело около тысячи ребят. Громкими и дружными аплодисментами встретили они любимого писателя. Когда, наконец, наступила тишина, он заговорил. И казалось, это сам ласковый и мудрый дедушка Слышко сошел со страниц чудесной книги сказов «Малахитовая шкатулка». Он рассказывал о старых уральских мастерах, чья трудовая слава не записана ни в одной книге, и о том, какое счастье жить в стране, где труд стал делом доблести и славы.

— Если вам дорого это счастье, трудитесь честно, а Родина и народ никогда не забудут вашего труда,— сказал он.

За два с половиной года те, кто слушали тогда Павла Петровича, уже кончили ремесленное училище, уже стали опытными рабочими и, верно, не один раз вспомнили они мудрое слово старого мастера от литературы.

Чему учит он молодое поколение? Самому большому в жизни — любить свою Родину, любить свой труд. «Работа — она штука долговекая,— говорит он,— человек умрет, а дело его останется...» Учит он не книзу глядеть на то, что сделано, а кверху глядеть — «как лучше сделать надо». Учит искать «живинку, которая во всяком деле есть, впереди мастера бежит и человека за собой тянет». Учит не успокаиваться на достигнутом, а итти дальше, вперед и вперед к вершинам мастерства для блага и счастья народа.

Он любит детей и часто пишет о них. Вы, верно, читали его повесть «Зеленая кобылка», сказы о Полозе, «Огневушка-поскакушка», «Голубая змейка», «Травяная западенка», «Таюткино зеркальце» и ряд других увлекательных произведений о детях и для детей. А если читали, то

не могли не полюбить маленьких героев этих сказов. Они дети рабочих и с детства привыкали к нужде, к тяжелой работе. Дружный народ. Они умеют выручить не только друг друга. В повести «Зеленая кобылка» трое заводских ребятишек помогают спасти рабочего-революционера, за которым охотится полиция. Хорошие, мужественные люди вышли из таких ребят.

А в сказах сколько жизни, поэзии, правды. Вот образ Хозяйки Медной горы. Простые люди, рудничные рабочие, всегда найдут у ней защиту, зато приказчику Северьяну-убойце не будет от нее пощады, обратит она его в пустую породу, одни только подошвы останутся. Великий Полоз укажет золотое месторождение братьям-сиротам. Только не жадничай, не обманывай, не ленись. Голубая змейка награждает добрых и бескорыстных, но стоит только плохо подумать о товарище, пожалеть помочь ему — и богатые дары волшебной Голубой змейки рассыпаются прахом. Значит, не для того мы спускались в подземное царство Хозяйки Медной горы, чтобы полюбоваться его чудесами, а для того, чтобы понять другую красоту — красоту ума и сердца. Будь справедливым, честным, верным в слове и работящим — тогда ты будешь достоин большого человеческого счастья.

Все вы читали сказ «Каменный цветок», видели, конечно, и кинокартину. Помните, как мастер Данило просит Хозяйку показать ему свои владения. И Хозяйка ведет его в глубь земли. «Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших местах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идет... Земля тут как простая глина, а по ней кусты черные, как бархат. На этих кустах большие зеленые колокольцы малахитовые, и в каждом сурьмяная звездочка. Огневые пчелки над теми цветками сверкают, а звездочки тонехонько позванивают, ровно поют...»

Красиво в подземных каменных владениях Хозяйки. Но холодно и пусто на душе у Данилы. Понял он, что одной красоты мало для жизни и счастья. Понял он, что красота и искусство тогда дают счастье, когда они делаются для людей. И навсегда уходит Данила из подземного царства к людям. С людьми должен быть и писатель. Только тогда его искусство будет настоящим искусством.

Народу своему и родному Уралу посвятил всю свою литературную деятельность Павел Петрович Бажов. Родина его художественных образов — один из самых поэтических уголков Урала. Это Сысертский и Полевской заводы, овеянные легендами Думная и Азов-гора, старин-

ный Гумёшевский рудник. Старый Урал устами своего художника сказал о себе золотое слово.

Перелистайте страницы сказов «Малахитовая шкатулка», и перед вами раскроется величественная картина Урала с его неисчислимыми рудными богатствами, шумом сосновых лесов, светлыми горными озерами. Это горнозаводский Урал. Это Сысерть и Невьянск, Касли и Златоуст. Вы увидите замечательных мастеров-умельцев. Они изобрели хрустальный лак, создали художественное чугунное литье, овладели тайной изготовления булатной стали, научились добывать и гранить камни-самоцветы. Это доменщики и литейщики, горщики и старатели, камнерезы и углежоги. Все люди исконных уральских профессий, мастера железного, золотого, каменного дела. О их труде и рассказывает Павел Петрович, о их благородном стремлении делать больше и лучше для своей Родины, для своего народа.

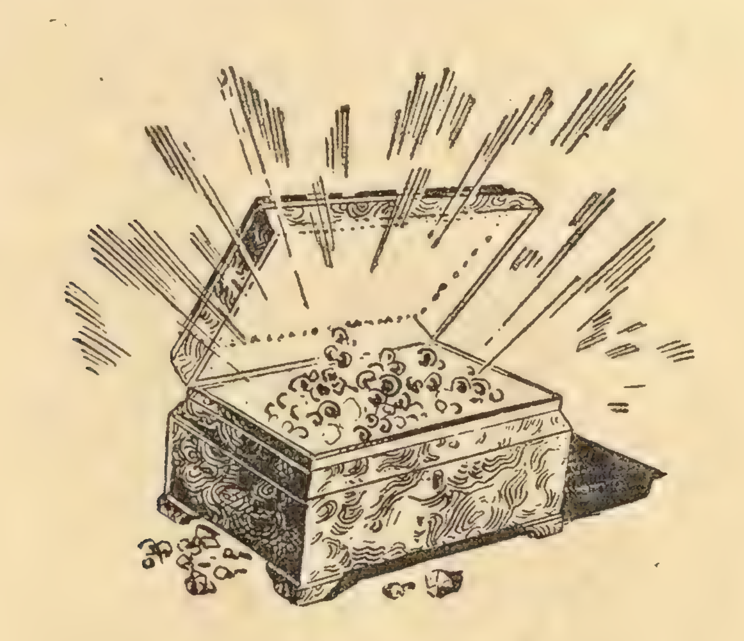
«Малахитовая шкатулка» вышла в 1939 году. Но вы не знаете, ребята, что еще в 1924 году Павел Петрович написал прекрасную книгу «Уральские были». В ней он рассказал о прошлом Сысертского завода, о заводовладельцах и заводских управителях, о рабочем населении, о том, как трудно жилось этим рабочим, какие таланты бесследно погибали в дореволюционных условиях горнозаводской жизни.

Когда началась Великая Отечественная война, Павел Петрович как подлинный советский патриот выступил с новыми произведениями. Он написал сказы о немцах, о том, как они до революции хозяйничали на уральских заводах. В сказе «Иванко-Крылатко» он показал превосходство молодого русского рабочего над немцем, превосходство русской смекалки и творческой выдумки над немецким шаблоном в работе. Русские мастера — мастера с полетом! Вот что сказал в этих своих новых произведениях Павел Петрович.

После войны Павел Петрович написал сказы: «Золотые дайки», «Шелковая горка», «Широкое плечо», «Аметистовое дело». Не думайте. что это «преданья старины глубокой». В любом из этих сказов наше советское отношение к труду, к человеку.

А в рассказе «Аметистовое дело» старый горщик становится мастером клеверного семеноводства. И здесь та же «живинка в деле». Старик приметлив. Стал он лишние головки у клевера обрывать. «Сперва, понятно, на малом месте, на грядке. Вижу — толк есть, расширяться стал, а вскорости и отборные семена сами сказываться стали. Теперь у нас, как клеверная струя при очистке побежит, залюбуешься. Нарочно люди приходят, чтоб на нее поглядеть. Про меня и говорить нечего. Как маленький, жду этих дней. А ведь дело-то какое!»

Так говорит Павел Петрович о людях наших дней, о мастерах и новаторах. Это слово о труде и силе народной. Пожелаем же, чтобы оно впредь звучало так же полновесно. Пусть долгие, долгие годы наполняется чудесная «Малахитовая шкатулка» драгоценными самоцветами на радость всем советским людям.

К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина (6/VI 1799 г. — 6/VI 1949 г.)

150-летие со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина для всего советского народа является днем торжества.

В личности и творчестве Пушкина воплотились лучшие черты русского народа — свободолюбие, пламенная любовь к Родине, ненависть к врагам, ясный ум, неиссякаемая творческая энергия и непоколебимая вера в победу.

Великий поэт — родоначальник русской художественной литературы и основоположник реалистического направления; его произведения написаны близким и понятным народу языком, правдиво изображают жизнь народа и беспощадно разоблачают царя и помещиков. Эти главные черты творчества Пушкина ярко проявились уже в его ранних стихах.

В стихотворении «Деревня» (1819 г.) на фоне очаровательной сельской природы жестокость помещиков и бесправное положение крепостного крестьянина изображены с потрясающей силой. Грозным предупреждением царям и мощным призывом к народному восстанию звучат слова поэта в оде «Вольность» (1817 г.):

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Готовность отдать свои силы делу освобождения народа и уверенность в победе выражены в вдохновенных строках «Послания к Чаадаеву» (1818 г.):

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Великий поэт был тесно связан с дворянскими революционерами-декабристами. Царь Николай I жестоко расправился с декабристами. Многие из них попали на каторгу в Сибирь. Пушкин, рискуя понести новое наказание (это было после его возвращения из южной ссылки), пишет и пересылает своим друзьям знаменитое послание «В Сибирь».

В творчестве Пушкина использованы лучшие стороны народного устно-поэтического творчества (фольклора). Глубина содержания, ясность и простота формы пушкинских произведений стали возможны благодаря этой народной основе.

Уже в первой своей поэме «Руслан и Людмила» (начата в лицее в 1817 г., окончена в 1820 г.) великий поэт выступил как новатор, смело введя народные слова и выражения. В ней он воспел славного героя-богатыря Руслана, который побеждает злого Черномора и освобождает свою невесту Людмилу. Вся поэма проникнута красотой русского народного эпоса.

Поэт Жуковский, понимая, что молодой Пушкин далеко вышел за пределы принятых в тогдашней литературе правил и сказал свое новое слово, — подарил ему в день окончания поэмы свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя».

Вот очаровательное начало «Руслана и Людмилы»:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;

Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

С появлением в печати поэмы «Кавказский пленник» Пушкин становится подлинным учителем в литературе.

Пушкин глубоко изучал народное творчество, учился живой народной речи. В былинах, сказках, песнях, пословицах и поговорках поэт черпал красоту и богатство образов и языка. На основе народных сюжетов им написаны гениальные сказки — «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне», «Сказка о золотом петушке» и др.

Огромную роль в приобщении Пушкина к народному творчеству сыграла его няня Арина Родионовна, которая сама была талантливой сказительницей. Образ няни, овеянный теплой любовью, занимает значительное место в творчестве поэта.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя, —

говорит Пушкин о своей няне. Черты Арины Родионовны нашли воплощение в образе Филипьевны, няни Татьяны, в романе «Евгений Онегин».

Впервые под пером Пушкина природа заблистала богатством своих красок. Великий поэт с одинаковым искусством умел рисовать и величественную природу Кавказа и Крыма и простую красоту природы средней полосы России. Кто из вас не помнит стихотворений «Кавказ», «Обвал»?! Или вспомните изображение осени (стихотворение «Осень»):

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса —
В их сенях ветра шум и свежее дыханье
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

Незабываемые картины всех времен года даны Пушкиным не только в специально посвященных этому стихотворениях, они содержатся во всех его произведениях.

Вот, например, картина весны из романа «Евгений Онегин»:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа

Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Очаровательной мягкостью украинской природы веет на вас со страниц поэмы «Полтава».

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

Круг интересов Пушкина изумительно широк. Он создал единственный в своем роде роман в стихах «Евгений Онегин», названный великим критиком В. Г. Белинским «энциклопедией русской жизни», в котором отразилась целая историческая эпоха.

Его перу принадлежат бессмертные трагедии, повести и великолепные исторические исследования.

Пушкин любил свою родину, свой народ. Он хорошо понимал, что народ является создателем всех богатств и подлинной культуры. Ломоносов и Минин, говорил Пушкин, стоят дороже, чем все родовые дворяне. Степан Разин и Емельян Пугачев, талантливые сыны народа, стали героями пушкинских произведений. Известно, какими положительными чертами наделен Пугачев в «Капитанской дочке». Свободолюбивый, беспощадный к врагам, хладнокровный и решительный, строгий и справедливый — таков вождь крестьянского восстания Пугачев у Пушкина.

Пушкин горячо любил Россию, но не Россию царя и помещиков, а родину великого народа. О нашествии Наполеона он писал:

Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Великие русские революционеры-демократы: Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский дали оценку Пушкину как поэту национальному. Разоблачение эксплоататоров и защита трудового народа — эти главные черты творчества Пушкина, развитые и углубленные в творчестве Гоголя, Тургенева, Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, — стали главными чертами критического реализма. Начиная с Пушкина, русская литература по праву заняла первое место в мировой литературе, и у нее стали учиться писатели других стран.

Великий пролетарский писатель А. М. Горький, оценивая значение Пушкина для русской литературы, назвал его «началом всех начал» и указал, что в своем творчестве он дал «самое полное выражение духовных сил России».

Произведения Пушкина были в числе любимых книг В. И. Ленина. Величайший вождь пролетарской революции в борьбе с врагами большевистской партии и народа использовал отдельные пушкинские образы и выражения.

В 1941 году, когда фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину и Гитлер грозился «уничтожить» русский народ, товарищ Сталин в исторической речи на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1941 года, сказал: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!»..

Царское правительство жестоко преследовало, травило великого поэта. Но ни ссылки, ни жандармские допросы не смогли сломить свободолюбивый дух Пушкина; его творчество с каждым годом становилось общественно значительнее, острее и глубже. Сама смерть поэта, явившаяся результатом организованной царским правительством травли, сделала имя Пушкина еще более близким и дорогим народам России.

И при жизни Пушкина и после его смерти царское правительство принимало все меры, чтобы вольнолюбивые произведения поэта не были известны широким народным массам: их запрещали печатать, искажали.

Подлинная слава великого поэта пришла вместе с Великой Октябрьской социалистической революцией. Весь многонациональный советский народ читает произведения Пушкина и бережно хранит их. Распростра-

нение произведений Пушкина достигло у нас небывалых размеров. Если в царской России за период с 1898 года по 1916 год произведения Пушкина были изданы на национальных языках только 27 раз тиражом 34 тыс. экз., то в СССР они изданы 1242 раза общим тиражом почти в 43 миллиона экз. и вышли на 76 языках народов Советского Союза.

С наступлением новой эры — эры социализма — сбылись пророческие слова великого поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

(Стих. «Памятник», 1836 г.)

Имя великого Пушкина дорого не только народам нашей Родины, оно дорого всему прогрессивному человечеству.

СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты первого свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В СИБИРЬ

Послание А. С. Пушкина декабристам

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечный веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой — я променял порочный двор цирцей,

Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;

Везде следы довольства и труда...
Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой

И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца,
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей питать в душе не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар,
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?
Выпьем, добрая подружка

Бедной юности моей,
Выпьем с горя, где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них низвергаясь, шумят водопады,
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь —
Приятно думать у лежанки,
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу

Нетерпеливого коня,
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

К НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

Exegi monumentum[1]

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,

---

[1] Я воздвиг памятник.

Что в мой жестокий век восславил я
Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемля равнодушно,
И не оспоривай глупца.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

«Евгений Онегин», роман в стихах, был начат Пушкиным в Кишиневе в 1823 году и закончен лишь осенью 1830 года в селе Болдино.

Более восьми лет работал великий поэт над своим любимым произведением.

Белинский назвал этот роман «энциклопедией русской жизни». И действительно, чуть ли не каждая строка «Евгения Онегина» при вдумчивом и внимательном чтении подробно знакомит нас с бытом и нравами русского общества начала прошлого века.

Мы предлагаем вам, ребята, еще раз внимательно прочитать роман и ответить на вопросы, помещенные ниже.

1. Какой промежуток времени занимают события, описанные в романе?
2. Сколько лет было Ленскому?
3. Что сдружило Онегина с Ленским?
4. В каком знаменитом сражении участвовал отец Татьяны?
5. Какой он имел чин?
6. Играют ли действующие лица романа в шахматы, и кто с кем?
7. В каком месяце должна была состояться свадьба Ленского и Ольги.
8. Укажите точную дату — месяц, день, число — гибели Ленского?
9. Как называлась деревня Ленского?
10. Где находилось имение Лариных: южнее или севернее Москвы?
11. Сколько времени заняла поездка Лариных в Москву?
12 Какова дальнейшая судьба Ольги?
13. Сколько лет Онегину в конце романа?
14. Какой известный поэт беседовал с Татьяной в Москве?
15. На каком языке писала Татьяна свое письмо Онегину?
16. Сколько писем написал Онегин Татьяне?
17. Назовите фамилию Татьяны по мужу.

ПЕРЕВЕРТЕНЬ

Выберите какое-либо слово и напишите его по вертикали сверху вниз, а также снизу вверх, вписывая букву против буквы. Например, слово «аврора»:

А . . . . А
В . . . . Р
Р . . . . О
О . . . . Р
Р . . . . В
А . . . . А

Вы должны найти слова, первые и последние буквы которых уже определены этими двумя столбцами.

Попробуем разрешить задачу

А л я с к А
В е р т е Р (герой Гёте)
Р о к о к О (стиль)
О л и в е Р (Твист, герой Диккенса)
Р о с т о В (герой Л. Толстого)
А р а г в А

Можно «перевертень» построить целиком на литературном материале, но также соблюдая одинаковое число букв. Второй столбец начинается как раз с середины.

Например, Максим Горький «На дне»:

М . . Ь
А . . К
К . . И
С . . Й
И . . Н
М . . А
Г . . Д
О . . Н
Р . . Е

На месте точек между буквами требуется поставить заранее обусловленное число букв с тем, чтобы получились новые слова.

Даем решение на две буквы в промежутке:

Мать (повесть М. Горького)
АрыК
КопИ
СвоЙ
ИваН
МерА
ГраД
ОзоН
РелЕ[1]

Выигравшим в этой игре считается тот, кто выполнит задание первым в определенный срок. Если к назначенному времени решение найдено несколькими, то повторяющиеся слова вычеркивают и победителем считается тот, у кого осталось больше слов. Если совпадающих слов нет, преимущество отдается тому, у кого больше слов, имеющих отношение к литературе.

Попробуйте решить задачу:

Л . . . . . . Л
Е . . . . . . С
В . . . . . . Т
Т . . . . . . О
О . . . . . . Й

ИГРЫ С ВЕРТУШКОЙ

Вырежьте из картона четыре шестигранника и напишите на них буквы. Проколите каждый шестигранник в центре и вставьте в прокол заостренную спичку. У вас получится четыре юлы-вертушки.

Заготовьте побольше фишек. Их можно нарезать из картона, можно использовать для этой цели фасоль или горох.

Будем играть вчетвером. Кто-нибудь первый запускает свою вертушку. Все следят, на какую букву она упадет. Кто раньше успеет сказать слово или фразу (смотря по условиям игры), начинающиеся на эту букву, тот берет фишку.

Выигрывает тот, кто наберет больше фишек.

Допустим, темой игры мы избрали пословицы. Вы запускаете вертушку. Выпала, скажем, буква «Н». На эту букву существует много

---

[1] Реле — замыкающий или размыкающий электромагнитный прибор.

пословиц; например: «Не все то золото, что блестит». Однако долго раздумывать над выбором пословицы не рекомендуется, иначе кто-нибудь другой вас опередит.

Можно темой игры взять названия растений или животных, названия рек. Темой игры могут быть известные цитаты, отрывки из литературных произведений.

Допустим, мы остановились на пушкинских текстах. Упала вертушка на букву «У».

У лукоморья дуб зеленый
Златая цепь на дубе том...

говорите вы.

Игра пройдет оживленней, если вы заранее определите тему, несколько подготовитесь к ней, припомните слова и отдельные фразы, которые вам могут понадобиться.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Редактор *Л. Чумакова*

*

Подписано в печать 1/X 1949 г. Печ. л. 10.
Уч.-изд. 9,96. НС 33512. Формат $70 \times 92/_{16}$.
Тираж 30000. Заказ 185. Цена 6 руб.

*

5-я типография Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР
Свердловск, ул. Ленина, 47.

*

6 руб.

Свердловское Областное
Государственное Издательство
1949